

Литературный журнал

ЛАВА

№ 39

Харьков
2020

Литературный журнал

ЛАВА
№39
(2020г.)

УДК 821.161.1
ББК 83.3

Р е д а к ц и я:

Главный редактор —

Герман Титов (г. С.-Петербург, Россия)

Редакторы — Татьяна Шеина (г. Минск, Беларусь)

Андрей Костинский (г. Харьков, Украина)

Тексты печатаются в авторской редакции. Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Рукописи не рецензируются.

Редакция информирует об издании только тех авторов, чьи произведения отобраны для публикации, в полемику не вступает и оставляет за собой право на публикацию не полной подборки присланных произведений.

Издание двуязычное: украинский язык и русский язык.

Электронный адрес для писем: kostin-sky@mail.ru

Требования к присылаемым материалам:

Word, информация о себе, фотография и телефон для контакта.

**Издание является неотъемлемой частью проекта
литературного объединения АВАЛ
(основан 19 февраля 2010 года)
(руководитель — Андрей Костинский)**

Підписано до друку 28.12.2020. Формат 60x84 ¹/₈
Папір офсетний. Друк цифровий. Наклад 200 прим.
ПВПП «Слово». Свідоцтво про реєстрацію
видавничої діяльності ХК № 214 від 21.11.2007 р.

© Авторы текстов, 2020
© Литературное
объединение «АВАЛ», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 Елена Тхорова, Елена Данченко, Лидия Мельник, Елена Замура, Ирина Вишневская, Елена Черткова, Олег Банару, Сергей Ткач** (Молдова-Украина-Россия-США-Нидерланды):
КАК МЫ ЖИЛИ ТОГДА (Студенческие байки прошлого века)
- 29 Игорь Отчик** (Беларусь-Молдова-Россия-Болгария):
МАРШ БЛАНТЕРА (рассказ)
- 45 Наталья Мринская** (Киев):
О ГЛАВНОМ (стихотворения)
- 49 Николай Воротынцев** (Киев):
ДАЛЬШЕ
РЕЗОНАНСНОЕ ДЕЛО (рассказы)
- 59 Анастасія Самсонова** (Харків):
СОН (оповідання)
- 64 Владимир Ковтун** (Харьков):
О ПОЛТАВЕ И ПОЛТАВЧАНАХ
СОБАЧЬЕ СЧАСТЬЕ (рассказы)
- 70 Дениза** (Харьков):
ПРИХОЖУ НА ПОКЛОН, НА РАЗГРОМ, НА ИСПОВЕДЬ... (стихотворения)
- 75 Валентин Щербань** (Харьков):
ЛЕТОПИСЬ ХАРТИЛОНА (повесть. Продолжение)
- 80 Анастасия Лобанова** (Харьков):
СВОЕ ДЫХАНИЕ ВОСПРИНИМАТЬ КАК ЧУДО (стихотворения)
- 84 Алексей Тюльпа** (Харьков):
Я СМЕРТЬ ПЕРЕЖИЛ УЖЕ (стихотворения)
- 88 Анна Щербак** (Харьков):
ТОЛЬКО БЫ СОЛНЦА НЕ РУХНУЛИ В ЧЕРНОЕ МОРЕ (стихотворения)
- 92 Олена Михалевич** (Суми):
ПРИЙМАЮ ВСЕ, ЯК БОЖУ НАГОРОДУ (вірші)
- 96 Александр Трегубов** (Сумы):
- 102 Вячеслав РЫЖЕНКОВ** (г. Щелково, Подмосковье):
ЗОВ О ПРОШЛОМ, О БУДУЩЕМ ОДА (стихотворения)
- 106 Лев Григорян** (Москва):
ВИХИРБАРА И СНУРСЕН
- 108 Амаяк Тер-Абрамянц Корниенко** (Москва):
МАМИНЫ СКАЗКИ (мемория)
- 115 Ольга БЕЛОУС** (Новая Зеландия):
НА НОТНЫХ ЛИНЕЙКАХ РОСОЙ — МЕЛОДИЯМ (стихотворения)
- 118 Наталия РЕБАЛКО**
- 140 Андрей ПОЛЯКОВ** (Сумы):
Ан-24 (роман-метафора. Окончание)

Молдова-Украина-Россия-Нидерланды-США

КАК МЫ ЖИЛИ ТОГДА

Студенческие байки прошлого века

Байка — поучительный или юмористический рассказ, основанный на реальных событиях. Достоверность байки несколько выше, чем анекдота, но это не исключает прямого вымысла или литературных приёмов, с помощью которых рассказчик «подаёт» байку.

(Из Википедии)

Вместо предисловия:

Смутное ковидное время собрало нас, бывших студентов факультета журналистики кишинёвского университета, вместе, хоть и виртуально — на Фэйсбуке. Не скажу, что мы написали новый «Декамерон», но у нас получилось собрание весёлых студенческих баек, которыми мы обменивались на наших виртуальных страницах — рассказиков-воспоминаний о жизни студентов конца семидесятых — начала восьмидесятых годов прошлого века. Что интересно, в наших байках нет никакого вымысла, ни прямого, ни косвенного! Мы настолько правдивы, что в скобках написали фамилии бывших студенток. Итак — мы, авторы баек: Елена Тхорова (Савкова), Елена Данченко (Щербак), Лидия Мельник, Ирина Вишневская (Тютюнник), Елена Черткова, Олег Банару, Елена Замура, Сергей Ткач

Елена ДАНЧЕНКО

ГУСЬ

Во времена нашей бесшабашной, светлой и наивной молодости сельское хозяйство огромной страны, откуда все наше поколение родом, во многом держалось на бесплатном труде студентов. Студенты кишинёвского университета не были исключением. Перегруженных пятикурсников-дипломников в колхозы не посылали, а первый-второй-третий и четвёртый курсы дружно ездили на уборку урожая. Продолжалась эта морока обычно тридцать-сорок дней, в немыслимых условиях. На втором курсе, помню, мы жили вшестером в одной комнате деревенского общежития (дощатый туалет во дворе), а на третьем курсе в одном бараке оказались двадцать пять девчонок, если не больше. Там, где мы спали вшестером, постельное бельё было, а на наш «третьекурсный» барак простыней не хватило. Нам выдали страшные ватные одеяла: из щелей грязной кумачовой ткани торчали клочья серой ваты. Простыней хватило только на матрасы. Осень случилась холодная и дождливая, крыша протекала, по полу шмыгали крысы. Девчонки, завидев их, вскрикивали и вскакивали на кровати. Удобства, понятное дело, опять же, на улице — все тот же скворечник с помостом и дыркой посередине. Кормежка — «сами-сами-сами». В первую нашу ходку в колхоз кашеварить поставили наших девушек, не только не умеющих варить на столь великое количество народу, но, кажется, вообще не умеющих готовить. Помню, в недоваренной манной каше ложка моментально цементовалась, и выдернуть ее из миски было почти невозможно... Слегка подкрашенная водичка, в миске с которой едва можно было найти крошечный капустный листик, именовалась гордым словом «борщ». В общем, есть было нечего и целый месяц мы питались почти исключительно немытым колхозным виноградом с кустов и хлебом с солью. Никаких мам с доппитанием не предполагалось, потому что колхозы, в которые мы ездили, были далеко от Кишинёва. Рацион несколько разнообразили стыренные с колхозной бахчи арбузы. Бахчу обнаружили наши ребята, исследуя окрестные поля, но не сразу — нас возили на грузовиках в разные места, в основном, в бескрайние виноградные уголья.

Продуктовых магазинов в округе не было, зато была найдена «точка». Ну какая поездка в колхоз без «точки» — дома, в котором студентам продавали домашнее вино? Помнится, на первом курсе наша «точка» называлась «Хижиной дяди Тома», по имени хозяина, молдаванина по имени Томá. Вино продавалось и покупалось ведрами. Мы скидывались, покупали ведро, тащили его в лагерь, садились в круг прямо на голую, еще не успевшую остыть в сентябре землю, и пили вино залпом — алюминиевая кружка была одна на всех. Из закуски — только

тёмный хлеб. Именно там я научилась есть колхозный деликатес — хлеб, посыпанный сигаретным пеплом. По вкусу такой бутерброд отдаленно напоминал хлеб с яйцами вкрутую.

Мы не унывали. В компании всегда находился бард-гитарист — на первом курсе это был Сима (Саша Симановский), и мы хором пели про Пегаса, который «жуёт простые истины, зажав седло под мышкою как нотную тетрадь», и про «этот город называется Москва». Мы травили анекдоты, дурачились, катаясь по траве, и упивались осенним тумбурелом — молодым мутноватым домашним вином, способным свалить с ног и крепких мужиков.

Однажды вечером ведро было выпито слишком быстро, а спать не хотелось. На точку решено было отправить меня с подружкой, Нелей Стате. Мы двинулись в путь. Я не совсем понимала, что изрядно наклюкалась, но старалась идти прямо. Ну и Нелька, такая же тёпленькая, шла рядом, пошатываясь. В хижине дяди Томá нам продали второе ведро и мы побрели назад. Идём мы, значит, идём, по тропинке вдоль леса, и вдруг я вижу ... мёртвого гуся! Большого, белого. Клюв его ярко оранжевел в темноте.

— «Бендер, — заорала я, от радости начав цитировать Ильфа и Петрова, — вы не знаете, что такое гусь! Это же дивная жирная птица!» Нелька, мы отнесем его в лагерь и зажарим на вертеле, наконец-то мяса поедим!

— Ленка, ты с ума сошла, он же дохлый! Птицу надо живьем забить и тогда уже жарить-парить. Брось его!

Но я, оголодав от вина и хлеба с виноградом, не слушала ее и тащила за шею огромного белого гуся одной рукой, а другой держала дужку ведра с драгоценной влагой, несомого нами обеими. Мне было трудно, но я дотащила добычу.

В лагере меня отрезвили, убедили дохлую птицу выбросить, а Нелька потом долго с хохотом вспоминала как я, в дугу пьяненькая, тащила в лагерь дохлого гуся.

Елена ТХОРОВА

ЕРШИСТЫЙ ПАВЛИН, или КОГДА ПАНЫ ДЕРУТСЯ...

Чего только не случалось за пять лет учебы в нашей беспокойной, но такой живой и неординарной группе, куратором которой по воле судьбы стал опальный московский профессор Андрей Захарович Окорочков, автор знаменитой «Библиотечки журналиста» — нескольких увесистых томов собственных публикаций и статей классиков, которые нужно было, по мнению КПСС и официальной власти, изучить будущим журналистам, идеологическим, так сказать, работникам... Окорочков, шутя, именовал себя нашей «классной дамой».

В хрущевскую оттепель Захарыч был отправлен российским МИДом в Пекин — служить собкором газеты «Правда». Как выяснилось, Окорочкова выслали из Китая поначалу домой, в Москву, а после сослали в маленькую союзную республику Молдову. Профессор пострадал за любовь.

— Выслан я был из Пекина за то, что, будучи партийным и женатым, состоя при немалой, хорошо оплачиваемой должности и уже немолодым, закрутил роман с переводчицей, красавицей Надюшей, дочерью известного российского профессора, известного филолога и составителя словарей. В результате нашего бурного романа у нас с Надеждой Александровной родились два сына — сначала Андрей, после — Максим, — рассказывал мне Андрей Захарович, уже после того, как я окончила университет.

Понятное дело, что ему пришлось сделать выбор: развестись и жениться вторично. Согласитесь, не каждый способен на такой шаг. Профессор сделал выбор в пользу любви, не предав чувство, но пожертвовав при этом карьерой. Сослали его за провинность условно, как когда-то царь-батюшка сослал в Кишинёв Пушкина: ссылка вполне себе приятственная и мягкая — в виноградно-винный край с тёплым климатом и ранней весной.

Уволившись в девяностые годы, Окорочков неоднократно публично шутил по поводу своей кишинёвской ссылки, ненавязчиво проводя параллель между собой и неугодным царскому режиму поэтом. В Москве Захарыч преподавал в МГУ, в Советской Молдавии — в КГУ. Между МГУ и КГУ разница, как вы понимаете, существует, и с этим поспорить трудно. Честно

К ербанив ссылку, Окорочков благополучно возвратился ко второй жене на свою московскую родину, а в самом конце все тех же девяностых скончался почти в новогоднюю ночь, под самое её утро, с тридцать первого на первое января... В кончине опального профессора явно прослеживался некий знак: человек перешел в новое измерение в первый день нового года.

Однако вернемся в самое начало восьмидесятых, когда между двумя завкафедами журфака — Клобуцким и О कोरोковым — завязалась нешуточная война компроматов. Во время нашей учебы на четвертом-пятом курсе она достигла апогея. Моральную неустойчивость — то самое качество, в котором КПСС когда-то обвинила в Пекине профессора О कोरोкова — откровенно демонстрировал в те годы другой наш профессор — Клобуцкий, завертешший в критическом среднем возрасте роман с привлекательной преподавательницей филфака И.В.

Самым неприятным и отвратительным было то, что в идеологическое противостояние двух профессоров были втянуты практически все педагоги, русские и молдаване. В период сессий студентов превращали в кафедральных антагонистов, а после начали делить на приверженцев двух, уже повсю конфликтовавших кафедр. Многие из нас это сознавали, чувствуя себя холопами из известной пословицы, при этом многие откровенно страдали от битвы «панов», незаслуженно огребая плохие отметки на сессиях, или попадая в истории, в которую однажды влипла и я, как пчела в мёд. Случилось это на преддипломном четвертом курсе.

Между кафедрами шла перманентная борьба за оценки. В тот год, помнится, реванш по оценочным показателям сессии брал О कोरोков; разозлившиеся приспешники «пана Клобуцкого» всячески пытались укунить соперника за мягкие места. Для очернения «москаля» они пользовались любой возможностью — скандалами вокруг эмигрировавших студентов-«диссидентов»: Светы Сергеевой из нашей группы и Жени Хорвата, поэта, учившегося курсом младше, а также уголовным делом, заведенным на младшего сына О कोरोкова, совсем нехстати обвиненным за «хулиганку». Ну а в историю с харресментом, провернутую одним отпетым интриганом, преподавателем С. (забыла его фамилию, но помню, что он читал курс по актерскому мастерству и постановке речи для будущих телевизионщиков!) втянули сразу двух моих сокурсниц.

Идеология вещь тонкая, хрупкая... Учиться, признаться, нам было вовсе нелегко, ухо следовало держать остро. Но вострить уши удавалось, судя по моей истории, не всегда и не Кждому.

Студенческие работы по сбору урожая в Молдавии начинались в сентябре. А это значит, что ежегодно среди сокурсников «открывала сезон» именно я, другими словами — «проставлялась» за день рождения. На четвертом курсе подоспел наш последний, дембельский колхоз. Ну как не шикануть? Это ведь в последний раз. Внутри меня в такие дни ворковал щедрый, как будто слегка подвыпивший, батя, по гороскопу — Петух. Ну а я сама по авестийскому

Клендарю, знаете, кто? Круче родного папы. Я — Павлин! В тот год, 15 сентября, я с размахом отдала всю свою стипендию до последнего гроша, и наши парни, командированные мной в колхозный магазин, привезли «на каруце», маленьком рабочем грузовичке, два бидона отличного красного вина. Каждый по 40 литров.

Пили все — не только наша группа, но все курсы, собранные на уборку урожая! Однако, на студенческой поляне закусок было мало, потому что девчонок на закупку продуктов не брали: мест в кабине грузовика не хватало. Огурцы, помидоры, перец и хлеб быстро закончились. Колбасы и брынзы было тоже маловато. Все быстро наклюкались, и отбой уже ни для кого не был отбоем. Кто-то пел под гитару, кто-то до полуночи резался в бараке в карты, кто-то уполз на любовный сеновал. А я с закадычными друзьями — вечным напарником по виноградному ряду Аликом З. и его другом Игорем К. — громко спорили о Ницше, Гитлере и еще каких-то идеологах войны — к слову, это были наши любимые темы для споров. В ту ночь мы спорили громче обычного...

Из барачной ночлежки на шум вышли два заспанных молодых педагога, вчерашние студенты, лет двадцати-тридцати — ныне покойный Толик Плотник с филфака и здравствующий поныне экс-аспирант В. Портас. Имени второго я, к сожалению, не помню. Помню лишь инициал, потому что впоследствии написала на его имя в объяснительной записке. А еще помню, что за созвучие с именем мушкетёра мы прозвали его Портосом. Нас стали, в общем-то, справедливо разгонять. Парни, по-умному, ретировались, посоветовав мне сделать то же самое. Но во мне вдруг заговорила моя мама, с её не всегда уместной принципиальностью и гордостью. И тут Остапа понесло!.. «Я же не просто выпила, у меня последний в колхозе, дембельский, день рождения; и вообще, не хватайте меня руками, я сама дойду, да как вы смеете, вы пожалеете об этом, мерзавцы, я на вас управу найду...» Это все, что я вспомнила утром. Еще помню, как вызвали секретаря комсомола, бывшего старосту нашей группы, Лёшу Марчкова, которому с долей упрёка Портос сказал: вот, дескать, полюбуйтесь на вашу комсомолку-спортсменку-красавицу!

Картина маслом! Я — мелочь, метр в кепке, сидела на высокой, грубо отесанной лавке у самого барака и болтала, как малое дитя, ногами (как я вообще, чёрт возьми, на этот царский трон взобралась?). Марчков, как сейчас помню, поступил по-товарищески: сонный, недовольный, что его разбудили, он, слегка сконфузившись, произнес фразу, которая прозвучала примерно так: «Я вижу, что комсомолка Савкова сидит на лавке. Большого сказать ничего не могу...»

Спасибо тебе, дорогой Лёша! Я на всю жизнь запомнила эти спасительные слова. Позже они сыграли решающую роль в моей судьбе, ведь Лёша был единственным свидетелем в последующей тяжбе, развернувшейся между яро враждовавшими профессорскими кланами. Вероятно, я должна была стать очередной пешкой в игре «панов»... Но не стала.

Наутро, как обычно, студотряды выстроились в «каре». Началась линейка. Подняли флаг — ежедневно в небо взвизывался наш студенческий символ мира, труда и хлеба! После нескольких вступительных слов раздалась ожидаемая мною команда: «Комсомолка Савкова, два шага из строя!». Башка моя, признаюсь честно, раскалывалась на части. Но один шаг из строя, в знак осознания содеянного, я честно сделала.

— Расскажите всем, что случилось вчера ночью?

— Ничего не случилось, — еще до конца не проснувшись, отвечала я, — я отмечала с друзьями свой день рождения.

— И все?

— И все.

— Так вот, решением педколлектива вы отчислены из студенческого отряда. А соответственно, и из университета. Можете собираться домой.

«Ни суда, ни следствия, ни заседания комсомольского актива. А почему не растрелять?» — натужно вертелись мысли в моей голове.

— Куда домой? Мои родители живут в Мурманской области.

Меня не стали слушать.

...Было не до смеха. В тот день я покинула студотряд, написав по требованию Портаса-Портоса короткую объяснительную. Возможно, она и сейчас хранится где-то в архиве, в моем личном деле, как хранятся все документы студентов 1982 года выпуска. По требованию того же Портаса написал свою объяснительную и Лёша Марчков. Что написал Лёша, я не знаю, но что с того дня началось, и во что мне вылилась колхозная гулянка, знаю лишь я одна. Скажу одно: крови мне, и не только мне, попорчено было немало, но ветеран войны, подпольщик-редактор (Окороков выпускал партизанскую газету в оккупации), старик-профессор своих студентов без боя не сдавал. Никогда. И этому научил всех нас.

Царствие Вам небесное, профессор Окороков! Одно могу сказать, теперь уже, обращаясь к Вам туда, в небесную канцелярию, и надеюсь, что Вам передадут: журналист из меня вышел неплохой, во многом благодаря Вам. Низкий поклон Вам от «ершистой» Елены, как вы справедливо называли меня в студенческую пору. Могла бы взять это милое словечко за псевдоним, но, увы, не додумалась. За сим, остаюсь спасенным Вами ершистым павлином.

Олег БАНАРУ

СЛУЧАЙ В СТРОЙОТЯДЕ

Вспоминаю, как в студотряде на Григориопольском консервном заводе — на дворе стоял 1974 год — Портас, вчерашний студент, ставший аспирантом, был назначен нашим куратором (Плотник тоже там был, в качестве студента филфака). В одном конце заводской территории поселили нас, студентов КГУ, а в другом конце той же территории поселили студентов-чеченцев. На студентов они не были похожи — почти не работали, вели себя обособленно, нагло, могли ответить уничижительно даже пожилому мастеру, а с начальниками-женщинами вообще не считались. Как-то наши девушки пожаловались Портасу, что они даже в туалет бояться выйти — бородатые ребята проходу им не дают. Вероятно, наш куратор, надо сказать, весьма хилого телосложения, решил пристыдить гостей Молдовы, ибо на второй день он к нам не явился, а на третий мы увидели его основательно побитым: его лицо было сплошь обклеено пластырем. До этого случая мы Портасу особо не симпатизировали, но тут разыграла обида — как же так, нас, местных, унижают какие-то приезжие? И к девушкам нашим внаглую пристают! В общем, я стал собирать «бюкс-команду», чтобы проучить наглецов, но из пример-

но пятидесяти ребят набралось лишь с десятка смельчаков. Силы были не равны: «пришлый» студотряд был сугубо мужским и состоял из двадцати пяти наглых мачо-бородачей. Кто-то из наших «стукнул» — предполагаю, что информатором была одна девчонка, в открытую закрутившая роман с одним из кавказцев, ибо после ужина она подошла ко мне и сказала, что кто-то меня зовет. Я вышел, а за дверью меня поджидают человек семь хмурых горцев. Вежливо предложили «пройтись», окружили, стали интересоваться, каким видом спорта занимаюсь, нет ли у меня родственников среди кавказцев. Я ответил, что вроде нет, хотя фамилия моей бабушки по матери — Мунтяну (горец). Тут они заулыбались, а их главный сказал:

— Уважаемый Алэг, ми так и поняли, что ти нэ малдаван, раз асмэлилса с нами разбиратса! Нэ пэрэдумаль, нэт?

Я ответил, что передумаю только если они извинятся перед побитым, ибо он наш преподаватель, мы у себя дома, они — гости, а в гостях так себя не ведут.

— Значит, нэ договорились... Очен жал... — заключил мой собеседник. Откуда ни возьмись, в его руке появился классный нож и парень начал его внимательно рассматривать. Видно, кто-то сообщил «куда надо», ибо у дверей нашего барака я застал милицейский УАЗик и в присутствии Портаса, участкового и всего студотряда меня попросили быстро взять свои вещи и сесть в машину. Не буду рассказывать, сколько бумаг пришлось заполнять в местном райотделе милиции, все закончилось моей отправкой домой, где я благополучно дождался начала учебы. Потом мне рассказали, что с того вечера танцы запретили, ночью у нашего барака «дежурил» тот же УАЗик, а вскоре гостей выпроводили домой и вместо них заселили студентов из Беларуси. Я же никак не мог внятно объяснить родителям, почему в разгар сентября целыми днями валяюсь на пляже в своих приднестровских Дубоссарах. А потом, уже в Кишинёве, также пришлось давать много устных и письменных объяснений, даже из комсомола хотели исключить, за разжигание межнациональной розни. Наверное, спасла биография моего отца — партработника. Наша «стукачка» благополучно родила красивого горбоносого мальчика от своего кавказца, отбывшего на родину с концами, а я до самого завершения учебы пренебрежительно относился к тем моим сокурсникам, которые трусили тогда. Был, наверное, максималистом.

Елена ДАНЧЕНКО

ДЖИНСЫ

Я очень хотела настоящие фирменные джинсы и мама обещала их оплатить.

Дело было за малым — где их взять? Джинсов не было нигде, а на кишиневском толчке можно было и обмишуриться, там могли легко подсунуть подделку. Как-то в университете я озвучила свое пламенное желание. Его услышал мой однокурсник, Славка Южаков, по прозвищу Вячек, и пообещал мне «устроить» джины. Спросил размер, рост.

В назначенный час в нашу рышкановскую хрущобу явилась делегация — Вячек со товарищи. Они принесли пакет с вожделенными джинсами фирмы "Master". Абсолютно новенькие, они волнующе пахли нездешней мануфактурой, и этот запах, и чуть желтоватая ровная строчка на карманах в виде буквы «М», пленили меня как лисицу сыр. Американский гость в целофановом пакете смотрелся сапфировой драгоценностью на нашем столике в прихожей, покрытом потертой бордовой бархатной скатертью с бахромой. Цена за драгоценность была запрошена адекватная: 200 рублей. Столько же стоило довольно крупное золотое кольцо.

Мама, как человек предприимчивый, решила сделать свой гешефт.

— Иди примерь, — бросила она мне. А торговцам-офеням важно сказала:

— А вы знаете, я занимаюсь книгами. Могу достать любой дефицит из Москвы.

Она шустро пошла в кладовку и вынесла стопку книжного дефицита.

— Вот смотрите: Дюма, Жорж Сименон, Агата Кристи. Не желаете ли приобрести?

— Нет, спасибо, — ответили офени, поскучнев лицами.

Мама не сдалась. Снова нырнула в нашу семейную пещеру Али-Бабы и вынесла стопку художественных альбомов в суперобложках. Помню, там был альбом Уильяма Тернера, английского художника 19 века.

— Ребята, могу продать подешевле, ели, вы, конечно, цену на брючки сбросите.

Ребята были не лыком шиты, а все доходы от продажи уже были заранее распределены. Они отказались и от Дюма, и от Тернера, и даже от чашечки кофе, любезно предложенной мамой.

Из маленькой комнаты вышла я, в джинсах.

— Да вроде тесны они тебе, — сказал мама.

Я смотрела на маму умоляющими глазами.

Положение спас Вячек:

— А знаете, как надо надевать новые джинсы? Сбрызнув водой и лежа. И вот когда они в обтяг сидят, тогда это ваш размер! Да нормально сидят джинсы, талию только ушьёте и всё. Так мы, кстати, потом и поступили — сходили к швее.

Мама капитулировала. Она снова нырнула в пещеру и внесла офеням 200 советских рублей. Офени пересчитали деньги и смылись. А я стала гордой обладательницей самых настоящих американских джинсов.

Елена ТХОРОВА

ДЕЛУ — ВРЕМЯ, ПОТЕХЕ — ЧАС

Во времена нашей молодости невероятно трудно было купить что-то оригинальное, эксклюзивное из одежды. Чрезмерно полным, маленьким или высоким людям с нестандартной фигурой приходилось шить самим либо заказывать одежду в ателье или у портних на дому. Стоило это немалых денег и времени. Поэтому любителям путешествий приходилось, разъезжая по курортам или туристическим местам, успевать отыскивать модные магазины, да еще и отовариваться в эконом-режиме, без общепринятых в родном городе переplat за дефицит. Купить модные брючки-«бананы» за 25 рублей при стипендии в сорок рублей и средней зарплате советского человека в сто-сто двадцать рублей в восьмидесятые годы прошлого столетия мог позволить себе далеко не каждый.

За участие и победу в научной олимпиаде мне вручили бесплатную комсомольскую путевку сразу по двенадцати городам Союза, начиная с Запорожья с обязательным осмотром ДнепроГЭСа. Далее поезд мчался напрямик на побережье Черного моря: Алупка, Алушта, Гурзуф, Симферополь, Севастополь, Ялта, Анапа. Мы, активисты-комсомольцы, проехали и по более продвинутым городам по части коммерции и обилию в те годы торговых кооперативов — Тбилиси, Батуми, Сухуми. Невероятно, но все эти города наша группа объездила по туристической системе «Спутник» за две недели, а везде нас кормили-поили отлично — в ресторанах!

Помнится, самым прогрессивным по наличию модных магазинчиков оказался город Батуми с его джинсовыми кооперативами. Там наши девушки сумками закупали не только джинсы и куртки, но и плащи, сарафаны-сафари и босоножки с джинсовым верхом на танкетках. Мы брали товар коллективно и оптом: себе, родне, подругам, и на продажу, чтоб окупить потраченные деньги. Оптом было дешевле. Главным пискком джинсовых «шувов» былвшитый в шов сверху маленький американский флажок, что само по себе вызывало у знатоков моды восхищение, но отнюдь не поощрялось комсомолом. А в Сухуми, еще одной изобилующей кооперативами столице, наши туристы нашли бутики, где торговали разноцветными хлопковыми майками с разнообразными принтами и надписями на «инглише», что считалось невероятной удачей.

К уже приобретенным джинсам и куртке я с радостью прикупила босоножки с флажком и футболку. Из всего предложенного мне подошла по размеру лишь простенькая беленькая футболка с яркой надписью «Take you time», что можно примерно перевести как известную поговорку: «Делу — время, потехе — час».

Вот в этом, по тем временам офигенно-блистательном джинсовом комплекте-шикардосе: в джинсовых брюках, куртке и «американческих» босоножках и майке, я со второй группой активистов-студентов, которым предварительно давались в комитете комсомола рекомендации с характеристиками, отправилась следующим летом в Германию, по утвержденному списку комсомольцев-туристов, здесь я оговорюсь — в ГДР. В ФРГ в советские годы ездили только партийные, а я была всего лишь комсомолкой.

Не стану рассказывать про утомительные предварительные инструктажи и о том, как с нами проводили собеседования партработники (они касались преимущественно нашего морального облика: как мы обязаны себя вести, что говорить «у наших друзей», как поступать в критических ситуациях и т.п.). Это особая, очень интересная, но отдельная тема. Но вот по поводу нашего внешнего вида инструктаж с нами почему-то не проводился, вероятно, подразумевалось само собою, что советские комсомольцы в одежде и обуви от «дядюшки Сэма», разукрашенной американскими флагами и «не нашими» речевыми оборотами, быть не должны. И это сыграло в той немецкой поездке со мною, «альфа-туристкой», весьма злую шутку.

Комсомольско-молодежные поездки за рубеж только условно назывались «молодежными», на самом деле за рубеж разрешали выезжать исключительно членам ВЛКСМ — Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи. Мою первую в жизни зарубежную поездку в ГДР курировал некий министерский чиновник по имени Палпалыч, лет сорока пяти. С ним, в качестве туристов, были две партийные дамы-учительши. В группе теоретически знали, что среди туристов по негласному советскому уставу должен находиться «засланный казачок», который после окончания турне, как «ответственный за безопасность» и отвечающий за морально-нравственную сторону группы, подпишет вместе с Палпалычем характеристики всем нам — такой своеобразный отчет о пребывании за рубежом. Поэтому с первого дня поездки наши комсомольцы заведомо старались не хулиганить и втайне все время просчитывали, кто же среди нас этот «казачок»?

...Пока мы ехали в поезде, все было спокойно. Мы тихо играли в карты, пели под гитару песни, на остановках парни пили, скрывшись за угол, пиво с беляшами, но как только наш караван стал приближаться к Берлину, мы приоделись в модные одежды. Тут-то все и началось! Сначала из нашего купе вызвали девчонку в сарафане с откровенным декольте, она вернулась и, чуть не плача, стала недовольно переодеваться, потом дернули парня-гитариста с «неправильным» значком на груди, с символикой популярного на Западе рок-фестиваля. После того, как я на подъезде к Берлину, переобувши шлепки, вышла в туалет в своих джинсовых босоножках на танкетке с маленьким флагом USA, в наше купе снова постучались: «Елена, зайдите к руководителю поездки», — сказала одна из учительских дам. Я, ничего не подозревая, вышла навстречу судьбе советского туриста...

Палпалыч, с виду смешной и нелепый, похожий на полуобдутый ветром одуванчик, грозно нахмурил брови и, безо всяких прелюдий, сказал в форме императива:

— Елена, немедленно снять эти ваши американские босоножки, немедленно! — Меня охватила оторопь. А мне никак нельзя оторопевать, меня от этого частенько клинит.

— Чего?! — также громко спросила я, — а ничего, что у меня нет с собой второй пары обуви?

Он замешкался. Но рядом стояла его заместительша, которая тут же нашла, что сказать.

— А вы выпорите бритвой этот флажок, — ехидно улыбаясь, сказала мне она.

— А вы сами себя выпорите! — я попыталась выйти из купе начальников. Но меня удержали, мол, нет, это ещё не все.

— Что еще? — спросила я.

— А что на вашей футболке? — спросил «одуванчик».

— А что с ней не так? — недоумевала я.

— Надпись, — ответил он.

— А что с надписью? — самосохраняясь, тянула я.

— Пло-о-хо, — мешкал он, часто поглядывая на учительшу английского, и тут я, «немка» по изучаемому в вузе языку, вдруг интуитивно поняла, что «одуван» английским ни фиги не владеет.

— А что не так, прочитайте? — я «включила косилку» и, знаете, не проиграла! Не поняв просчитанного мною шахматного хода, министерский клерк начал медленно считать с моей груди надпись по слогам: «Та-ке...ю...ти-ме»...

— Чего? — не унималась я. — Тэйк ё тайм, а не а не таке ю тиме...

— Бери, хватай, используй время молодое! — не выдержала дуэли и резко встрепенулась дамочка-«англичанка», стоящая рядом с ним.— Вот, вот!! Это настоящий перевод глагола «тэйк» на твоей футболке!

— А Вы мне не тычьте, мадам, я с Вами казино за границей не посещала, — съязвила я. — «Делу — время, потехе — час!», вот каков перевод этой фразы! — крикнула я и, красная как свекла, стремглав выскочила из их купе. Менять облик я категорически не стала, наоборот, сняла с себя джинсовую куртку и молча так, угрюмо, доехала до самого Берлина. «Дерзкая девчонка, я с нее глаз не спущу», — услышала я на ужине негромкое шипение заместительши, когда мы в первый день расселись, наконец, за немецкими гостиничными столиками.

А дальше нас ждали поездки по родине Гете, Гейне, Шиллера, Бухенвальдский лагерь смерти, знаменитый горнолыжный курорт Оберхофф, встречи с лесорубами Тюрингии... Однако, ближе к окончанию нашей поездки мое окружение, верные ленинцы-комсомольцы, из-за моей дерзости, а также демонстративного неподчинения Палпалычу определили, что, конечно же, именно я ехала в группе наших туристов отдыхать в статусе «засланного казачка» из КГБ ...

ВСТРЕЧА С ЛЕСОРУБАМИ ТЮРИНГИИ

В советские годы обучение гуманитарным профессиям было одним из лучших в мире. Не знаю, как сейчас обстоят дела в Молдавском (ранее — в Кишинёвском) госуниверситете, но в наши семидесятые-восемидесятые годы там была сильная кафедра германистики. Зубрили мы немецкий по-серьёзному. Одна наша очень пожилая преподавательница буквально «не слезала» с нас и на зачётах не ставила пятерок до тех пор, пока студент не выучит наизусть стихи Гейне или Гёте на языке оригинала.

Один из таких белых стихов мы — четверо «немцев» из всей группы (остальные изучали английский): Алексей Марчков, Валентина Тесленко, Вячеслав Южаков и я до сих пор, уверена на все сто, наизусть помнят один из самых сложных в поэтическом и историческом смысле белый стих Гейне. Его надо было выучить, по мнению преподавателя, в буквальном смысле, на всю жизнь. В случае со мной оно так и вышло. Это стихотворение Гейне — «Гимн» — было опубликовано лишь после смерти поэта его дальним родственником, Карлом Марксом. Привожу часть белого стиха на языке оригинала:

«Ich bin das Schwert, ich bin die Flamme.
Ich habe euch erleuchtet in der Dunkelheit,
und als die Schlacht begann,
focht ich voran, in der ersten Reihe.
Rund um mich her liegen die Leichen meiner Freunde,
aber wir haben gesiegt. Aber wir haben gesiegt!» (...)

Смысл строк невероятно патриотический: «Я меч, я пламя. Я освещал вас в темноте, и когда началась битва, я сражался впереди, в первом ряду. Вокруг меня лежат тела моих друзей, но мы победили. Мы победили!».

...Вот такая, мягко говоря, тревожная и несколько параноидальная мутатень, прошу прощения у великого немца.

И вот я в ГДР, той самой «советской» Германии. Где мы только в той поездке ни побывали, в том числе в местах проживания исторических личностей и поэтов! Совершенно неожиданно в Тюрингии местные лесорубы приглашают нас, целую группу молодых, пышущих жизнью и здоровьем, специалистов и студенток, на званый обед. Это мы уже после узнали, что у них, лесорубов, всегда плохо было с наличием невест, и они, используя все средства, стремились найти себе пару разными экзотическими способами, например, подыскивать кандидаток в жены из числа приезжающих к ним туристок соцлагеря, и, вопреки расхожему мнению (СССР ведь стал победителем во Второй мировой войне), не брезговали и русскоязычными «победительницами», заведомо зная, что «плохие девушки» из СССР к ним не ездят.

Представьте себе прекрасное теплое лето. Красивое южно-немецкое кафе, в котором лесорубы дают концерт: поют, пляшут в стиле «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...» в национальных коротких штанишках и шляпах с перьями. Стараются! А после приглашают нас, уже успевших проголодаться юных девчат и парней, за открытый «шведский стол» с немецкими мясными деликатесами, вином и пивом. Помнится, в тот день меня впервые потряс вкус сыроядения — свежеприготовленный фарш из молочного теленка, приправленный всяческими пряностями и приправами, вкус невероятный, несмотря на моральную сторону приготовления блюда. Теленок был забит специально для нас, за четыре часа до встречи, и все мы ели мясо, но отнюдь не сырое. Я одна рискнула испробовать незнакомое блюдо. Было мне как-то неудобно перед лесорубами, что все шарахаются от фарша, как от свиной головы, ну, сами понимаете, кулинарная подоплёка с нынешней высоты прожитых лет была, конечно, еще та...

И тут, прямо за обедом, к нам подходит руководитель группы, тот самый «полуобдурный одуванчик» Палпалыч и заговорщически шепчет: «Какой концерт лесорубы нам забабахали! А мы? Мы, что же, не можем им встречно — что-нибудь спеть или стих прочесть?» Все молчат. Палыч становится еще напористей: ну, мол, кто из вас немецким владеет? Все молчат.

— Вот у вас, Елена, в анкете указан немецкий.

— И чо? — я продолжаю упорно молчать. Палыч не унимается, вперился в меня взглядом:

— Неужели ни одного стихотворения не знаете, вы же, по рекомендациям — активистка и отличница?

— Я без запинки знаю на немецком только стихотворение Гейне, его Лермонтов еще перевел вольным переводом: «На севере диком стоит одиноко...». А второй — очень трудный, в идеологическом смысле, белый стих, очень тяжелый по восприятию, вряд ли немцы его правильно от нас, представителей народа-победителя, поймут, — пытаюсь я отнекаться.

— Нет, Лермонтова, пожалуй, не надо, а как второе произведение называется? — спрашивает Палпалыч.

— «Гимн» Генриха Гейне, — отвечаю. Перерыв заканчивается, и Палыч, не долго думая, подзывает переводчика и они вдвоем идут к микрофону.

— Прошу внимания! — громко хлопает в ладоши руководитель и сигналил переводчику, мол, переведи. — А сейчас член нашей молодёжной туристической группы, Елена из Кишинёва, прочитает вам, в знак признательности за ваш теплый приём, «Гимн» Генриха Гейне. Прошу вас, Елена... Легкие аплодисменты.

Я встаю, на ватных ногах иду к микрофону. Сглатываю воздух в пересохшем горле и негромко произношу: «Гутен абенд, фройнден. «Хюмнус». Хайнрих Хайнэ...», здрасьте, мол, друзья — для вас белый стих. И начинаю читать. Гул постепенно стихал. В зале становится всё тише и тише. Потом стука вилок вообще не стало слышно, зал будто обмер. От бокала красного бургундского и этих патриотических, до боли знакомых строк, которые я честно на «пятерку» отвоевала потом и кровью на экзамене по немецкому, в висках у меня громко стучало, а по спине туда-сюда бегали мурашки. И когда я дошла до кульминации, до призыва «Мы победили!», рука моя автоматически, в стиле дуче, вскинулась вперед и вверх, и уже в рефрене, в самом повторе строк, я так лихо, артистично, будто не перед лесорубами, а как на экзамене во ВГИКе, гаркнула во всю мощь: «Aber wir haben gesi-i-iegt!»!!!

В тот момент я почувствовала сильный прилив крови к ушам и странное ощущение власти над массой, ну почти как Адольф Шикльгрубер, в тридцатые годы выступающий перед своей страной. Кстати, текст этот тогда, в начале восьмидесятых годов, звучал весьма двусмысленно: «мы» — это кто, русские? Или мы — это немцы?))

Лесорубов будто взяла коллективная оторопь, сказать, что зал аплодировал — нет, это слишком слабо, прозвучали бурные овации, без тени стеснения могу сказать я, бывшая абитуриентка ЛГИТМиКа... А самый старший из ансамбля лесорубов, подойдя к переводчику, попросил для нас перевести его личную благодарность, мол, «более шестидесяти лет живу на свете, но впервые слышу как сам этот белый стих «революционера Гейне», так и то, что немецкую оду так одухотворенно читала русская фройлян, это гмм... для нас, лесорубов, мол чересчур хорошо!»

— Данке, данке щён, — он мял в своих руках мою вспотевшую ладошку.

После, когда я с группой девчат вышла к ёлкам покурить за компанию, старший лесоруб привёл к нам за руку 33-летнего ботаника в очках и шляпе с пером, представил его своим сыном. «Это мой сын. Его зовут Отто. Не желает ли фройлян Елена познакомиться с моим наследником, который сейчас на выданье и имеет здесь, в Тюрингии, большое хозяйство с фермой перепелов, тетеревов и глухарей, а также огромный полупустующий дом?» — дословно звучало деловое предложение старшего «Августина». Я была обескуражена, расшаркалась перед гостеприимным и столь доверчивым немецким лесорубом-музыкантом, но пробурчала что-то в стиле «партия нам этого никогда не простит».

Долго ещё лесорубы плясали с нами в едином русско-немецком хороводе, но было ясно одно: несмотря на славный приём и непосредственность жителей Тюрингии, ни одна из наших девушек так и не позарилась ни на молодых лесорубов, ни на их большие хозяйства с перепелами, не так мы, в те советские годы, были воспитаны... Партия КПСС нам была и отцом, и матерью, и... лесорубом одновременно.

Елена Данченко

АХМАТОВА И ИСТОРИЯ КПСС

В нашу студенческую молодость во всех ВУЗах был такой обязательный предмет: История КПСС.

Я его ненавидела, но учила, чтобы сдать сессию без троек. Сей предмет у нас преподавал довольно пожилой и скучный профессор Савочкин. Он был убежденным марксистом, коммунистом, и к таким, как я, немного рассеянным и отрешенным девушкам, относился с подозрением. Вероятно, однажды он решил проверить свои подозрения, а может быть, до него дошли слухи о том, что я пишу стихи.

На одном из его семинаров мы должны были разбирать постановление ЦК партии от 1946 года «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Известно, что после этого постановления Зощенко и Ахматову исключили из Союза писателей, прекратили печатать, оставив без средств к существованию. Постановление было скандальным и вызвало бурю откликов и эмоций у разных слоев советского общества.

Рассказывать о злосчастном постановлении садист Савочкин вызвал именно меня. Я встала, набрала побольше воздуха в легкие и громко сказала на всю аудиторию:

— Я категорически не согласна с постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б), потому что Зощенко — хороший писатель, а Ахматова Анна Андреевна — великий русский поэт.

Я выдала это, даже не заикаясь, а у меня тогда были нешуточные проблемы с речью на семинарах и, особенно, на экзаменах я часто не могла начать первую фразу, отчаянно глотая воздух.

На свою беду я поглядела в лицо преподавателя. Обычный серый цвет его физиономии сменился на красный, потом на бордовый, а нос полиловел. Я так удивилась этим художественным метаморфозам, что не успела набрать воздуха для следующей фразы...

— Вон! — заорал Савочкин.

— Куда? — спросила я.

— Вон из аудитории! Вам не место в рядах советских журналистов!

Я пожала плечами и вышла.

Я никогда не подслушиваю у дверей. Но когда за мной закрылась дверь, я остановилась возле нее с другой стороны, чтобы послушать, каким будет продолжение моего столь короткого выступления. В аудитории в тот день я сидела рядом с Геной Даний. Каково же было мое изумление, когда я услышала истерические крики в адрес ни в чем не повинного Генки:

— Вы с ней не сидите рядом! Она Вам наговорит! Ей не место в рядах... — далее, Савочкин вопил штампованным текстом из далеко не лирического наследия всецело преданных партии коммунистов. Мне стало не интересно.

Ну как я, поэт, пусть и неизвестный миру, могла не защитить Ахматову, которую обожала?!

Если бы я могла защитить Генку, я бы и его защитила.

Слух обо мне прошел по всему факультету журналистики, а потом прокатился по смежному филфаку и я, сама того не ведая, стала легендарной личностью.

На депортации меня из аудитории репрессии со стороны компартии не закончились, Савочкин мстил до последнего. А последним его рубежом был как раз экзамен по истории КПСС в том семестре, кажется, совсем последний в университетской программе. Я упорно готовилась и изготавливалась к прыжку через экзаменационный барьер. Грызла серый кирпич — партийный учебник Пономарева для студентов ВУЗов днями и ночами, разделив вехи истории совсем мне не близкой партии на дни, отпущенные на подготовку, и не засыпала, пока на выzubривала даты и темы съездов.

Савочкин поставил мне «три» балла и тем самым лишил меня стипендии. Понятно, что я знала гораздо лучше, чем на «три», но он не мог поступить иначе, не предполагая, что уже через восемь лет это дурацкое постановление та же партия и отменит.

А еще через два года в Российской Федерации отменили и саму партию.

Анна Ахматова была и осталась великим русским поэтом.

Елена ЗАМУРА

РОМАНОВА

Наш выпуск был первым на факультете. Среди преподавателей было немало людей, получивших образование и начинавших карьеру в пятидесятые годы. Историю партии нам читала Зинаида Романова, неряшливая немолодая женщина, которая, кажется, сама себя стригла и носила толстые коричневые хлопчатобумажные чулки, которые покупали только крестьянки, причем они постоянно сползали с ее ног и собирались гармошкой.

Романова была сталинистка и садистка. На лекциях она любила рассказывать про своих мужей, первый из которых, якобы, воевал в бригаде Котовского, а второй партизанил во время Великой Отечественной войны, и откровенно сравнивала нас со своими героическими супружниками. Сравнение было, ясное дело, не в нашу пользу.

На одной из первых лекций Романова сразу же сказала, что всех студентов делит на две категории. Первая категория при фашистах воевала бы в партизанских отрядах — к ним она причисляла ребят, которых мы называли «Петя-после-армии». А студенты из второй катего-

рии были бы пособниками фашистов — в эту категорию попали все, кто пытался хоть как-то мыслить.

Я очень любила и хорошо знала историю, но угадайте с трёх раз, что бы я делала при фашистах? Ну, разумеется... И как я ни старалась, я всегда балансировала между тройкой и четверкой, пока Романову не сменил преподаватель, который во времена комсомольской молодости «казаковал» с моим отцом — они вместе работали и вместе праздновали праздники. На экзамене он смотрел на меня отечески любящим взглядом, а я стала получать заслуженные пятерки по истории.

Лидия МЕЛЬНИК

ГОНИМАЯ ЖАЖДОЙ ЗНАНИЙ

С историей партии у меня была своя история, одна из самых ярких в моей студенческой жизни.

После первого курса я неожиданно оказалась должницей в библиотеке Университета. Речь шла не о какой-нибудь неважной книге, а об учебнике по Истории КПСС. Деньгами долг нельзя было погасить, только таким же учебником, который оказался жутким дефицитом в восемьдесят пятом году. Я хорошо помнила, что бесценного «бестеселлера» мне на первом курсе не выдали, но в библиотечном «паспорте» учебника неумолимо стояла моя подпись. Библиотекари либо ошиблись и недодали комплект (кипа учебников была внушительная), либо сунули необстрелянной первокурснице свой «косяк» среди бумажек от других учебников. В общем, вместо учебника я обзавелась привычкой всегда все проверять перед тем, как подписать.

Последствия, однако, были суровыми. Во-первых, на 2-м курсе мне не выдали учебников, во-вторых — мне было отказано в доступе в читальный зал библиотеки. Какое-то время я не ощущала острой нехватки учебных пособий, но, с наступлением зимней сессии стало невозможно выкручиваться одними конспектами и заимками книг у коллег-студентов — они им самим были нужны. И придумали мы с одной моей хорошей подругой метод, как обойти запрет в читалку. Не зря нас, будущих папарацци, учили, что если не пускают через дверь, то надо заходить через окно.

По правилам «читалки» при входе нужно было предъявлять студенческий билет. Тогда-то библиотекари и сверяли фамилию с чёрным списком. Но если выходили на перерыв в туалет или поесть, уже будучи в зале, то оставляли все принесенное в зал (сумки, пакеты) на столе и при входе обратно проходили к своему месту без предъявления документа. В этом и состояла наша хитрость: моя подруга Дина заходила первая со всеми моими причиндалами, а через некоторое время я заявлялась «пустая», типа, в туалет вышла. Схема срабатывала безотказно, единственная сложность заключалась в том, что надо было при входе быстро просканировать глазами зал и засечь Дину — ведь, естественно, человек помнит свое место и идет напрямик к нему. Обычно с этим я справлялась хорошо. До поры до времени...

Дело было в воскресенье. Хотя пришли мы в читалку рано утром, она уже была забита до отказа — сессия! Мы применили нашу обкатанную схему, но библиотекаря что-то заподозрила и окликнула меня, чтобы меня задержать. Позвала она негромко, в читалке было принято говорить шепотом. Мне ничего не оставалось, как делать вид, что не расслышала и идти дальше, типа озабочена только утолением жажды знаний. Библиотекаря пошла за мной и не сдавалась ни в какую. Я быстро и уверенно «чесала» по узкому проходу между столами, судорожно ища Дину одними глазами, без поворотов головы. Ситуация была ужасной — Дины нигде не было видно, зал был битком набит, открыто искать я не могла — выдала бы себя с потрохами, а злая мырма вот-вот, гляди, догонит. Я уже смирилась с неминуемым провалом, но тут, — о, Боги! — мне улыбнулась удача! Прямо по курсу я увидела свободное место, и не просто свободное — на столе были книги, конспекты, ручки, карандаши, в общем, кто-то вышел, взяв паузу. Я решительно села и быстро взяла в руки тетрадку, да так убедительно, что библиотекаря отстала и, без вопросов ко мне, вернулась на свой пост.

Поняв, что «шухер» миновал, я стала искать глазами Дину. Но ее нигде не было! Наступала другая опасность — скоро мог вернуться «хозяин» места и тогда провала и позора на весь универ мне не миновать! Но и это было еще не все. Парт-стол был, как обычно, на два места. Рядом сидел парень, возможно друг «хозяина» конспектов и учебников, а если и нет, то, наверняка, запомнил своего соседа, и это была отнюдь не я! И парень решил забирать

потихоньку, по одному предмету из под моего носа. После первого «трофея» он осторожно остановился в ожидании моей реакции. Выглядело это так, как будто человек пытается вытащить живого цыпленка изо рта злой собаки. Но не для того я одержала сложную победу, чтобы провалиться на таком пустяке! Резко повернувшись к соседу, я молча посмотрела на него свирепым взглядом, означая: «ничего не трогать!», и забрала обратно книжку. На этом он и остановился. Я продолжала смотреть то в непонятные мне формулы, то в зал, но Дину так и не обнаружила: она как будто сквозь землю провалилась!

Долго пользоваться спасательным местом нельзя было. Без объяснений кому-либо, также внезапно, как и села, я встала и двинула в глубь зала, на сцену — «читалка» размещалась в торжественном зале Университета, поскольку его редко использовали по назначению, а вернее, помещение совмещало, по очереди, одно и другое. Там бдительная библиотечка уже не могла следить за мной, можно было уютно спрятаться за стеллажами. Незаметно выглядывая из-за стеллажей, я нашла свою Дину...

Того соседа по читальному залу я впоследствии встречала в кулуарах университета. Он всегда смотрел на меня с огромным интересом. Я не отводила взгляд, не делала вид, что не узнаю его, а прямо и смело смотрела ему в глаза, еле сдерживая смех... И никакими объяснениями не удостоила.

Автор неизвестен

ДИКТАНТ ПРО ВЕСНУШЧАТУЮ ВДОВУ АГРИППИНУ

В кишинёвский университет я поступила в конце семидесятых годов, имея горький опыт предыдущего абитуриентского пролета, то бишь непоступления в тогдашний советский ЛГИТМИК — то был один из самых престижных советских вузов, да и сейчас, вероятно, он высоко котируется — Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. Конкурс был среди нас офигенный — более двухсот человек на одно место!

Спустя годы мне объяснили, что я могла оспорить несчастную «тройку» по немецкому или банально пересдать экзамен, в конце концов, в сценарной работе не главное знать язык «фрицев», как после войны именовали немцев. Тактика отсеивания абитуриентов в престижных вузах была максимально простой — валить не блатных простолоудинов, принимая по протекции детей и внуков актёров, сценаристов и режиссёров. Нас, абитуриентов «из народа», ловили на экзаменах на самых хитрых премудростях и тонкостях, — что в русском языке, что в иностранном, которых порою и сами иностранцы-то не знали... Я, например, неверно употребила в озвучании, в пересказе, и на письме — имя Жени Маркс, жены Карла Маркса, Jenie Marks. Правильно было бы написать Marx. Я тогда от волнения не вспомнила, что сочетание «кс» в этом языке меняется на объединительную букву «х».

На второй год, поступив не на сценарный, а уже на факультет журналистики КГУ, я по видимому, уже в отместку за прошлые дела, не давала спуску педагогам, которые умаляли уровень моих знаний по предметам.

Расскажу про случай, после чего парни-сокурсники окрестили меня Саввишной; многие думали, что за созвучие с девичьей фамилией, а это не так, хоть и близко-рядом.

В советское время «перспективных» молодых преподавателей вузов буквально заставляли вступать в партию, предпочитая иметь в своих рядах партийных сотрудников. Партийными легче было управлять. Некоторые из наших молодых кадровых педагогов относились к этому снисходительно: но нужно — значит нужно, ведь каждому следовало, в первую очередь, кормить семью. Другие сопротивлялись. Однако пожилой лектор по русскому языку, Михаил Евтихийевич Кравец, преподававший в КГУ им. Ленина в семидесятые-восьмидесятые годы, был не таким! Он был весьма одержим идеями партии, а может, старался казаться «партийцем до зубов»?

Кравец предлагал нам, своим студентам-журналистам и филологам, диктанты немислимой по тем временам сложности; где уж он отбирал тексты и по каким методичкам — одному Богу известно! Они брались то ли из газет, то ли из каких-то других источников, однако были весьма идеологизированы и напичканы редкой мутатой, именуемой исторической событийностью. Наверное поэтому и получил партиец Кравец у едких и не прощающих обид студентов журфака прозвище «Экипаж самолёта Родина». Кличка прилипла к Евтихию потому, что один из самых накрученных текстов из его диктанта начинался со слов: «Экипаж самолёта «Родина», совершавший в 1938-м (прописью!) году беспосадочный перелёт Москва-Владивосток, в

составе которого находились Марина Раскова, Полина Осипенко и Валентина Гризодубова ...» и дальше по тексту.

Кем были эти женщины и что лежало в основе предлагаемого в те годы Кравцом текста, я узнала лишь спустя долгие годы, а тогда по дурацкой случайности, из-за нестандартной фамилии — Гризодубовой — получила я, твердая отличница, на диктанте обидную четвёрку

После того, как Евтихий вклеил мне ту четвёрку, я пошла к нему на кафедру, чтобы ее опорить. И — верите? — выиграла! Написала я в диктанте об экипаже фамилию неправильно: «ГрЕзодубова», а Евтихий вместо того, чтобы исправить Е на И, перечеркнул О на А, и получила у нас с ним «Грезадубова», о, как! Выходило, что ни я, ни он не были правы; опасный Кравец признал свое поражение, но затаил обиду на долгое время. Мстительный и вкрадчивый лектор не простил мне пионерскую горячность и решительность. Он решил сыграть со мною в «беспроигрышную рулетку»: «А давайте-ка, Елена, я вас по-настоящему проэкзаменую?» «А давайте не будем!», — ответила бы я сейчас. Однако в ту пору, не задумываясь особенно о подводных камнерезах, я с готовностью пионера схватила ручку, и начала писать под его диктовку: «На дощатой террасе близ конопляника...» С первых же слов диктанта я поняла, что оказалась в роли мухи на навозной куче.

Это был давно проверенный практикой капкан! Опытный стратег Кравец учинил мне диктант, который я запомнила на всю оставшуюся жизнь. Закончив диктовку, он взял исписанный мною листок и, почиркав красной ручкой, радостно сказал: «Ну вот, пять пунктуационных и три орфографических ошибки! Идите, Елена, и учите русский язык, чтобы вы, как будущий работник СМИ и идеологии, знали его лучше Антоши Чехонте...» Именно так, змей-искуситель, и сказал, употребив чеховский литературный псевдоним!

Лишь спустя годы, с появлением интернета, я убедилась, что это была «подстава для лшары». Во-первых, Чехов не писал таких строк, во-вторых, это был искусственно составленный каким-то хитрецом, типа Евтихия, диктант, в котором в зависимости от лица диктующего варьировались имена героев — от Фаддея Аполлоновича до Филиппа Кирилловича! Но сама хитроумная Агриппина Саввишна неизменно оставалась «веснущатой и на дощатой террасе». К слову, обычные читатели, не филологи, не журналисты, всегда допускали в этом маленьком тексте до 30 и более ошибок.

Придя в общагу, я предложила тот диктант Евтихия сокурсникам — Генке Данию, Феде Ротарю, нашему проформу и Славке Южакову. В совокупности они написали примерно следующее: «На досчатой террасе, близ конопляника, вдова не без известного подъячего, веснущатая кухарка Огрипина Савишна, подчевала из под тишка моллюсками, винигретом, можжевельным варением и мороженым крембрюлле коллежского асесора, Аполлона Филиповича, под акомпониент акордеона и виолончелли...» Здесь, в одном предложении — до 30-35 ошибок, друзья!

Текст-ловушка оказался, на мою беду, объединенным набором труднейших в правописании русских слов, во как на мне отыгрался Кравец!

Елена ТХОРОВА

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА

Вспоминаю, как еще ребенком слышала сначала от отца, а после уже от свекра-военнослужащего любимый анекдот советского времени, — настолько «наш дорогой Пушкин» был популярен в народе, что лидировал в фольклоре практически все годы российской истории. Популярней его в советский период были разве что герой гражданской войны Чапаев с другом Петькой и «дорогой Леонид Ильич».

А рассказ этот, видимо, имевший место в реальности, перерос впоследствии в анекдот. В нем идет речь о том, как один бойкий товарищ сдавал экзамен-собеседование при поступлении в военное училище.

— Расскажите, что вы знаете о Пушкине? — спросили будущего курсанта...

— Великий русский поэт! — чеканил тот.

— Как звали его?

— Александром!

— Не тяните, боец, полностью назовите инициалы! И развернуто дайте поэту характеристику.

— ...А.С., А.С., — шепчут ему доброжелатели с дальних парт.

— Ас, — автоматически чеканит абитуриент, — и тут же добавляет: — прекрасно летал на штурмовиках, будучи асом российской авиации...

Дорогой Пушкин! Мы тебя любим, мы вместе, мы с тобой, хоть мы и по всему миру разбросаны, но тебя не забываем!! Сегодня в честь Пушкина в Подмосковье и Москве остановились недельные проливные дожди, наконец засветило солнце после склизкой, угрюмой недели ливневых дождей. Еще вчера шёл стеной дождь, с грозой, градом, превращавший холодные струи воды в хлопья снега... Такого мы давно в Москве не наблюдали! Синоптики подтвердили: все лето будет переменчивым, примерно как вчера — с градом и дождем, а вот сегодня уже с солнцем.

Спасибо, мой дорогой гений, еще за то, что любимые «Повести Белкина» меня спасали практически на всех серьёзных экзаменах по русской литературе... Я по-прежнему помню наизусть половину «Евгения Онегина» и многое из хрестоматийных стихов Пушкина, но проза мне ближе. И я так хитро, не отказываясь, конечно же, отвечать на билет, меняла экзаменационную тему о творчестве Пушкина на то, что знала лучше — на эти повести. Всех пушкинских персонажей, до одного, знала, казалось, лично! Но, как романтическая девушка, предпочтение отдавала героям повестей «Барышня-крестьянка», «Метель», «Станционный смотритель». А экзаменатора, с заходом издалика, спрашивала, можно ли мне, мол, рассказать про любимого «Станционного смотрителя» или о другой повести. Меня просили рассказать, к примеру, о «Выстреле», но я и его прекрасно знала. Или о Дубровском!? Тоже знала. Нате вам. Но романтическая, с глубокой сюжетной интригой, с переодеваниями с разоблачением в ходе развития фабулы «Барышня-крестьянка» точно была моим козырем! Наши педагоги просто таяли... Прокатывало на «ура»; я ловила свои пятерки, но без плюсов, так как все-таки первоначально старалась откосить от стартового задания.

С днем рождения, Александр Сергеевич!!

Живи в нашей памяти, в своих прекрасных стихах и чарующей прозе! Воодушевляй новые поколения во всем мире! *Мулць ань трэяскэ**, как говорят в Молдове, где ты весело и непринужденно пребывал в своей южной ссылке...

* *Многия лета (молдавский)*

Елена Замура

ФУЭНТЕ ОВЕХУНА, или КТО УБИЛ КОМАНДОРА?

Это сейчас можно найти в интернете любую информацию о любом литературном произведении. В наше время в университетской библиотеке был только один учебник по истории зарубежной литературы Средних веков, Возрождения и XVII века, да и тот в читальном зале. Большинство произведений, которые мы изучали, издавались в пятидесятые-шестидесятые годы и это были редкие книги. Впрочем, мало кто горел желанием знакомиться с архаичными текстами. В жизни не видела человека, который прочитал бы «Гаргантюа и Пантагрюэль» полностью...

Существовал только один способ сдать экзамен по иностранной литературе: конспектировать лекции. О чем нас сразу же и предупредила наша преподавательница Ольга Игоревна Киросшко.

Делать это не всем хотелось. И вот наступил день сдачи экзамена по зарубежке. Улучив момент, когда Ольга Игоревна Киросшко отвернулась, Витя Семенюк прошептал мне: «У меня «Фуэнте Овехуна», что говорить?».

В пьесе испанского драматурга Лопе де Вега крестьяне деревни Фуэнте Овехуна, что переводится на русский язык как «Овечий источник», сообща убивают землевладельца, а на следствии на вопрос «Кто убил командора?» все как один говорят: «Фуэнте Овехуна!». То есть вся община... Я успеваю сказать: «Деревня Фуэнте Овехуна убила помещика, который издевался над крестьянами».

Слово «деревня» Семенюк не расслышал и отвечать пошел со своей концепцией, которая казалась ему очень достоверной и симпатичной. Витька сходу атаковал Киросшко, сообщив, что народный герой Фуэнте Овехуна убил помещика, который эксплуатировал крестьян.

Ольга Игоревна загадочно улыбнулась.

Ободрённый Семенюк пошел дальше. Он рассказал, что Фуэнте Овехуна был мужественным и смелым человеком, с детства познавшим всю тяжесть труда на земле.

Ольга Игоревна внимательно посмотрела на него и неопределенно кивнула.

И тут Семенюка понесло. Он дал развернутую характеристику морального аспекта феодальной эксплуатации крестьян и рассказал о революционных убеждениях славного народного защитника Фуэнте Овехуна.

Ольга Игоревна смотрела на него, как смотрит усталый театральный режиссер на комика, который в десятый раз репетирует уже не смешную сцену. Ее лицо было непроницаемым. Было ясно, что она и не такое слышала. Зато я просто умираю от смеха.

Опустим завесу жалости над этой сценой.

Виктор Семенюк много лет работал пресс-секретарем на Молдавской ГРЭС. Думаю, он так и не узнал, кто убил командора.

Сергей ТКАЧ

ПИТЬ ИЛЬ НЕ ПИТЬ?

Если и был предмет помимо Истории КПСС, который вселял ужас в студентов-журналистов нашего курса, то это была «Экономическая деятельность предприятий». Кажется, так он назывался. На лекции по одной сон одолевал уже на пятой минуте. Но даже когда прикладывались большие усилия для того, чтобы понять, о чем идет речь, и запомнить материал, получалось как-то не очень. В одно ухо знания входили, а в другое выходили. И ужас рос по мере приближения дня сдачи зачета по этому предмету.

Накануне зачета, все записи, которые были сделаны на лекциях, тщательно изучались в нашей комнате в общежитии. Но эффект был нулевым. Трудно было вспомнить предмет, который давался так тяжело. Вечером наши конспекты были отброшены от полного отчаяния что-то понять, и мы улеглись спать. За исключением Дмитрия Бурименчикова, который продолжал упорно вчитываться в свои записи. Рано утром мы так и застали его по-прежнему изучающим конспект. Предэкзаменационное настроение портило известие, что накануне параллельная молдавская группа фактически провалила зачет. Всего несколько человек получили заветную запись в синих зачетных книжках.

Уже в восемь утра мы — я, Георгий Барбаров, Федор Маринов и Дмитрий Бурименчиков — были у главного университетского корпуса. Времени до начала оказалось предостаточно, и мы пошли посидеть на скамейке у входа в ЦПКиО. В том месте, где сейчас выросло огромное здание, тогда стояли несколько частных домов — там-то мы и расположились. Мы начали обсуждать новость о неудаче коллег из молдавской группы, в душе чувствуя, что шансы получить с первого раза зачет у нас нулевые. Минут через пять к нам подошел мужчина и попросил помочь поставить машину на бок, чтобы он мог покрасить днище и нанести на него антикоррозийное покрытие. Мы подставили плечо и быстро установили машину на бок. Он поблагодарил и предложил зайти в дом. Мы стали отнекиваться, но владелец машины был очень настойчив, и мы зашли. На столе быстро оказалась трехлитровая банка с вином и бутерброды. Мы объяснили, что у нас зачет, но мужчина не слушал и разлил вино по стаканам. Я, Георгий и Федор пригубили вино, а Дмитрий наотрез отказался. Потом хозяин налил еще по стакану. Мы переглянулись и выпили залпом.

После акта благодарности автомобилиста мы все-таки пошли на зачет: что мы, в сущности, теряли, если все было предрешено? Из группы никто не хотел быть в первой пятёрке. Георгий, как староста, убедил нас быть первыми. Мы вошли, получили вопросы, и сели готовится. Преподавательница — доктор наук и жена известного писателя и редактора литературного журнала «Кодру» — потребовала, чтобы кто-то пошел отвечать. И вдруг Федя Маринов проявил инициативу. Когда он заговорил, мы увидели, как всегда пахнущая дорогими духами женщина изменилась в лице и, помахивая рукой, начала отгонять алкогольный дух, идущий от Федора. Она не ожидала такой наглости от студента — прийти на зачет выпившим... Не дослушав его речь до конца, преподавательница потребовала зачетку. Расписалась и отпустила его с Богом. Мы с Георгием переглянулись. Что говорил Федор, когда отвечал, понять было трудно, он говорил тихо. Следующим пошел староста. И опять та же история: напряженное и растерянное лицо нашей докторши наук и несвязанная болтовня студента. В итоге — зачет. Третьим

был я. Она смотрела в мои глаза и ничего не понимала: это что, сговор? Лучшие студенты группы и староста пришли на зачет пьяными... Мне, как первым двум, тоже повезло! Заветная запись была получена. Вдохновенный таким ходом событий, Бурименчиков пошёл сдавать, а мы ожидали его за дверью. Дмитрий вышел с почерневшим лицом — видно было, что все эмоции преподавательницы вылились на него.

Группа сдавала тяжело и зачет получили немногие. Но вот самое интересное было впереди: Бурименчиков еще много раз приходил на зачет, в попытках получить заветную запись. Он прочитал все книги, которые нашел по предмету, кажется, знал его лучше самой преподавательницы, но зачет ему никак не ставили. И этот триллер продолжался несколько месяцев. Она его измучила вконец, и наш Дмитрий не раз потом сокрушался, что не выпил тогда перед зачетом вместе с нами. Мы были уверены, что наш успех был связан именно с тем, что мы осушили «по стакану для храбрости». Так, опытным путем мы получили однозначный ответ на сакраментальный вопрос: «Пить или не пить?».

Елена ТХОРОВА

ПАМЯТИ «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ» ЖУРФАКА ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

Сегодня, 2 апреля, после второго «коронавирусного» обращения Путина к народу, на одном из телеканалов транслировали весьма популярный в советскую пору фильм «Молодая гвардия», думается, в память об ушедшей недавно народной артистке Инне Макаровой, сыгравшей в фильме веселую и разбитную подпольщицу — артистку местной филармонии Любовь Шевцову.

...Шел самый опасный эпизод — поджог немецкой техники во время запланированного «молодой гвардией» концерта перед офицерьем Рейха. И когда дело дошло до выступления Шевцовой (кумира тогдашней советской молодежи!), до этого самого зажигательного эпизода, до ее великолепного испанского танца с ярко-красным цветком, который раскованная и неподражаемая Инна Макарова держала в зубах, я отчётливо вспомнила один яркий студенческий эпизод из своей жизни.

...В период самой первой студенческой сессии мы сдавали профессору О कोरोкову свои знания на предмет «Введение в журналистику». Профессор был требователен и весьма принципиален. А еще он был нашей «классной дамой», как он сам любил позиционировать себя в качестве куратора нашей развесёлой и непослушной студенческой группы. Многие из наших «мучеников науки» недаром страшились первых экзаменов, отчётливо понимая, что пропущенные лекции им нынче выйдут боком. Не переживала, казалось, одна Светка Сергеева, которая просиживала в библиотеке всё своё свободное время, и старательно приучала меня к этому стилю учебы. Вспоминаю такой эпизод.

— Кто законспектировал хотя бы одно произведение Ленина или Карла Маркса, которые я вам рекомендовал? — спросил после уже продолжительного времени обучения профессор. Над полсотней студенческих голов (две группы по двадцать пять чел.) поднялись всего две руки — Сергеевой и моя. — Тэкс, тэкс, — продолжил О कोरोков, — прошу показать мне конспекты, и вы, двое, назовите свои фамилии. Вы можете рассчитывать на «автомат» (автоматический зачет по предмету).

Моя старшая подруга Сергеева, хотя старше она была всего лишь на год-два, была явным лидером в тройке идеологов группы «комсорг-профорг-староста», признанным авторитетом среди студентов. Она на самом деле хорошо знала предметы и свято верила как в свой авторитет, так и в «автомат». Я была настроена гораздо менее оптимистично. Экзамен уже начался. Зубы мои стучали. А в это время, сидя на подоконнике, громко и совсем не ко времени запели что-то из битлов, кажется, “Yesterday” наши четыре «англичанки», выпускницы престижных столичных английских школ — Неля Стате, Женя Симион, Таня Лавранчук и Лена Щербак. Им сделали замечание, но те объяснили, что поют «от нервов», а не от хулиганства. Я подошла к ним, увидела, что кто-то из них принёс О कोरोкову гвоздики, и, взяв одну из гвоздик, лежавших на подоконнике, сцепила зубами цветок, задрала боковины юбки — «солнце-клеш» и а-ля Любка Шевцова в исполнении Инны Макаровой, со спины, прямо от подоконника пошла в танце цугом, напрямиком к двери той аудитории, где во всю уже шёл экзамен. «Англичанки»,

подыгрывая мне, переключились с битлов на испанское фламенко. Под аплодисменты и улюлюкание наших парней я дошла до двери. Дверь внезапно открылась, и на пороге оказался «сам» — профессор Окорочков. Немая сцена! Одна из сидящих на подоконнике девиц рухнула прямо на каблуки, другая поперхнулась в истерике, парни громко заржали, а я выронила гвоздику из зубов...

— Танцуем??! Ну-ну...— насупив мохнатые брови строго, но спокойно спросил профессор, — вам бы не в журналистику, а в артистки, товарищ Савкова (он подчеркнуто официально назвал меня по фамилии).

Как же он был прав! — на все сто. Даже не догадываясь о том, что годом ранее я успешно провалила экзамен в ЛГИМИК, недобрав баллов на этапе «Проза. Басня. Стихотворение», а если б и прошла этот труднейший творческий фильтр, то все равно завалялась бы на экзамене по немецкому... Ну не любила я немецкий. Как Любка Шевцова.

Лидия МЕЛЬНИК

ПРО БЕШАМЕЛЬ, ТРЮФЕЛИ И ЛАНГУСТЫ С ОМАРАМИ...

В советские годы в Молдавии на факультете журналистики профессионально готовили работников как для национальных СМИ, радио и ТВ, так и для русскоязычных, четко пятьдесят на пятьдесят — на молдавском и русском языках. Соответственно, и вузовские группы назывались молдавскими и русскими.

Наши студенты были, прямо скажем, креативным и талантливым народом! Этот анекдотичный случай, свидетельствующий о том, что на нашем факультете училось достаточно «артистов по жизни», произошел на экзамене по молдавскому языку.

Преподавателем молдавского языка у нас был педагог Ион Мокряк, часто желавший казаться грозным, хотя в глубине души был добрейшим человеком. В тот день у него по плану были назначены два серьёзных мероприятия — экзамен у третьекурсников и вручение дипломов выпускникам, которых он курировал. Ион Филиппович успел принять почти всех экзаменующихся. Кроме меня. Прервав экзамен, и, по видимому, до конца не зная, что со мной делать, господин Мокряк нашел выход — попросил другого преподавателя, Любовь Луковну (царствие им небесное, — обоих нет уже в живых) взять меня «под стражу» в аудиторию, где упомянутая женщина-коллега также принимала экзамен по молдавскому языку, — но у русской группы, младше нашей. К слову сказать, для русскоязычных студентов молдавский язык был по степени трудности вторым иностранным...

Любовь Луковна неохотно согласилась. Но мне уже было понятно, что я застряну в чужой группе надолго. Экзамен тот протекал бы заведомо скучно, потому что билеты с экзаменационным материалом для русских групп содержали тексты, аналогичные иностранным курсам, примерно как для школьников, изучавших английский язык: «Кишинев — столица Молдавии», аналог — «London is capital of Britain».

Напрасно я так думала! Наверное, меня и одолела бы скука, если бы не вышел отвечать студент-молдаванин, весельчак и шутник, известный приколист на факультете Николай Плачинта. Учился Коля в русской группе, но вырос в молдавском селе на севере республики, и говорил по-молдавски отлично, поэтому предмет не составлял для него трудностей. Вопросы в билетах были для него детскими, и он справедливо рассчитывал на «cinci baloane» — «пять баллов».

Отслуживший в армии, взрослый Коля вальяжно и чуть игриво начал свой рассказ на тему «Micul dejun» («Мой завтрак») такими словами: «Cînd mă trezesc luni dimineață după o beție, flămînd cã sunt în stare sã mănînc și un cioroi nepenit». Что в переводе означало буквально следующее: «Когда я просыпаюсь в понедельник утром после пьянки, то я такой голодный, что способен съесть ворону в перьях».

Это Колин пассаж я запомнила дословно! А дальше Коля, простой сельский парень, не избалованный ресторанными разносолами продолжил рассказ в таком духе: «...Eu merg la cantina studentească din incinta Casei de cultură a Universității. Acolo mă întîlnesc cu colegul meu Victor Vasilevici, cu care decidem sã luãm împreună dejunul. Victor Vasilevici mă întrebă: ce o sã serviți azi, Nicolai Vasilevici?» Что в переводе означало: «...Я иду в студенческую столовую, расположенную возле университетского Дома Культуры, где встречаю своего коллегу Виктора Васильевича, с которым мы собираемся

вместе позавтракать. Виктор Васильевич меня спрашивает: «Что будем заказывать сегодня, Николай Васильевич?»

...Коля рассказывал, а я в это время мысленно представляла себе двух «бедных гусаров», пардон, студентов, соседей по общежитию, причем с большого бодуна (в том, что Коля был в тот день с похмелья, он признался позже), которые почему-то обращаются друг к другу на «Вы» и по имени-отчеству! И не где-нибудь, а в простецкой студенческой столовке, расположенной вдали от учебных корпусов, а значит, и от преподавательского глаза. Столовая располагалась на углу улиц Малиновского и Садовой, была плохой и редко контролировалась руководством Кишинёвского университета.

Преподавательница в это время то ли замешкалась, то ли отвлеклась, я уже не помню, но Коля этим обстоятельством воспользовался и пошел дальше. За экзаменационным столом он воспроизводил диалог двух изысканных джентльменов, которые рассуждают о своих кулинарных предпочтениях и о самом предмете обеденного заказа. И это в нашей замызанной столовке, с комплексными обедами, в которой и выбора-то не было! На безупречном румынском наречии Николай сыпал названиями блюд, о которых я никогда не слышала: о соусе бешамель, трюфелях, лангустах и омарах... я даже не знала о существовании таких изысков! Коля залихватски сочинял, ведь на самом деле студенческие завтраки были «ун стакан де чай ши булкэ ку повидлэ» («чай и булка с повидлом»).

Колино экзаменационное выступление было похоже на разговор двух гурманов в ресторане мишленовского уровня (в те годы мы о них, кстати, не слышали, потому что в Союзе их не было).

Сначала я тихо хихикала, а через некоторое время на меня накатила волна смеха — не просто хохот, а настоящая истерика. Потому что я, великолепно зная родной язык, была практически единственной благодарной слушательницей и, конечно же, прекрасно понимала настроение «артиста» и предмет его разговора. А ещё я хорошо знала их — Колю и Витю, уже отслуживших в армии взрослых неглупых парней, в меру разгильдяев. Как многие студенты, они привозили в общежитие добротное домашнее вино из подвалов родительских домов. И ребята, вероятно, с вечера перебрали, потому что не совсем протрезвевший «артист» был в ударе!

Грустная и часто не очень довольная успехами студентов, Любовь Луковна должна была, по идее, быть Любовью Лукиничной — отца ее звали Лукой. Однако, некорректный перевод её отчества с молдавского на русский: «Луковна» обеспечил ей кличку, состоящую из обратного перевода с русского на молдавский: Юбиря Чаповна («юбиря» по молдавски — любовь, «чапэ» — лук).

На экзамене наша Чаповна время от времени грозилась мне пальцем, мол, если я не прекращу смеяться, то она вышвырнет меня из аудитории и таким образом мне будет обеспечена двойка от «своего» преподавателя Мокряка. А я была согласна на любую отметку, лишь бы не лишиться возможности пропустить бесплатный цирк — потрясающе артистичный Колин рассказ!

Увы, труд артиста на экзамене был недооценен. Экзаменаторша, колеблясь между такими критериями, как пятёрка и непосещение занятий, склонилась к последнему, поставив ему четвёрку. Единственным благодарным Колиным зрителем в тот день оказалась я, ведь русские студенты из-за незнания национального языка не смогли оценить в тот день искромётный талант выступающего юмориста!

Лидия МЕЛЬНИК

«ВОТ ОН, ХЛЕБУШЕК ДУШИСТЫЙ...», или КАРАВАЙ ДЛЯ ЕВТИХИЯ

В дни сессий мы старались подходить индивидуально к каждому экзаменатору, даже при хорошей подготовке. И что-нибудь, да придумывали.

На втором курсе нам предстоял зачет по логике, на котором оценок не ставили. Но без него не допускали к экзаменам, так что к преподавателю-ловеласу и эстету надо было найти свой подход. Старшекурсники-«деды» нас инструктировали, как следует сдавать предметы у разных экзаменаторов. А на зачёте у самого «алогичного» в Молдове специалиста по логике Константина Бырлибы, очень падкого на красивых и сексуальных девушек, все должно было быть по высшему разряду — не только

внешний вид студенток, но и сама аудитория, чтобы обеспечить ему прекрасное настроение — так нас учили старшие наставники. Получив столь важные «ц.у.», студентки подготовились к зачету покруче, чем на первое свидание! Девчонки выбирали из своих общежитских шкафов самые смелые наряды, из комнаты в комнату переносились лаки для волос, импортная косметика и духи. Гудели фены, в кастрюлях варились термо-бигуди, а старшекурсницы выполняли роль добрых фей-парикмахерш, стилистов и визажистов и колдовали над нами.

В час «икс» в экзаменационной аудитории собрались не скромные, затюканные сессией второкурсницы, а звёзды, облаченные для «красной дорожки»: кто в мини, кто в макси с разрезом почти до талии, в шифоновых прозрачных блузках или в блузках с глубокими вырезами, в ажурных и сетчатых колготках, изысканных сапогах на высоких шпильках и все в боевой раскраске!... Наши ребята от внешнего вида сокурсниц обалдели — такими они нас никогда не видели.

Мы загодя отмыли и принарядили аудиторию: накрыли экзаменационный стол скатертью, выложили в вазу букет гвоздик (и это в середине зимы!), выставили коробку самых лучших конфет от «Букурии» и сок, предварительно скинувшись на это удовольствие. У всех было приподнятое настроение, в аудитории стоял шум-гам, девушки были довольны собой и своим внешним видом, галдели от души, а парни дурачились. И вдруг, в этом всеобщем веселье, в аудитории «нарисовался» совершенно другой преподаватель, по кличке Евтихий, — весьма скользкий и непредсказуемый товарищ, с редким, барским отчеством — Ефтихиевич. Полностью его звали Михаил Евтихиевич Кравец.

«Что за гам? И что тут происходит?» — поинтересовался он, заметив нарядных девчат и не менее торжественную аудиторию. И, конечно же, от его взора не ускользнул красиво накрытый стол. Поначалу мы и не подумали о том, что спалились... Студентки промямлили что-то невнятное и даже не заметили, как Евтихий тихо испарился...

Зато вспомнили о сцене появления Евтихия там, где ему быть не полагалось, накануне экзамена по русскому языку. Евтихий преподавал этот предмет половине нашей молдавской группы, в которой выпало учиться и мне. К тому времени мы уже забыли напрочь о «логике» с которой, по логике вещей, справились отлично с помощью, выражаясь современным языком, «лайфхаков»! Мы сообразили, что обычный «голый» подход к экзамену по русскому языку будет воспринят Ефтихием как пренебрежительное отношение к нему, Евтихию, после увиденного им праздника на зачете по логике. Однако, поздновато нас тукнуло в темечко: воскресным вечером все магазины были закрыты (на дворе стояло советское время), так что купить цветы и коробочку «Вечернего Кишинёва» или «Метеорита» к 8-ми часам утра назавтра, увы, мы никак не успевали...

Надо было импровизировать. Старосте нашей группы родители передали в общежитие огромный домашний румяный каравай, и та предложила пустить его в дело. Упаковали его в красивую салфетку с принтом, отдаленно напоминающим национальные мотивы, и пошли в бой...

Выстроившись в линейку, женская часть группы выглядела уже далеко не так, как на зачете по логике. В середине шеренги студентка-красавица держала на руках импровизированный «хлеб-да-соль». При виде заходящего в помещение Евтихия Ксюша торжественно отчеканила:

«Вот он, хлебушек душистый,
Вот он, теплый, золотистый.
В каждый дом, на каждый стол,
Он пожаловал, пришел.
В нем — земли родимой соки,
Солнца свет веселый в нем...
Уплетай за обе щеки,
Вырастай богатырем!»

И наш «хлебушек»-каравай с пиететом был вручен экзаменатору, довольно крупному физически мужчине, да еще и в более, чем зрелом возрасте, со странным пожеланием вырасти богатырем — слова из песни не выкинешь...

Покрасневший, смущенный и, одновременно, несколько недовольный, Евтихий явно пребывал в недоумении и никак не мог решить: принимать или нет наш дар? Ведь по народным обычаям хлеб отвергать нельзя, а с другой стороны, уж больно смахивает на балаган или подставу. Слегка поколебавшись, он все же отнес «румяно-золотистый» на кафедру, чтоб показать истинно молдавский каравай коллегам. Он был взбудоражен и явно насторожился от нашего поступка...

И в тот же день Евтихий лихо отыгрался на нас на экзамене: из всей подгруппы пятерку получила лишь одна «возрастная» студентка, а меня, круглую отличницу, несмотря на преимущественно правильные ответы, отпустил на волю со словами: «Получай свою четверку»... Так, в моём «красном дипломе» наряду со пятерками красуется одна-единственная четверка — по великому и могучему русскому языку. Так что, друзья, если встретите в тексте ошибки, знайте, у меня есть серьёзное оправдание: на «четыре» знают многие, а на пять — лишь Боги ... и Михаил Евтихиевич Кравец.

Елена ТХОРОВА

ШТОРЫ ДЛЯ ЕВТИХИЯ

Нас, студентов, частенько «пользовали» преподаватели в личных целях. В армии эта тема стабильно популярна и не нова.

Но и наших парней-студентов часто в коллективно-общественных целях регулярно использовали в общагах, в колхозах и на стройке, на воинских сборах. Хоть я и женского пола, но и я располагаю кое-какими воспоминаниями из жизни университета КГУ восьмидесятых годов.

Вспоминается классический случай. Наши рефераты частенько использовались педагогами для личного карьерного роста, при написании кандидатских диссертаций. У нас на журфаке это «выразительно часто» практиковалось преподавателем Михаилом Кравцом и профессором Клобуцким. Кравец вел спецкурс по древнерусской филологии и лингвистике, а Клобуцкий — по истории журналистики в Советской Молдавии. Клоб лично раздавал на лекциях — каждому студенту персонально — темы, записывая их у себя в журнальчик: тема такая-то, к примеру — «Отражение политической (социальной) жизни страны в такой-то период времени на страницах газеты «Молодежь Молдавии», или — тема та же, но период другой и в другой газете, например, в «Советской Молдавии». Так, с миру по нитке, ему собиралась научная тематика, с конкретными темами, документально отраженными на страницах официальной прессы. Преподавателю-жуку оставалось лишь скомпоновать и отредактировать студенческие исследования. Удобно, быстро, надежно, не так ли?

На месте Клобуцкого мне было бы стыдно вклеить какому-нибудь студенту-литрабу трояк на экзамене за столь кропотливо проделанный труд. Я сутки, помнится, рыдала лишь потому, что Клоб поставил мне, отличнице и активистке, да еще и в середине пути — на третьем курсе — незаслуженную тройку, а его вопрос на экзамене, которым он меня завалил, не касался темы самого экзамена. На свой билет отвечала я так, что рядом сидящие тарасились на меня как на гуру. Перед экзаменом я назубок выучила все «99 билетов» на отлично. В тот день я щелкала темы билетов как орешки, и когда мой мучитель понял, что по билетам «любимицу Окорокова» ему не завалить, в ход был пущен запрещенный прием. Профессор-антагонист Окорокова попросил меня назвать фамилию новоизбранного секретаря ЦК Компартии Молдовы. «К ерк!» — парировала я. «А имя-отчество?» К сожалению, тогда имени-отчества Семена Кузьмича я не знала, он только-только вступил в партийную должность. Конечно, я могла бы оспорить незаслуженный трояк, но в те годы студенты с педагогами не тягались, мудро памятуя пословицу «себе дороже».

Преподаватель Михаил Евтихиевич Кравец пошел еще дальше. На пятом курсе, при написании диплома, мне досталась какая-то несусветная хрень-тема. Я пришла на

Кфедру, чтобы проконсультироваться, Кравец же, под предлогом дефицита времени, неожиданно предложил мне поговорить по дороге, идя от универа аж до района тракторного завода, где он, как позже выяснилось, не так давно арендовал частный домик

для жилья. Домик был страшенький, с немывыми окнами и полным отсутствием занавесок, с плохо окрашенными досками пола.

Тихим и каким-то вкрадчивым голосом Евтихievич как-то неестественно-жалостливо обратился ко мне с просьбой: «Елена, мне очень необходим ваш женский взгляд на проблему». Я, всегда готовая прийти на помощь, помнится, откликнулась на его призыв. А вот зря! Сейчас-то я уж научилась отказывать... А тогда мой «женский взгляд» оказался нужным для новых штор. Купленные в магазине готовыми, шторы оказались чересчур длинными, и Кравец попросил их подрубить. А заодно и ... помыть ему полы!! «Ну уж это чересчур», — подумала я. Метнув в хитреца фразой: «Я тоже тороплюсь», я свернула рулоном шторы, уложила в пакет и, рванув во двор, была такова.

Шторы пришлось-таки халявщику подрубить. Но тему своего диплома я на второй же день решительно сменила, в короткие сроки написав «глубочайший реферат» о книгах Л.И. Брежнева — «Воспоминания», «Малая земля» и «Целина» — как об «образцах высокого публицистического творчества», и уже на другой кафедре. Вот, какое было веселое время!!

Елена ЧЕРТКОВА

НОЧНУШКА С ПОРОСЯТАМИ

Было это на предпоследнем курсе, когда студентов-журналистов посылают на практику в районные газеты.

В район нас отправили втроем — Валю Присакарь, Валеру Чеботаря и меня.

Валерка нашел там рабочее общежитие, куда и заселился; ему было не привыкать, он и в Кишиневе в общежитии жил. Валя — домашняя девочка — в Кишинёве снимала квартиру, она и в селе нашла себе постой, а меня забрала домой редакторша газеты. Я и не пикнула — меня пригласила редактор!

У нее была одна комната с единственным раскладным диваном; ну мы и спали на нем, и ничего в этом удивительного не было для прежних времен — все было просто.

Я в поездку взяла что понаряднее, и ночная рубашка у меня была новая — мама купила такую жизнерадостную, всю в розовых поросятках на пупырчатой ткани — в то время модное новшество, такую ткань только-только продавать стали!

Мы с Валькой как-то удивительно быстро с практикой расчились и уехали в Кишинев, а Валерка пыхтел до последнего дня. Он нашел себе хорошую компанию, зачем от неё уезжать?

Дома обнаружилось, что замечательная моя ночнушка осталась у редакторши... Жалко ее было, но, небось, не золотое кольцо. Рубашка, однако, триумфально догнала меня в самом неожиданном месте в начале следующего учебного года.

Лекции по научному коммунизму были общими для многих факультетов, и читались в большом актовом зале, который заполняли юристы, филологи и журналисты. И вот в первые минуты урока, когда все уже уселись и наступила тишина, ее пререзал звонкий Валеркин голос:

— Лен, а Лен! Помнишь, мы на практику вместе ездили? Так ты свою ночнушку там забыла; вот я её тебе привез!

И невысокий, сублильный Валерка встал и помахал мне той ночнушкой над головами вдумчивых юристов, красноречивых филологов и общительных и не в меру любопытных журналистов — розовые жизнерадостные поросята безусловно оживили лекцию по научному коммунизму!

Ира ВИШНЕВСКАЯ

ПРО ЭЛЮ АМБРОС (те, кто нас вдохновляет)

В школьные годы я радостно носилась между общеобразовательной, музыкальной и художественной школой, была самозабвенной активисткой и тошнотворной моралисткой, и мне никто не нужен был для вдохновения, мне хватало самой себя. А потом — в семнадцать лет — пришлось пережить болезненный отрыв от дома, от мамы с папой, от

друзей и от привычной, уютной провинциальной жизни. Я поступила в университет, оказавшись одна в большом, чужом, неприветливом городе. Было очень тяжело. Каждый день звонила маме, пока она не запретила мне мой ежедневный нервный трезвон, позволяя один звонок в неделю. И вот тогда в моей голове поселилась Эля Амброс, моя однокурсница. Она была кишиневской девочкой: холеной, неспешной, несуетливой, исполненной внутреннего достоинства — неброского, но устанавливающего жесткую дистанцию. После занятий Элеонора ехала домой, никогда не ввязываясь в конфликты и не застревая в студенческой жизни — она всегда была как бы над нашей жизнью. Когда мне приходилось тяжело — с деньгами ли, с учебой, с одиночеством и моей молодой тоской, у меня перед глазами всегда возникал образ Элеоноры. Внутренним оком я видела ее сидящей за письменным столом: стол стоит перед окном, а за окном — огни вечернего города. На столе — блюдец с надкусанным яблоком. Эля не спеша берет его своими крохотными, словно кукольными, пальчиками, с ямочками у основания, увенчанными аккуратными подточенными ноготками под розовым лаком. Я знала, что ей тепло, уютно, и она сидит, покусывает яблоко и читает книжку. Стоял ли на самом деле ее письменный стол у окна, я не знаю — в гостях у Элеоноры Амброс ни я, ни кто-либо другой из наших общежитских сокурсников никогда не был, но это не имело никакого значения. Образ благополучной, беззаботной Эли подстегивал меня так, что я переставала хандрить, хваталась за учебу и двигалась дальше, чтобы воплотить в жизнь свои мечты в недалеком будущем, когда я закончу университет. И лишь однажды между нами завязался узелок, достаточно странный: я и Эля выходили замуж практически одновременно, в конце пятого курса, и у Эли, как это не смешно, не оказалось обуви! А у меня, все еще страдающей комплексами провинциальной девочки, были роскошные, по тем временам, импортные белые свадебные босоножки, подходившие ей по размеру. И я одолжила их своей недосыгаемой однокурснице! На Элиной свадьбе я не была — замуж она выходила где-то в России, но пару фотографий — свидетелей нашего с ней «узелка», она мне тогда подарила.

После университета об Элеоноре Амброс я ничего не слышала, а вскоре и вовсе о ней забыла, а вот сегодня вдруг вспомнила.

Жизнь опять закрутила меня, и так лихо, что никто для мотивации мне, как и в школьные годы, уже был не нужен: я успешно работала в лучшей газете Молдовы, печаталась во всесоюзных изданиях — в «Известиях», «Правде», «Литературной газете» и даже не представляла, о чем еще можно мечтать в профессии, да и в личной жизни. Но все рано или поздно заканчивается. Закончилась и моя невероятная, успешная кишиневская жизнь: Советский Союз развалился, газету — орган ЦК КПМ — закрыли, муж умер, дочка уехала учиться в Америку, бизнес, которым занималась, а вместе с ним и деньги, сами собой стали сходить на нет, и я переехала в Одессу. Это была жесть! Полная! Такой жести у меня не было никогда! Ни денег, ни знакомых, ни работы, а обратно в Кишинев вернуться, тем самым объявив о своем фиаско, не могу — гордыня не позволяет, ведь все знали правду о том, чего я вдруг сорвалась с насиженных мест. И вот я в Одессе, как кол, вбитый в землю. Мне 44 года, на работу устроиться не могу — мне повсюду указывают на возрастной ценз, да и на какую работу устраиваться — не знаю, ведь в журналистике не работала уже двенадцать лет и считала, что писать разучилась. Ситуация усугублялась отсутствием прописки, гражданства, ну и, повторюсь, знакомых. Я была в полном отчаянье и уже на полном серьезе рассматривала варианты трудоустройства уборщицей или посудомойкой. Я утонула бы — наверняка! Но тут в моей голове поселилась моя новая знакомая — известная кишиневская журналистка Юлия Семенова, и стала моим спасательным кругом. Я постоянно, в режиме нон-стоп думала о ней, о ее невероятной трудоспособности, непотопляемости и жизнестойкости, и мне это давало силы жить и пробиваться на новом месте.

Короче, все у меня наладилось, и сегодня я считаю себя вполне успешным человеком. Да, у меня нет машины, норковой шубы, кольца с крупным бриллиантом — но все эти современные символы женской успешности мне и даром не нужны, а если бы были нужны — уже купила бы! Но и сейчас, когда у меня все хорошо, когда моя жизнь похожа на нескончаемый праздник и я занимаюсь только тем, от чего получаю кайф, иногда на меня наваливается то ли тоска, то ли лень. И тогда в моей голове по очереди — в зависимости от ситуации — начинают двигаться, греметь, что-то переставлять, красить, писать, сооружать невероятные талантливые, целеустремленные, сильные, выносли-

вые, жизнеутверждающие, внешне не унывающие, креативные сестры — художницы. Точно так же, как в далекую студенческую пору меня вдохновляла моя однокурсница Эля Амброс. А кто вдохновляет вас?

Елена ДАНЧЕНКО

КСИВА

Будущего мужа я встретила после третьего курса. Для этого мне надо было съездить на крымское побережье, а именно в Севастополь. Там, на катере, который шел с учкуевского пляжа в город, мы с Вовой и познакомились. Вова приехал погостить к тётке и оказался почти москвичом. Он был на год старше, учился в Московском Энергетическом институте на радиофизика, а жил в общежитии, потому что ездить ежедневно на лекции из его подмосковного городка Красноармейска было далеко. В его родном вузе места в общежитии не нашлось и будущего радиофизика нелегально пристроили к себе друзья — бауманцы, будущие инженеры-строители. Так Вова оказался не в Лефортово, где находились общежития МЭИ, а неподалеку от станции метро «Измайловская». Не так уж и далеко от родного ВУЗа.

Выделись мы с Вовой редко, Кишинёв от Москвы находится гораздо дальше, чем Москва от Красноармейска, и наши встречи — это отдельная тема. Сейчас я расскажу об одной из них.

На дворе стояло лето 1981 года. Вова доучивался на последнем курсе, я только-только сдала экзамены за четвертый курс, а сдав, ринулась в Москву. В тот раз остановиться мне было решительно негде. Родственники, приютившие меня полгода назад, заселились в свободную квартиру своих взрослых детей, знакомые мои и моих родителей не смогли выручить квадратными метрами, но Вовка сказал: «Приезжай, я тебя устрою к себе».

Устроил он меня в то самое общежитие института имени Баумана, где сам жил нелегально. Нас, бездомных влюбленных, спасли Вовины друзья, те самые, что когда-то пристроили у себя самого Вову: Сережа Борисов, Копф (запомнилась странная кличка парня, но не его имя), Женя Харламов. Раздобыв где-то нужный штамп, они изготовили мне пропуск в общежитие.

О, то была шикарная ксива! По легенде, я стала студенткой славного московского учебного заведения, будущей инженершей (это я-то, с трудом когда-то осилившая таблицу умножения, а по черчению выше годовой тройки не снискавшая). Вклеили фотографию нужного формата, все как полагается.

При входе в общежитие меня на вахте не остановили, хотя я приехала не только с чемоданчиком, а и с канистрой молдавского вина. Залив эмалированный чайник вином для себя, мы отдали канистру ребятам.

Заранее договорившись, наши спасители, наши три мушкетера, с удовольствием удалились в другие комнаты пировать, предоставив в наше с Вовой распоряжение свою жилплощадь.

Общежитие бауманцев было гораздо лучше общежития моих однокурсников в Кишинёве. Хотя я жила дома с родителями, но иногда захаживала к однокурсникам в общежитие. В Кишинёве была «система коридорная»: туалет и душевые находились где-то в конце коридора и были рассчитаны на всех обитателей этажа, а каждая комната выходила в общий, длинный, как кишка, коридор.

В Москве я увидела что-то вроде кондоминиума: две изолированные комнаты с отдельными входами и прихожая, изолированная от общего коридора. В прихожей располагался душ и туалет, тоже по отдельности и всего лишь на две комнаты. Удобство все-таки.

Комната выглядела так: вдоль стен стояли четыре койки и не у каждой была своя тумбочка. Подозреваю, что в этой комнате было на одну кровать больше нормы — для нелегального Володи. Выкрашенные зеленой масляной краской стены. Большие окна без занавесок. На окне моно-проигрыватель с единственной виниловой, страшно заезженной пластинкой: «Летающей походкой ты вышла из мая...» Вовка рассказал, что они ее слушали на попойках после сдачи экзаменов. Небольшой столик у стены, прямо за

дверью слева, покрытый клеенкой. На клеенке — сухие корки хлеба. Какая-то каморка папы Карло... Вовка перехватил мой взгляд:

— Это Сережа Борисов собирает. У него диабет и ему иногда срочно надо что-то съесть. Он колется несколько раз в день.

Я почувствовал себя оккупанткой... даже больного Борисова выставили из-за моего приезда.

В той комнате, голой, как больничная палата, мы были счастливы. Я засыпала вечерами под гуканье голубей, а Вовка шел готовиться к экзаменам куда-то на первый этаж. В дни экзаменов я его не видела, он приходил днем, уставший, как собака после бессонных ночей, и засыпал. В общежитии я освоилась. Выбросила корки, подмела и вымыла пол, подоконник, вымыла запыленную пластинку шампунем. На каком-то начальном этаже здания был буфет, где можно было неплохо позавтракать сосисками и хлебом, запив их кофе с молоком «из бачка», как его называли ребята. Там еще продавали сметану в граненых стаканах и капустные салаты. Обедали мы по-разному: ходили в столовую, кафе, пельменные, или, закупив продукты в магазине, пытались стряпать на общежитской кухне.

Идиллия закончилась с наступлением тепла. Я приехала в период дождей, а они и в июле бывают затяжными и холодными. Входила и выходила из общежития в пальто и платке «домиком», скромной такой, советской девушкой. Но дожди заканчиваются и в Москве, наступили теплые, даже жаркие дни. Я вытащила из чемоданчика ситцевый сарафан на бретельках и распустила волосы. Тут-то меня и вычислили.

Особенно бдительная вахтерша пригляделась к невиданной в бауманских краях студентке: непозволительно голые смуглые плечи, распущенные волосы до попы, босоножки на каблуках, и какой-то отрешенный романтический взгляд — обычный набор студентки филфака или артистического вуза, но никак не института имени Баумана.

— Девушка, а вы куда? — окрик вахтерши остановил нас, когда мы по привычке, весело болтая, уже шли по лестнице наверх.

— Я тут живу, — бойко ответила я.

— Что-то я вас не помню. Покажите мне ваш пропуск.

Показала пропуск и что-то там вахтершу насторожило, хотя пропуск, повторюсь, был идеален.

— А где вы учитесь?

— На отделении журналистики филфака, — радостно сообщила я, забыв, что такого факультета и близко нет в Бауманке, и осеклась...

Мы поняли, что засыпались. Меня никуда не пустили дальше первой ступеньки лестницы, куда я села. Вова поднялся наверх, собрал мои пожитки и снес их вниз вместе с пустой канистрой.

И пошли мы на выход. Побрели в сторону метро. Надо было с пересадками ехать в далекий Красноармейск, но мы еще успевали на автобус-экспресс, который шел от ВДНХ.

— Эх ты, такую ксиву запорол! — сказал мне в автобусе Вова и был прав.

Впереди было гостевание у Вовиных родителей, обратный поезд в Кишинев, пятый курс отделения журналистики и вся жизнь.

Елена Данченко (Щербак) — поэт, прозаик, переводчик, рецензент, журналист.

Родилась в Кишинёве. Закончила факультет журналистики КГУ (Кишинёв), училась в Высшей школе переводчиков г. Утрехта (Нидерланды). Автор шести книг стихов и одной книги переводов стихов с русского на английский.

Лауреат и финалист многих конкурсов: имени Ольги Бешенковской (Германия), Дюка Ришелье (Германия-Одесса), Международного литературного фестиваля (Прага), «Музыка перевода» (Москва), «Лучшая книга года» (Германия), Премии имени Игоря Царева, лонг-листер Бунинской премии, Волошинского конкурса, Премии «Белла» и других.

Автор публикаций стихов, переводов, прозы и публицистики в журналах: «Дружба Народов», «Новая Юность», «Знамя», «Смена», «Москва», «Иностранная литература», «День и Ночь», «Урал», «Зарубежные Записки», «Интерпоэзия», «Дарьял», «Нёман» и др. Живет в Нидерландах.

Елена Тхорова (Савкова) — журналист и редактор.

Родилась в г. Кировск Мурманской области. Закончила факультет журналистики КГУ. В разные годы работала в федеральных и региональных издательских домах и на интернет-порталах: «Правда.ру», «Провинция», «Московский комсомолец», «АиФ» и др. После развала СССР работала в пресс-службе президента Молдовы, позже возглавляла пресс-службу и служила пресс-секретарем мэра г. Лобня. Работает на федеральном портале, посвященном музыке и культуре. Автор женской прозы и автобиографических рассказов, которые публикует в сети. Живет в г. Лобня Московской области.

Лидия Мельник — журналист, администратор, библиотечный сотрудник.

Родилась в селе Кишкэрень (Молдова). Закончила факультет журналистики КГУ. В настоящее время работает в Международном выставочном центре «Молдэкспо» и сотрудничает с Национальной библиотекой Республики Молдова в рамках проектов, посвященных литературе. Работает на румынском языке, пишет очерки о писателях для библиотеки. Живет в Кишинёве.

Елена Замура — журналист и редактор.

Родилась в Кишинёве. Закончила факультет журналистики КГУ, затем — политологический институт в Санкт-Петербурге. Работала в газетах «Молодежь Молдавии» и «Советская Молдавия». В настоящее время является главным редактором газет «Независимая Молдова», «Новое время», а с 2013 года — газеты «Молдавские ведомости». Кавалер ордена Республики — высшей государственной награды Республики Молдова. Живет в Кишинёве

Сергей Ткач — теле- и радиожурналист.

Родился в селе Липканы (Молдова). Закончил факультет журналистики КГУ. Работал на Молдавском радио и телевидении, был генеральным продюсером Общественной компании «Телерадио-Молдова», «Первого канала» в Молдове.

В настоящее время является председателем Центра развития независимого телевидения Молдовы и политобозревателем. Автор документальных фильмов, публицистических статей и сказок, публикуется в литературных журналах Молдовы «Кодру», «Русское поле», ведет авторский сайт. Фильмы Сергея стали победителями и номинантами международных телевизионных фестивалей и конкурсов. Живет в Кишинёве.

Елена Черткова — поэт, прозаик, эссеист.

Родилась в г. Каменск-Уральском. Закончила факультет журналистики КГУ. Работала в районной газете, затем эмигрировала на Кубу, где служила переводчицей. Жила в Швеции, где работала переводчиком и преподавателем русского языка. Стихи и проза публиковались в изданиях «Наше поколение», «Молдавские ведомости», «Цыгане России», «45 параллель», «9 муз», «УзбекЛит», «Пражский Парнас», «Дарьял», «Веси», «Доля», «Флорида» и др. Автор книги «Кочевые костры» и коллективных сборников стихов «Талисман» и «Ностальгия». Живет в штате Флорида (США).

Ирина Вишневская (Тютюнник) — журналист, прозаик, художник.

Родилась на юге Молдовы, в г. Чадыр-Лунга. Закончила факультет журналистики КГУ. Работала в многотиражных изданиях, затем в газете «Советская Молдавия». В 90-е годы открыла в Кишиневе сеть магазинов и ресторан. Затем переехала в Одессу, где работала корреспондентом в газетах и журналах, была редактором городской газеты. Является автором шести книг прозы. В последние годы профессионально занялась живописью. Шестая персональная выставка недавно прошла в Одесском музее западного и восточного искусства. Живет в Одессе (Украина).

Олег Банару

Родился в селе Старые-Брынзены (Молдова), в семье учителей. Со школьных лет печатался в детских и молодежных СМИ республики, занимал ведущие места в Олимпиадах по литературе. Окончив школу с золотой медалью, поступил на отделение журналистики филфака КГУ. Работал в районных газетах, затем собкором Госагентства новостей «Молдпресс», корреспондентом газет «Новое время», «Экспресс новостей», «Новости дня» и др. СМИ Молдовы. Был членом СЖ СССР, награжден «Золотым пером» СЖ Молдовы за серию репортажей о приднестровском военном конфликте, лауреат Первой премии по Экологии Шведского Института Воды и Санитарии. В настоящее время — фрилансер, занимается защитой окружающей среды, в частности — реки Днестр. Живет в Кишинёве.

МАРШ БЛАНТЕРА

Медицинская энциклопедия — из тех книг, к которым люди обращаются в нелегкие моменты жизни. Оптимисты ее не читают, и правильно делают. Но если на вас обрушатся житейские невзгоды, откройте ее на какой-нибудь статье вроде «Цирроз печени», и вы поймете, что все не так уж плохо. Вот и меня к этой книге привело отчаяние. Неизлечимый недуг долгие годы омрачал мою жизнь. Болезнь была не смертельной, но неэстетичной. Да, речь идет о грибках. Что делать? — общественные бани, бассейны и душевые с вытекшими из них грибковыми последствиями были спутниками моей неустроенной молодости.

В энциклопедии на букву «Г», как и следовало ожидать, хорошего нашлось не много. А начинался раздел с чисто технического термина «Газоотводная трубка», вызвавшего неуместные ассоциации с дизельным двигателем и автоматом Калашникова. Столь же необъяснимым показалось включение в медицинский справочник понятий «Гражданская оборона» и «Гребля». Впрочем, другие статьи раздела — «Гельминты», «Геморрой», «Гонорея» — тоже не доставили мне эстетического удовольствия. Зато о грибках медицинская наука говорила твердо и безапелляционно: эпидермофитию и руброфитию легче предупредить, чем излечить. Мне исамому это было известно, поскольку победить их подручными и народными средствами не удавалось. Ходили легенды о некоей панацее под названием «низорал», но достать это чудодейственное средство в годы перестройки было невыполнимо. Посещения дерматологических кабинетов, кроме возможности безнаказанно снимать трусы и даже носки перед незнакомыми женщинами, ничего не давали, а однажды в числе каких-то бесполезных мазей мне выписали успокоительные таблетки. Но когда и они не помогли избавиться от навязчивого пациента и его нездорового желания вылечиться, меня решили запугать окончательно и предложили уничтожить грибки вместе с ногтями. Вспомнив гильотину как способ лечения перхоти, я внутренне содрогнулся, но слепая надежда на исцеление и детская вера в отечественную медицину победили, и я согласился.

Сама клиника, в которой проводились эти научно обоснованные экзекуции, успешно опробованные еще во времена инквизиции, находилась в Сокольниках. Это было мрачное, дореволюционной постройки здание казарменного типа из темно-красного кирпича из числа тех, в которые люди по своей воле не заходят. Внутреннее состояние лечебницы соответствовало наружному. Трехметровые потолки, потемневшие от времени, полы с протертым линолеумом и обшарпанные стены, усеянные трещинами на осыпающейся краске, давно и безнадежно мечтали о ремонте. Густая смесь запахов лекарственного, кухонного и туалетного характера, каждый из которых был по-своему отвратителен, охватила прямо при входе и лишила остатков оптимизма. По длинному коридору ковыляли странного вида люди с растопыренными пальцами рук и ног, обмотанными окровавленными бинтами. Худшие опасения подтверждались, но отступить было уже поздно.

Меня поместили в четырехместную палату, в которой находились собраты по несчастью в различных стадиях лечения. В тот же день в палату поступил другой пациент, мужчина средних лет, интеллигентной внешности, по виду научный работник. Как правило, близких по духу людей узнают с первых же фраз, и мы легко познакомились. Николай Иванович действительно оказался профессором какого-то московского института. Невзирая на разницу в возрасте, у меня с ним нашлось намного больше тем для общения, чем с двумя более молодыми соседями, моими сверстниками. Разговор начался с общей беды — как это нас угораздило. Со мной было все понятно, а вот он признался, что, скорее всего, подхватил заразу в бане, куда пару раз в месяц, по давней традиции, ходил со своими однокашниками. Поговорили еще немного, затронули и политику, которая тогда, в начале девяностых, была острой темой, но Николай Иванович сказал, что лезть в эту грязь не имеет ни времени, ни желания. И вообще, не дай бог жить в эпоху перемен. Но ведь живем — что делать? В этот момент в палату вошла медсестра с таб-

летками, и разговор свернулся. После скудного больничного обеда немного почитали и подремали, а вечером вышли в вестибюль, к телевизору. Транслировали матч Кубка европейских чемпионов. К моему удивлению, профессор оказался заядлым болельщиком. В тот вечер киевское «Динамо» проиграло какой-то несильной команде, кажется, чешской. Недовольные болельщики разошлись, поругивая отечественный футбол, а мы задержались:

— Я вижу, вы разбираетесь в футболе...

— Да, еще в детстве увлекся, от отца заразился. Сначала не понимал, чего он там слушает по радио, кричит, руками машет. А потом объяснил мне, что к чему, и я тоже завелся. Он за «Динамо» болел, ну и я тоже. Пацаненком был, а всю команду знал — и основной состав, и дублирующий. Как только слышал позывные, бежал к приемнику...

— А мы на «Автозаводской» жили, там и увлекся. Родители на ЗИЛе работали, отец мастером, а мать в конструкторском бюро...

— Понятно: «Торпедо».

— Ну да. Это уже после войны было. Я-то в сорок первом родился, в эвакуации, на южном Урале. Отца так и не увидел, он в сорок третьем погиб, на Курской дуге. Мать и бабушка рассказывали потом, как тяжело было в эвакуации, как выживали, недоедали, меня поднимали. Вы-то, судя по возрасту, войну не застали. Пятьдесят первого? Я так и понял, что лет на десять моложе...

— А в пятидесятые тоже было несладко, черному хлебу радовались. Его тогда на весах завешивали, я любил корочку на буханке обгрызать. Помню, просил мать повидло купить, а она говорила, что денег нет...

— Ну что вы! Какое там повидло, мои по карточкам продукты получали, впроголодь жили. А мне, ребенку, молоко было нужно, витамины, хоть какое-то яблоко. Мать дополнительную работу брала, по ночам корпела. Городским там особенно трудно было, на земле. Когда от завода участки давали, они тоже взяли, а не знали, что к чему, и достался им сплошной песок. И далеко было — чуть не час туда шли. Им подсказали, что под посадку землю удобрить надо. Купили они ведро семенной картошки и тележку навоза, притащили туда, и пришлось им этот навоз руками разбрасывать. Представляете? А потом сажать эту картошку несчастную. А самое обидное, что все труды были впустую. Стали осенью копать, а там одна мелочевка. Как же они, бедняжки, мучились на этом поле! Несколько раз ходили, да так и не докопали...

— Нас тоже земля выручала, на подножном корму жили.

— А мои так и не освоили это сельское хозяйство. Нас тогда бабушка сильно выручала — шила хорошо. На машинке «Зингер». Это была наша главная ценность, кормилица семьи. И в эвакуации, и потом, когда вернулись в Москву. В коммуналке жили, в одной комнате. А я во дворе ошивался...

— Среди шпаны?

— Всякое было. Старшие в очко играли, а мы — в пристенок, в ножички. Но в нашем дворе больше в футбол гоняли. Тогда, после войны, у людей два сильных интереса было — футбол и голуби. Во всех дворах голубятни были, а на футбольные матчи народ толпами валил, билетов не хватало. В нашем доме жил одноклассник, ему повезло — отец вернулся с войны. Он и нас иногда брал на стадион. Первый раз особенно запомнился. В апреле это было. Снег еще не сошел, а на стадионе уже зеленый газон, а на нем фигурки футболистов в яркой форме. Ветерок подувает, небо голубое, солнышко блестит — все кругом молодое, веселое, мячи звенят, душу радуют. Стадион гудит, народ возбужденный, радостный, обсуждает новости, составы команд. И тут футбольный марш из динамиков — сначала позывные, а потом как грянет! До сих пор, как услышу, холодок по спине...

— Говорят, Блантер рассчитал его с точностью до секунды — как раз, чтобы команды выбежали на поле и выстроились в центре.

— Смотри-ка! Значит, тоже был болельщиком. А меня тогда, в первый раз, больше всего обстановка поразила. Вот это всеобщее единение стадиона, когда многотысячная масса болеет за своих — гонит в атаку, гудит при неудачах, освистывает судьбу. Солидные, взрослые мужики ведут себя как пацаны: орут, свистят, машут руками. А когда забивают гол! Стадион вскакивает, взрывается ревом, незнакомые люди обнимаются со счастливыми лицами. Такого нигде больше не увидишь. С тех пор и заразился, на всю жизнь...

— А личных футбольных амбиций не имели? Говорят, в те годы по дворам тренеры ходили, высматривали способных мальчишек...

— Нет, у меня иллюзий не было, понимал свой уровень. А одного из наших взяли в секцию при «Торпедо», закрепился там, поднялся до дублирующего состава. Потом уехал в Поволжье, в первой лиге играл.

— Я тоже просто так гонял мячик, из интереса. Но заводился сильно, до дрожи. До сих пор помню свои лучшие голы. И промахи тоже.

— Лучшие промахи — это да!

— Представьте себе. Особенно один случай запомнился, на первенстве стройотрядов. Рубились с кем-то упорно, ничья была. А под конец игры наш правый нападающий по краю прошел. А я вырвался на свободное место, перед штрафной, и крикнул ему. Он подал с фланга, и я с ходу засандалил по воротам. И — выше перекладины. Обидно до сих пор — мог одним ударом решить исход матча.

— Эка невидаль! Ошибок — тысячи, а вот забитых голов мало.

— Зато однажды передачу сделал классную, голевую. Мяч к угловому катился, уходил с поля, а я рванул, догнал и одним движением, с разворотом, подал назад, к линии штрафной. А у нас был техничный и умный нападающий, он понял момент, выскокил на мяч и тоже сходу, упав на колени, вонзил его головой в верхний угол. Красиво вышло.

— Такие моменты греют душу. А мне запомнился один забавный гол. Тоже была подача с правого края. Я бежал слева, между мной и мячом была толпа игроков, я его и не видел. И вдруг мяч вылетает из-за спин и бьет мне в лицо, прямо в нос. А от лица — в ворота. Гол! Меня поздравляют, а у меня — кровь из носа, слезы в глазах...

— Да, такое запоминается. А теперь с мячом не балуетесь?

— Нет, перешел в разряд пассивных болельщиков. Но сейчас, скажу я вам, футбол уже не тот. А вот когда Стрельцов был в самой силе, это было что-то невероятное. Вы-то его в игре не видели...

— Ну почему? Видел, в шестьдесят восьмом. Его в том сезоне признали лучшим футболистом, а ваше «Торпедо» бронзу взяло. В Минске это было, я уже студентом был, на первом курсе. Наше «Динамо» той осенью тоже среди лидеров шло, на призовое место претендовало. Ажиотаж перед матчем был невероятный, стадион набился под завязку — и на победу надеялись, и на Стрельцова хотели посмотреть...

— Да это были его последние игры! Через год он уже сошел.

— А все равно — легенда футбола. Его тогда стадион гулом и свистом встретил. Лысоватый мужичок, средней комплекции, ничего особенного, по виду неспортивный. А потом началась игра и все поставила на место. Как ни обидно, но продули наши тогда всухую, три мяча пропустили. И два из них Стрельцов забил. Показал мастерство, всем нос утёр. Он, фактически, и не бегал по полю, всю игру возле нашей штрафной простоял. А второй гол, с пенальти, вообще издевательски забил. Подошел к мячу и кинул его ногой в верхний угол. Пижон еще тот! Но публика оценила, после игры аплодисментами провожали.

— О том и речь. А какие передачи Эдик делал! Помните его знаменитый пас пяткой? Защитники никогда не знали, как он сыграет — сделает финт, передачу или пробьет по воротам. У него и удар-то был не убойный, но он видел боковым зрением вратаря и бил так, что тот не мог достать мяч. Если бы тогда не то дело, с этой девкой, он бы мировой звездой стал, не хуже Пеле. Говорят, подстроили ему это в пятьдесят восьмом, не угодил кому-то. И как раз перед чемпионатом мира. Даже о сборной не подумали, уроды! Он же один полкоманды стоил.

— Ну, не знаю. Там, в Швеции, Пеле классно сыграл.

— Да Пеле еще салажонком был! А Эдик в самую силу входил...

— Но вы же у Пеле его голов не отнимете. Видели, как он забивал? Его четыре человека со всех сторон держат, а он мяч принимает и одним движением от всех уходит. А какой дриблинг! Мяч как приклеенный. Перед ним стена защитников, а он идет на них в лобовую, финтами раскидывает и забивает...

— А вы это где видели? По телевизору?

— Ну что вы! Мы тогда о телевизоре и представления не имели. Какой там телевизор! На жратву денег не хватало. Эти моменты потом, в записи показывали. А как он в финале шведам третий гол забил! Это был цирковой номер. В прыжке, спиной к воротам, принял мяч на грудь, потом, не опуская на землю, прокинул мимо защитника и ушел с разворотом. И тут же, одним движением, перебросил через другого и сходу пробил по воротам. Те и глазом не успели моргнуть.

— У нас телевизора тоже не было. Я в пятьдесят восьмом как раз школу закончил, в институт поступал, не до футбола было. Да и расстроился, что Стрельцова в сборной не было. А без него в Швеции ничего не показали, еле из группы вылезли. А потом хозяевам продули...

— А я в том году в первый класс пошел. Пацаненком был, футболом еще не интересовался. И в шестьдесят втором тоже...

— А я в шестьдесят втором сдал последнюю сессию и на диплом вышел. А летом на сборах был, после военной кафедры. Как-то этот чемпионат мимо меня прошел. Да и где она, эта Чили? У черта на куличках. И нашим там снова не повезло — опять в четвертьфинале на хозяев вышли, Яшин два дальних удара пропустил. Он там с травмой играл, не в полную силу. В «Футболе» писали, объясняли неудачу...

— Отличный был еженедельник! Его потом в «Футбол-Хоккей» переименовали. А купить как было трудно! У киосков «Союзпечати» очередь занимали, с раннего утра. Он по воскресеньям выходил...

— Я его тоже читал от корки до корки. А еще писали, что в Чили был самый слабый и скандальный чемпионат мира — и переломы, и драки, и разбитые носы. И Пеле не доиграл, из-за травмы. И судейство было отвратительное, испортили людям праздник...

— А бразильцы все равно победили. Там Гарринча блеснул, еще один самородок. Его на родине даже больше любили, чем Пеле.

— Он же хромым был, одна нога короче другой. У него и финт был свой, уникальный, с отклонением в сторону. Все защитники про это знали, а все равно попадались. Он на правом фланге играл.

— А мне больше всего английский чемпионат запомнился, в шестьдесят шестом. У нас тогда команда подобралась сильная, во всех линиях: Воронин из вашего «Торпедо», Поркуян и Сабо из киевского «Динамо», Малафеев — из минского, Метревели и Хурцилава — из тбилисского, Банишевский из бакинского «Нефтяника», защита армейская с Шестерневым, Яшин в воротах. И накануне сильно играли. Помните матчи с бразильцами в шестьдесят пятом году? Сначала они приехали в Москву — чемпионы мира, да еще вместе с великим Пеле! Ажиотаж был невероятный, в Лужниках собралось больше ста тысяч зрителей...

— И великий Яшин пропустил от великого Пеле два мяча.

— А сколько раз выручил! А про первый гол сам рассказывал, что запутал его Пеле дриблингом и финтами и поймал на противоходе: Яшин видел момент удара, а ничего поделаться не мог. И вся сборная не справилась с бразильской техникой и сыгранностью. Зато, какой футбол увидели! А потом на знаменитой «Маракане» вничью сыграли, забили чемпионам мира на их поле два гола. Тогда вся страна ждала, на наших надеялась. Даже Пьеха пела: «Совершат почетный круг с трофеем гордым парни нашей золотой команды...». Я тогда в восьмом классе учился, ждал с нетерпением, дни считал...

— А я в шестьдесят шестом женился. Свадьбу сыграли в июне, как раз перед чемпионатом. А медовый месяц провели в Сочи.

— А сколько вам было? Двадцать пять? Не рановато?

— Да как сказать? Уже не мальчик. Я к тому времени уже кандидатскую завершал. На подъеме был, все складывалось как нельзя лучше. Оставалось с личной жизнью определиться. Но и тут, можно сказать, выигрыш выпал. И красавица, и образованная, и семья приличная. Дочь моего научного руководителя. У меня с ним хорошие отношения сложились — и научные, и человеческие. Он сам тоже из простой семьи, через рабфак поднялся, в тридцатые годы. Потом воевал, был ранен, получил инвалидность, у него рука не сгибалась в локте, как у Сталина. А жена у него была из дворянского рода, женщина еще того воспитания, умная, культурная, но норовистая, с характером...

— Такие умные девушки в те времена выходили замуж за простых ребят, чтобы их происхождением свое прикрыть...

— Возможно. Я как-то этому значения не придавал. Я у них дома бывал, когда еще в аспирантуре учился. Там Леночку в первый раз и увидел. И обалдел. Яркая брюнетка, с гибкой фигурой, гордой осанкой, тонкими чертами лица и восточным разрезом глаз. Да и во всем ее облике была какая-то восточная утонченность. Тогда она мне показалась совершенно недоступной: профессорская дочь, с золотой медалью, в инязе учится, на красный диплом идет. Знаете таких девочек?

— Еще бы! Ухоженные все из себя, гордячки, глядят искоса...

— И обстановка соответствующая: квартира огромная, библиотека роскошная, обедают на фарфоре, с приборами — было от чего заробеть. А я в то время в коммуналке с матерью и бабушкой обретался...

— Мезальянс, значит? В условиях развитого социализма?

— Вроде того. Но мне вначале не до любви было — в научную работу ушел с головой, диссертацию защитил, на кафедре остался. И у нее все было в ажуре. С отличием закончила иняз, отец устроил на престижное место — в МИД. Ей даже заграничные командировки светили. И круг друзей на уровне — дипломаты, артисты, художники, поэты...

— И молодые, перспективные ученые. В вашем лице.

— Ну да, для видового разнообразия. В ее ковчеге всякой твари места хватало. Хотя мне казалось, что он несколько перегружен...

— Но выбор пал на вас?

— Да, Леночка оказалась здравомыслящей девушкой. У нас с ее отцом в то время возникло перспективное научное направление, и мы стали активно работать — и на кафедре, и на дому. Естественно, меня приглашали к столу, благоволили. Потом на их дачу съездили, там я помог в хозяйстве, и это тоже оценили. Так вот, незаметно, стал членом семьи. Оставалось только оформить отношения...

— И отсеки всю эту творческую шушеру? Ловко.

— Я тоже так думал. У меня же тогда все получалось. А тут еще медовый месяц: юг, море, любовь — все тридцать три удовольствия...

— Да еще чемпионат мира! А юная жена к футболу не ревновала?

— Было, конечно. Но мне после финального свистка удавалось заглаживать вину. И все же однажды нашла коса на камень: полуфинал с Германией, а ей на какой-то концерт приспичило. Повздорили всерьез. Она обиделась и пошла одна. Потом помирились, но осадок остался...

— Да, нехорошо. Но такой матч пропустить невозможно! Я вас понимаю. Я сам тогда за наших болел до дрожи. Чуть не плакал, когда проиграли. Ведь бились на равных, пока судья Численко не удалил.

— Спровоцировали его немцы грубостью, ударами исподтишка...

— Да, не выдержал — отмахнулся. А ведь могли в финал пробиться. И в матче за бронзу не повезло. У португальцев тогда Эйсебио блистал, «черная жемчужина» из лиссабонской «Бенфики». Суперзвезда, лучший бомбардир чемпионата...

— И вышло нашим четвертое место, самое обидное. Их тогда за это ругали, а зря. Это и был самый большой успех сборной СССР.

— Ну почему? В пятьдесят шестом на Олимпиаде золото взяли...

— Да ну! Олимпиада — любительский футбол. А раньше, конечно, и Европу выигрывали, было дело. Потому и надежда была.

— В Англии и бразильцы слабо выступили. Даже Пеле не помог...

— Слабо?! Да им там ноги ломали! И самого Пеле не жалели, сносили по-черному. Мяч отнять не могли, так вместе с мячом валили. А судьи, сволочи, позволяли. Хозяевам дорогу расчищали.

— Само собой. Дома и стены помогают. А судьи тем более.

— И еще наш Тофик Бахрамов в финале неправильный гол засчитал. Помните? Когда Хёрст засандалил в перекладину. Я сколько ни смотрел потом — не был мяч в воротах! Хоть и против немцев болел.

— Там еще северные корейцы шухер навели...

— Было дело. Им, наверно, расстрелом пригрозили за поражение. Бегали, как сумасшедшие, трупамы ложились. Чуть было португальцев не надрали. Только Эйсебио и спас. А чемпионат был интересный. Ладно, заговорились мы с вами, а завтра начало лечения...

Сам курс избавления от грибков длится около недели и состоит из нескольких этапов. Сначала ногти пациента смазывают специальным составом, размягчающим ногтевые пластины, а через несколько дней вырывают, под местной анестезией. Этот средневековый метод борьбы с микозом чрезвычайно болезнен, а в первые сутки после операции ходить практически невозможно. Желая минимизировать передвижения по больнице, включая походы в столовую и туалет, я решил совместить лечение грибкового заболевания с лечебным же голоданием. В те сумбурные годы, когда идеологическая шелуха осыпалась с тела многострадальной страны, общество сотрясали различные экзотические теории и мистификации, вроде сеансов психотерапии Кашпировского. Полная по-

литическая свобода повлекла за собой свободу от здравомыслия и породила в широких массах населения веру в экстрасенсов, целителей и ясновидящих, обещавших доверчивым людям за умеренную плату нужные им чудеса. Столь же модным был метод голодания по Брэггу, считавшийся панацеей от любых болезней. Не придерживаясь никаких рекомендаций, я просто начал бессрочную голодовку. Изредка попивая кипяченую воду, я валялся на койке с какой-то книгой и, к своему удивлению, не испытывал мук голода. Возможно, причиной тому были впечатления от больничной столовой. Возвращаясь оттуда, Николай Иванович сообщал, от каких местных блюд его тошнило в этот раз, одобряя мой отказ от засорения организма продуктами сомнительного качества. После ужина снова разговорились:

— Вы говорили, что вам английский чемпионат понравился. А мне кажется, что в семидесятом, в Мексике, был еще лучше. Может, самый яркий в истории. Помните? Тогда уже репортажи в цвете смотрели. Футболисты в командах собрались сильные, звезды первой величины. И матчи были невероятные, амбиции просто зашкаливали...

— Как же, помню. Жара стояла неимоверная. Латиноамериканцам привычно, а европейские команды там просто подышали на поле. А я в том июне как раз весеннюю сессию сдавал, после второго курса...

— Прекрасный возраст! Студенческие годы — лучшие в жизни. А на меня навалились семейные дела. Дочь родилась, в конце апреля...

— А, апрель семидесятого! Как же, столетний юбилей: «Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой...» Целый год в едином порыве стояли на трудовой вахте, в ознаменование славной даты. Изучали труды гения, не прекращая социалистического соревнования. Чуть не уморили, еле пережил историческое событие. Хуже, чем съезд КПСС.

— А меня от этих торжеств отвлекла малышка. Когда в доме появляется ребенок, остальное уходит на второй план, всё вертится вокруг него. Они же, младенцы, функционируют круглосуточно. Голосистая девочка была. Целый месяц маялись, пока режим установился. Поэтому и футбол смотрел вполглаза. И за нашей сборной не уследил — чего у них там опять не вышло? И состав, вроде, был неплохой...

— Да нормальный был состав! Бышовец тогда много забивал. Метревели и Ловчев играли, защита была крепкая. А выступили слабо — в четвертьфинале Уругваю продули. И снова из-за судейства — засчитали нам неправильный гол. Мяч выкатился за линию поля, а судья не заметил и свисток не дал. Наши остановились, придурки, а те гол забивали...

— Но сами-то им ничего не забивали!

— Да в том-то и дело! Играть надо, голы забивать. А не стоять, руками разводить, на судью жаловаться. Ты проиграй, если соперник на голову сильнее, но выложись до конца — тебе и слова никто не скажет. А то обидно, что не сыграли в полную силу, не показали себя. А бразильцы — да, всех надрали. Забрали золотую Нику, навечно. И по делу. Классно играли! Быстро, технично, красиво. Пеле за них в последний раз выступал, сильно сыграл. Красиво ушел, на высшем уровне. Да и вся команда была звездная: Жаирзиньо, Тостао, Ривелино...

— А лучшим бомбардиром стал немец, Герд Мюллер.

— А он им не помог. Итальянцам продули, в полуфинале. Помните, какая игра была? Италия забила в самом начале и вела в счете всю игру. А немцы давят и давят. Те уже из последних сил отбиваются...

— У итальянцев в те годы оборона была непроходимая. Катеначчо это их знаменитое, «дверной засов» по-итальянски. Старались в первую очередь не пропустить, в защите сидели, игру сушили. Сами не забьем, но и вам не дадим. Тоскливый футбол показывали...

— А мне по фигу! Я против Германии болел, чтобы не прошли в финал. А немцы всегда бьются до конца, и на тебе — сравнивают счет. На последней минуте! А в дополнительное время итальянец забивает в свои ворота. Ну, думаю, все: конец макаронникам. А они отыгрались! И сразу же забивают еще один! Ага, радуюсь, давим немцев! И тут Мюллер снова забивает: 3:3. Что ты будешь делать? Не зря говорят: в футбол играют все, а выигрывают немцы. Неужели и в этот раз будет как всегда? А итальянцы забивают победный гол! Я прибалдел...

— Да, фантастический был матч, с непредсказуемым итогом. Честно говоря, я от итальянцев такой игры не ожидал. А они завелись, пошли в атаку, забыли про свое Катеначчо. У них Рива и Ривера решающие голы забивали, сыграли на пределе сил, на высшем уровне.

- Итальянское вдохновение победило немецкую мощь.
- Вот этого азарта нашим футболистам всегда не хватало, как ни обидно. А только так чемпионами и становятся.
- Так они же и не стали! Бразильцам в финале продули.
- А бразильцев на том первенстве никто не мог победить. Тем более что итальянцы накануне выдохлись, все силы отдали в полуфинале. Но он того стоил. Это был матч века. Кто видел — не забудет.
- А в семьдесят четвертом, в Германии — как голландцы играли!
- Что да, то да. Блеснули. Просто летали по полю.
- Пижоны те еще! Выходят на поле в своих оранжевых футболках, а номера — у кого 13, у кого 17. Положено как: у вратаря первый, у левого защитника — второй, потом третий, и так далее до одиннадцатого, правого нападающего. Десятка, конечно, самый престижный номер — у центрфорварда. Пеле под десятым всегда играл. А эти бегают вперемешку, не поймешь — кто защитник, кто нападающий?
- Тотальный футбол, голландское изобретение.
- Раньше рассуждали, какая система расстановки лучше — дубль-вэ или четыре-два-четыре. Вроде как от этого победа зависит. А этим плевать на схемы — все в атаке, все в защите. Под мяч кидались подкатами, отнимали — и всей командой вперед! Красиво, черти, играли. Одно слово — «летучие голландцы». Круифф у них был первой величиной. И весь состав был звездный: Неескенс, Репп, Крол, Ренсенбрик...
- А немцам в финале уступили. Обидно было. Я за них болел.
- А им в финале с погодой не повезло. Дождь был проливной, а на мокром поле у них скорость упала. Да и пенальти этот на первых минутах не помог им, а помешал. Расслабились они. Решили, что золото в кармане. А с немцами так нельзя, они бьются до последнего. А, может, устали уже, играли через силу. Жалко голландцев, заслужили они первенство. Я тоже за них болел. Как за своих.
- А наши на тот чемпионат, в семьдесят четвертом, вообще не попали. Отказались отборочный матч играть, с чилийцами.
- Из-за Пиночета, гада, чтоб он сдох! И наши, уроды, тоже в позу встали: не играть! Из-за политики. А по мне, надо было ехать и играть.
- А если бы продули? Антинародному проамериканскому режиму. На стадионе в Сантьяго, обогранным кровью патриотов. Это как?
- И надо ж было на этих чилийцев нарваться! Не повезло, блин. И ребят жалко. Тогда Блохин был в расцвете. Колотов, Онищенко сильно играли. Кому-то, может, один такой шанс в жизни выпал...
- Жалко, конечно. Но нашим в Германии все равно не светило. В те годы немецкая машина страшную силу набрала. Беккенбауэр играл, Мюллер, Хёсс, Нетцер, Брайтнер. Помните, как они нас в семьдесят втором, в финале чемпионата Европы, надрали? Под ноль, без вариантов. Наши выходят аккуратные такие, постриженные, как пионеры, а эти усатые-волосатые — не футболисты, а рок-группа. И этот их Мюллер — коротышка, шевелюра до плеч, ноги кривые, толстые, как у штангиста. Никак его удержать не могли, два мяча нам вкатил. Нюх на голевые моменты имел собачий, всегда был в нужном месте...
- А по сути, хитрость не велика. Кто-то из бывших игроков сказал: бей по углам и впритирку к штанге, и станешь супербомбардиром. Это доказано научно. Замеры скорости полета мяча и человеческой реакции показали, что при сильном и точном ударе у вратаря нет шансов...
- Легко сказать! А ты попробуй в игре, в борьбе, в доли секунды изловчиться. А Мюллер как раз в этом и был силен. Говорят, на тренировках отрабатывал удары по воротам с трех метров...
- А лучшим бомбардиром кто стал? Поляк Гжегож Лято. Помните? Лысоватый такой мужичок, Стрельцова напоминал. Настырный, шустрый. А еще за них играли Дейна, Шармах, Гадоха. Бронзовые медали взяли. Самых бразильцев победили, чемпионов мира! А что, наши хуже поляков? Тоже могли бороться. Помните, через год был успех киевского «Динамо»? Кубок кубков взяли, а потом и К еркубок. Мюнхенскую «Баварию» дважды обыграли! С этим вашим Мюллером, Беккенбауэром, Руммениге, Майером. А Олег Блохин получил «Золотой мяч» лучшего футболиста Европы. Это как?
- Да чего гадать: абы да кабы! Даже бразильцы, трикампеоны, в Германии ничего не показали. Бледная тень была той золотой команды, семидесятого года. И состав, вроде, сохранили, а игры не было.

— Да, жалко было смотреть, полное разочарование. И Пеле в сборной уже не играл, остался легендой футбола. Нынешние его и не видели в игре. А для нас был феноменом, чем-то великим...

— Sic transit gloria mundi?

— Да, так проходит слава. И не только она. Время само по себе — безжалостная сила. Вам, может быть, это еще не заметно, а я отчетливо чувствую его вечный поток. Каждый год — как волна. Накатывает и накатывает на берега жизни, смывая годы нашей молодости, унося в прошлое имена кумиров, великие события, славные даты...

— Нет, я тоже это замечаю — как уходят бывшие звезды. Вот мы с вами скольких вспомнили, начиная со Стрельцова. У каждого свое время, свой взлет, свой пик славы. Сколько их было! Особенно начинающих, подающих надежды. А потом куда-то пропадают, гаснут...

— А мир спорта вообще жесток, многих ломает. Кого травмы преследуют, кого медные трубы губят, кто-то не выдерживает нагрузок, сдается. Но даже если есть природный талант, и он сам его не губит, все равно век футболиста недолог — лет десять-пятнадцать. А расцвет сил приходится где-то на двадцать пять, в этом возрасте люди чудеса творят. Потом уже по инерции доигрывают, на мастерстве и опыте.

— А мне вспомнился такой кумир из моего детства. Наша районная команда в первенстве области выступала хуже всех. Но когда играла на своем стадионе, старалась перед своими болельщиками оказать хоть какое-то сопротивление. Но это удавалось редко. И вот однажды приехал откуда-то с Донбасса и поселился в нашем городишке фасонистый малый с городской речью и манерами, с невиданными у нас золотыми зубами, и сразу стал знаменитостью. А еще прошел слух, что он сильный футболист, технарь, мастер обводки, и будет играть за нашу команду. Надежды болельщиков зашкаливали. В первом матче «Золотой зуб» действительно показал техничную игру, но защитники соперника задавили его грубой игрой. Мы оглушительно свистели, возмущаясь судейством. Он все же забил гол с пенальти, и наши наконец-то победили, после чего вместе с болельщиками отправились отмечать это историческое событие. Наша команда по-прежнему проигрывала, но «Золотой зуб» делал несколько красивых финтов, иногда забивал гол, и нам этого хватало для восторга. Через год я окончил школу и уехал учиться в столицу, а когда вернулся на каникулы, случайно встретил его на улице. Это был поблекший, явно спивающийся человек в неряшливой одежде и с потухшим взглядом. О былом футбольном кумире напомнила лишь тень его знаменитой золотой улыбки...

— Типичная картина. Сколько их было, спившихся и рано ушедших звезд. Грустно это все. А у меня вообще с семьдесят четвертым не самые лучшие воспоминания связаны. Семейные проблемы начались. Но это уже личное. Ладно, давайте отдыхать...

Шел второй день лечения, и наши смазанные отслаивающим составом ногти стали сильно зудеть, вызывая острое желание вырвать их немедленно. Но нужно было терпеть еще сутки. Во второй половине дня выписали наших излечившихся соседей. Мы остались в палате вдвоем, и теперь могли беседовать более свободно:

— Извините, мы с вами вчера говорили о чемпионате в Германии и затронули вашу личную жизнь...

— Да, был такой год, семьдесят четвертый. Говорят, из песни слов не выкинешь. А из жизни тем более — как бы ни хотелось.

— С чего бы это? Вы же, как сыр в масле, катались.

— Вот и я так думал. Решил, что все у меня в полном ажуре, и так будет всегда. Успокоился, полностью ушел в работу, уверенный, что в тылу надежно. Но оказалось, что не все семьи счастливы одинаково. Понимаете, есть некие объективные аспекты отношений. Мы, когда знакомимся с девушкой, видим ее такой, какой она нам себя показывает. Но у любой луны есть обратная сторона. В виде ее прошлого, друзей, привязанностей, интересов, личных качеств. А мы, по самонадеянности, полагаем, что заполнили собой всю ее жизнь...

— А разве это не так? Разве женщина не растворяется в любви?

— Растворяется. На какое-то время. Но когда любовь становится привычкой, начинает скучать и оглядываться по сторонам. Что ни говори, а быт гасит самую пылкую любовь. Вот и Леночке моей чего-то стало не хватать. Красивой жизни, что ли? То ли вспомнила свои юные годы, всеобщий успех, обожание. Короче говоря, начала восстанавливать прежний круг общения...

— А вас не пыталась ввести в этот круг?

— Пыталась, конечно. В первый же год. И даже на квартире собирала эту золотую молодежь, когда родители на юг уезжали. Все модно одеты, в заграничных шмотках, Крашениях, часы «Сейко» напоказ, джинсовые костюмчики крутых фирм, курят «Marlboro». Вам не приходилось бывать на таких ярмарках тщеславия? В фильме «Еще раз про любовь» есть похожие сцены. Апломб, выпендрож, красивые позы, высокопарные рассуждения. Я сразу понял, что это в основном пустоцвет, бездари, а она восхищалась этими кривляками, непризнанными гениями. Говорил ей, а она будто ослепла. Или пригнухалась уже?

— А как родители относились к ее светскому образу жизни?

— Да никак! Точнее говоря, отец никак. Он в семье голоса особого не имел, ему лишь бы не мешали, чтобы в доме было тихо, и быт налажен. Полностью ушел в науку, никаких увлечений не имел, и моих спортивных интересов тоже не разделял. У них всем заправляла теща, Ираида Константиновна. Она была кандидатом искусствоведения, в Третьяковке работала. Сама была погружена в мир искусства, и дочь так же воспитала. На вернисажи и премьеры ходили как на службу...

— Наверное, и вас в эти мероприятия вовлекали?

— А как же! Но без особого успеха. Говорят, истинно культурный отдых — это крепкий, здоровый сон под симфоническую музыку. Вот и я в консерватории или опере долго продержаться не мог — начинал похрапывать. А ее это обижало и раздражало. Вначале пыталась открыть передо мной великий и прекрасный мир классической музыки, но я оказался невосприимчив к его красотам. А самой большой загадкой для меня остался балет — как можно одновременно следить за сюжетом и ногами балерин? Ну, допустим, танец маленьких лебедей, но зачем Спартаку танцевать с кордебалетом из восставших рабов? Непостижимо. Зря они этим увлекались, эти пляски их к добру не привели.

— Известно, что Лев Толстой был патологически серьезным человеком, и единственные юмористические строки посвятил именно балету. Это как же надо было достать великого писателя и гуманиста!

— И театральные эксперименты, от которых они закатывали глаза, у меня вызывали недоумение — зачем искажать классику? Так и не проникся я их культурной жизнью. Но внучку теща любила, заботилась, души не чаяла. А девочка, и правда, полная копия ее была. Я дочку тоже любил, а все же сына мне не хватало. Что ни говори, а нам, мужикам, хочется иметь свое продолжение, передать умения, интересы, увлечения — то, что близко, что любил, к чему стремился...

— А может, и нужно было настоять? Да и женщине, когда она занята своим самым главным делом, не до этих глупостей...

— Ну что вы! Заводил разговор пару раз, но она и мысли не допускала. С ужасом вспоминала беременность, роды, бессонные ночи. А теща ее поддерживала. У них было полное взаимопонимание, женская солидарность. А меня успокаивала, что ничего страшного, что у ее Леночки богатый внутренний мир, и круг общения очень достойный, из уважаемых семей. А встретиться с интересными и нужными людьми не грех, не все же бедной девочке в четырех стенах сидеть...

— А у вас был другой круг общения?

— Да, другой. Со студенческих лет остались привязанности, в основном стройотрядовские. Ребята настоящие, проверенные делом. Мы раньше и в горы ходили, и по рекам сплавливались. Потом реже выбирались, но остался костяк, который и с семьями ходил. Я ее в один такой поход вытащил, на второй год после свадьбы. Четыре семейных пары собрались, одна даже с ребенком. Решили пройти на байдарках по уральской реке Усьве, места там живописные, заповедные. Хотел показать ей то, что сам люблю и ценю: красоту природы, моих простых, искренних друзей, наше общение, наши песни. Да радость от самого похода! Вот идешь на байдарке, за каждым поворотом новый вид: где-то тихое течение, где-то перекаты, тут нужно и соображать, и реакцию, и силу показать, и без приключений не обходится. А после можно зеленую остановку устроить, обсохнуть, перекусить, и снова на воду, за весла. Мышцы гудят, ладони стертые до крови, а все равно хорошо. А под вечер выбирается удобное место для ночевки, где-нибудь у излучины реки, на опушке леса, ставятся палатки, разжигается костер, варится уха или каша с тушенкой, и все это с шутками, смехом. А потом можно посидеть у огня, попеть под гитару...

— Все перекаты да перекаты?

— Ну, это само собой, это гимн байдарочников. У Городницкого, Визбора, Кукина много песен, которые поются в походах. И Высоцкий со знаменитым циклом из «Вертикали», и Окуджава с его тонкой лирикой. Все это наше, родное, мы это пели со студенческих лет. А искры улетают в звездное небо, река плещется, ветерок пробегает по елям, свежестью таежной охватывает, костерок уютно потрескивает...

— Как я вас понимаю!

— А вот Леночку мою ни красота природы, ни романтика похода, ни наши душевные песни не восхитили. Ее там не устраивали ни ночевки в палатках, ни питание, ни дежурство по кухне, не говоря уже о комарах. А больше всего — отсутствие горячей воды. Короче говоря, ей там не понравилось всё, и она там не понравилась всем. Весь поход испортила своими капризами, неудобно было перед ребятами...

— А она что предпочитала? Черноморское побережье?

— Ну да. Они с родителями всегда на море выезжали. Поехал и я, на следующий год. Но долго их тюлений отдых выдержать не смог, шалеть стал от безделья. Противно было плавать в этом море, теплом как моча, среди потных тел, окурков и огрызков. Хорошо, что взял несколько книг, читать стал, обдумывать кое-что. А она и там встретила знакомых, и опять начались те самые игрища ухоженных самок и самцов. Меня от их фальшивой «светской» жизни тошнило, а она в этих пошлых компаниях имела успех, ей нравилось блистать...

— Как Анне Карениной?

— Ну да. Только Вронского и не хватало. Пока. Короче говоря, не сблизил нас совместный отдых, а отдалил. И стало окончательно ясно, что ни общих интересов, ни душевной близости у нас нет. Но семью разрушать не стали, а дали друг другу полную свободу. Со всеми вытекающими последствиями. Но мы с вами, кажется, заговорились...

— Ого, уже за полночь. А у нас завтра экзекуция.

На следующий день нас поочередно вызвали на операцию. Сама по себе чудовищная процедура вырывания ногтей, благоразумно скрытая ширмой от взоров пациентов, оказалась даже менее болезненной, чем предварявшие ее уколы анестезии под ногти, напомнившие о практиках гестапо. После недолгой и несложной операции каждый палец наших ног был обработан и забинтован, и мы превратились в полуинвалидов. Первые сутки после операции самые мучительные. Ночь проходит в полусне, наполненном болью, которая усиливается при малейшем движении. Утром стало немного легче, а во второй половине дня нам даже удалось встать, точнее говоря, пришлось. Категорически отказавшись от утки, я доковылял до туалета на пятках, испытывая при каждом шаге вспышки острой боли. Вернувшись в палату, заметил, что бинты на пальцах ног пропитались свежей кровью.

Завтрак, обед и ужин Николаю Ивановичу приносили в постель, а я продолжал гордо отказываться от еды. Чувство голода уже притупилось, но усиливающаяся головная боль и слабость заставили меня прекратить издевательство над организмом. Я знал, что выходить из голодания нужно осторожно, и начал с нескольких ложек овощного бульона, который показался мне невероятно вкусным. На второе съел кусочек хлеба размером с наперсток, точнее говоря, не съел — он растворился у меня во рту. И это было одно из самых ярких гастрономических впечатлений всей моей жизни. Я различил в этой крохе множество тонких вкусовых оттенков, которых уже не помню, но которые тогда были абсолютно восхитительны. А на ужин была ложка картофельного пюре изумительного вкуса и кусочек тефтели, в котором мне, единственному пациенту клиники, удалось почувствовать нежный привкус мяса. На следующее утро я уже осилил блюдо манной каши, а в оставшиеся дни с наслаждением погрузился в сказочное разнообразие больничной еды. Все время вынужденной малоподвижности мы с Николаем Ивановичем посвящали беседам о футболе:

— Мы с вами, кажется, не договорили о чемпионате в Германии...

— А по-моему, договорили. Сошлись на сочувствии голландцам.

— Так и на следующем первенстве пришлось им сочувствовать...

— Нет, это была уже другая команда. И время было другое. Им тогда, в семьдесят четвертом, надо было побеждать.

— Да, все нужно делать вовремя. Но не всем удается. Есть такое мнение, что в спорте все справедливо, что всегда побеждает сильнейший. А вот и не всегда. Бывает и в спорте несправедливость.

— Бывает. Это как карта ляжет. Кому-то везет, кому-то нет...

— А вот голландцам не везло всегда. Каждый раз в финале на хозяев нарывались. Я в семьдесят восьмом чемпионат уже в другом городе смотрел, далеко от Москвы. К тому времени окончил институт и работал по распределению. В хорошее место попал. Все мужики спортивные были — и болели, и сами мяч гоняли. Летом после работы ходили на площадку, а зимой — в спортзал подшефной школы. Накануне аргентинского первенства спорили: кто станет чемпионом? И решили тотализатор устроить. Фаворитами были Германия и Бразилия, на них все ставили. А я снова поставил на Голландию, хотя они были в тени...

— Нет, голландцы были уже не те. И Круифф за них уже не играл.

— А у них и без Круиффа был сильный состав. Неескенс, Наннинга, Репп, братья Керкхофы. А что там было у этих аргентинцев? И в финал они попали сомнительно — по голам бразильцев обошли. Тогда писали, что перуанцы им игру продали, с нужным счетом.

— Зато у аргентинцев Кемпес был. Лучший бомбардир.

— А еще кто? Ну, Луке, Пассарелла. Раз, два — и обчелся. А откуда он взялся, этот Кемпес? Его ни до того, ни после не видели и не слышали. Вспыхнул в нескольких матчах и погас. В финале у голландцев был реальный шанс — на последней минуте Ренсенбринк в штангу попал, при равном счете. А если б мяч на три сантиметра в сторону — и гол! И стала бы сборная Нидерландов чемпионом мира, и была бы совсем другая история. Видите, от какой малости иногда зависит...

— А в дополнительное время все равно проиграли.

— Да, передавили их аргентинцы. Родные стены помогли, стадион гнал в атаку. Кемпес этот снова забил, продрался через защитников...

— Ну вот, сделал свое дело. Прыгнул выше головы, говорите? Да, прыгнул. И стал героем. А другие не прыгнули. В том-то и дело. А победителей не судят. И много вы тогда выиграли, в тотализаторе?

— Да ну, копейки! Голландцы же только до финала дошли.

— А я чего-то смотрел без интереса. На меня в семьдесят восьмом личные проблемы навалились. Да и наши туда опять не попали. Хоть не вспоминай. Грекам в отборе продули — позор! Но с такой игрой в Аргентине делать было нечего. Венгрия, которая нас обошла в отборочной группе, там ни одного очка не взяла, тоже опозорилась.

— А ведь состав у нас, вроде, был неплохой. Блохин играл, Кипиани, Онищенко, Буряк, Коньков...

— И что там хорошего? Вся команда — киевляне да тбилисцы. Тогда чуть не половину высшей лиги занимали украинские команды: Киев, Донецк, Львов, Одесса, Днепрпетровск, Луганск. Ну и московские, само собой. А еще грузины, бакинцы, «Арарат», «Пахтакор», «Кайрат» — вот и все. Считаю, открытый чемпионат Украины.

— Но ваше «Торпедо» в семьдесят седьмом медали взяло...

— Только и был один сезон, а потом опять вниз скатились. Нет, плохие были годы, тоскливые. И в жизни все наперекосяк пошло...

— Кризис среднего возраста?

— Да как вам сказать? У меня-то его не было, личного. А вот внешние обстоятельства изменились. Причем как-то сразу, резко. Тема, которой мы с ее отцом занимались, внезапно иссякла. Точнее говоря, не сама по себе, а перехватила инициативу группа молодых ребят из Питера. У меня тогда уже почти готовая докторская была. И тут вдруг прошла серия статей по нашей тематике, а в них результаты, к которым мы только подбирались. И все — диссертация потеряла актуальность. У меня словно почву выбили из-под ног, а тут еще один удар получил, в личной жизни. История банальная до безобразия — узнал о ее измене. Доигралась-таки моя Леночка. Следовало ожидать, вы считаете? А я, честно говоря, не ожидал, полагал, что семья, муж, дочь все же важнее. Но оказывается, не знаем мы женщин, хоть и живем рядом с ними годами. Отношений не выяснял, молча собрал вещи и ушел...

— И куда?

— К своим. Нам с матерью и бабушкой еще до того двухкомнатную квартиру дали, в «хрущёвке». Я и прописан там был, в Беляево, туда и вернулся. И даже облегчение испытал, что живу в нормальной обстановке, а не в музее. А вот на душе было тяжело...

— Все-таки сильно ее любили?

— Да тут ведь все в комплексе: и жена, и дочь, и дом. Как будто половину тебя отрезали, а вторая кровоточит, днем и ночью. А что касается любви, это такая неоднозначная тема... Все об этом говорят, и у всех это по-разному. Конечно, любил! Ну, пред-

ставьте: она была юна, свежа, красива, умна, тонка, образованна — просто восхитительна, а я молод и неопытен — ну как было не потерять голову? В такие моменты чувства сильнее разума. А может, так и должно быть? Ведь, объективно говоря, любовь имеет биологическую основу. Природе нужно продолжение рода, и она соединит мужское и женское начало независимо от личностных факторов, характеров и так далее...

— Но все это рано или поздно проявляется...

— Так оно и вышло. Мать, помню, тоже сильно переживала, привыкла к внучке. Но признавалась, что сама с этими дамами высшего света чувствовала себя неуютно. И что эту фифочку сразу раскусила и чего-то подобного опасалась, но не хотела вмешиваться в нашу жизнь, на ее родителей понадеялась. А бабушка к тому времени уже умерла...

— А что с работой?

— А вот работа меня как раз и вытащила из депрессии. Пришлось многое переосмыслить, искать другие научные направления. На ее отца, сами понимаете, надежды не было. Его тоже эта неудача подкосила. Он уже был в пенсионном возрасте — ни времени, ни сил на что-то серьезное не оставалось. А я уже был доцентом, и сосредоточился на преподавании. Три года работал на профильной кафедре, общался с коллегами, писал статьи, участвовал в симпозиумах, и в зарубежных...

— И где бывали?

— В основном в европейских странах. Ну и в Штатах, само собой, оплоте империализма. Вначале было в новинку, но скоро пообвык. По большому счету, стоять у Колизея то же самое, что на Красной площади. Вы же не падаете на колени перед храмом Василия Блаженного? А на меня вообще исторические развалины не производят впечатления. Обычно принимающая сторона организует обзорную экскурсию по достопримечательностям, и этого достаточно.

— А как там в магазинах? И вообще, как люди живут?

— В магазинах всего полно, но не про наши финансы. Я, конечно, привозил кое-что нужное, в основном аппаратуру. А к прочим цацкам у меня, как вы понимаете, устойчивый иммунитет. А люди везде занимаются одним и тем же — зарабатывают на хлеб насущный. А после работы — семьей и домашними делами. Только антураж разный.

— Так в этом же все дело! А где вам показалось интереснее всего?

— В Японии, конечно. И в Сингапуре. Это действительно экзотика. Вы читали «Ветку сакуры» Овчинникова? Понравилось? Да, очень похоже. Видно, что долго там жил и вник в детали. Он и в «Корнях дуба» хорошо передал характер и образ жизни англичан...

— А вам в Англии на футбол не удалось сходить?

— Представьте себе, удалось. Еще когда собирался туда, сговорился со знакомым профессором, и он мне это дело организовал.

— На «Манчестер Юнайтед» — «Ливерпуль»?

— Ну что вы! Это невозможно. Это дерби, на которое билеты разбирают заранее. К тому же у них самих билетов в свободную продажу поступает не много. Там развита система годовых абонементов — на все матчи любимой команды. Но и мне попался достойный матч: «Арсенал» — «Эвертон». Получил представление об английском футболе. Это, я вам скажу, что-то уникальное.

— У нас их редко увидишь. Мне запомнилось, как тбилисцы с «Тоттенхэмом» играли, в кубке УЕФА. Казалось бы не самая сильная команда, а вкатили нашим пять мячей, большинство головой. Особенно один запомнился: подали с углового на линию штрафной, а там англичанин выпрыгивает выше всех и бьет головой, но не по воротам! — дальний удар вратарь может взять — а подает на линию вратарской. А там другой — спиной к воротам, в прыжке, в развороте, не глядя, переводит мяч в верхний угол. Два касания головой — и гол! Я прибалдел.

— Да, это в их стиле. А у наших игра головой самое слабое место.

— А помните, был в донецком «Шахтере» такой Виталий Старухин? На Стрельцова чем-то похож, лысый мужик. Вот он действительно играл головой, причем во всех смыслах, по-умному. Сам забивал, но еще больше давал голевых пасов...

— Меня вообще раздражает тупая игра наших футболистов: подают мяч с углового, он выпрыгивает, тянется за мячом и макушкой направляет в ворота — разве можно так забить?

— А Старухин это понимал. Помню один их матч против тбилисцев. У тех и состав сильнее, и техника, и свое поле, а Донецк победил. Они просто били мяч с любой точки

поля в штрафную, а там Старухин его перехватывал в воздухе и сбрасывал своим под удар.

— Ну, это исключение. А у британцев этот прием доведен до совершенства — чуть ли не половину голов забивают головой. Там футбол — часть менталитета. Прежде всего, это другое зрелище: у них чисто футбольные стадионы, без беговых дорожек, а трибуны нависают над полем — с любого места видно как на ладони. Но самое сильное впечатление — атмосфера на трибунах. Команды имеют столетние истории, за своих болеют из поколения в поколение. У болельщиков братство по крови, и когда многотысячный стадион поет свой клубный гимн, это невозможно передать словами, мурашки бегут по коже...

И правда, футбол — дело заводное. Обычно матч выбирается заранее: «Ага, в субботу играем с лидером, со "Спартаком", а наши отстают на пять очков. Значит, будет рубка. Надо идти». Еще в транспорте приглядываешься — кто едет на стадион. Так и есть, все мужики туда — вываливаются на той же остановке и двигают в одном направлении. Поток набирает силу, стекается со всех сторон, вливается в ограду стадиона. Все на взводе, возбужденно переговариваются, кричат знакомым, хлопают по плечам, обнимаются. Многие навеселе, но вдрызг пьяных нет — зачем смешивать два разных удовольствия?

Так, сначала к кассам, отстоять очередь, выбрать место, и вот билет в руках. Теперь нужно купить программку матча: ага, у нас заявлен сильнейший состав — значит, дадим бой! Кучками стоят знатоки, переговариваются, спорят. Пока есть время, можно купить мороженое и послушать футбольные байки — какие эксперты, чего только не наплетут! Но вот из-за стен стадиона доносится гул и свист — команды вышли на разминку. Пора! Выходишь из полутьмы тоннеля на трибуны и балдеешь от раскрывшегося пространства — бьющее в глаза солнце, огромное небо над головой с белой полоской от самолета, пестрая чаша стадиона, заполняющаяся болельщиками, ярко-зеленое пятно поля с яркими фигурками футболистов, свежий ветерок гуляет, флаги шевелит, из динамиков гремят спортивные марши. Хорошо, блин!

Так, теперь найти свой ряд, пробраться на кусок деревянной скамейки с номером места, подстелить газетку, присесть и оглядеться. Всюду веселые лица болельщиков, возгласы, смех. Состав пестрый — по возрасту, образованию, профессиям. Но здесь это, как в бане, не имеет значения — бодем за своих! Из динамиков раскатывается голос, объявляющий составы команд. Каждую фамилию своих встречают восторженным ревом, а соперников — гулом и свистом. Да, настоящий болельщик должен уметь свистеть — кто в два, кто в четыре пальца.

Но вот раздаются тоекратно повторяющиеся позывные, от которых холодок волнения и восторга пробегает по спине болельщика, и вместе с грянувшим футбольным маршем Блантера на поле выбегают команды. Выстроившись в центральном круге, футболисты приветствуют болельщиков. Капитаны обмениваются вымпелами и рукопожатиями. Судья разыгрывает монеткой ворота, дает свисток, и под радостный гул стадиона начинается игра. Чем она закончится, никогда и никому не известно. И в этой загадке великая притягательность спорта.

Ни один фильм, ни одна театральная постановка не сравнится с эмоциями, которые несет его непредсказуемость. Драматургия конкретного матча может быть совершенно невероятной. Хотя перед каждым противоборством известно, кто из соперников потенциально сильнее, болельщики свято верят в свою команду и надеются на ее победу. И такое бывает! Давид побеждает Голиафа. И приносит счастье тысячам людей. В социальном смысле спорт замещает собой войны и позволяет в жесткой, но справедливой борьбе выявить сильнейшего, проявиться патриотизму, а заодно выплеснуть излишки агрессии. Дух борьбы, соперничества — неотъемлемая часть мужского характера. Спорт — мирный аналог схваток самцов за первенство, а племен и народов — за лучшие условия жизни. Спорт — это одна из форм внутривидовой борьбы, необходимой человечеству для развития. Поэтому спорт — это объективное явление природы. И женщины, желающие семейного счастья, должны это усвоить в обязательном порядке.

— А чемпионат в Испании помните?

— Восемьдесят второго года? Еще бы! У меня это был год возрождения. Я тем летом наладил свою семейную жизнь — женился.

— И опять под чемпионат мира?

— Точно! Смотри-ка, опять совпало. А я как-то и не обращал внимания. Так и это не все! Я же через четыре года, в восемьдесят шестом, докторскую защитил. И сын у меня в том же году родился...

— Ну и ну! Вам можно книгу писать: «Футбол и судьба».

— Смех смехом, а так и вышло — четырехлетиями судьба отмеряна.

В это время раздался негромкий стук в дверь, и в палату вошла миловидная женщина лет тридцати пяти. Я вышел в вестибюль, чтобы не мешать разговору. Минут через двадцать она вышла из палаты. Я тут же вернулся назад — долго находиться в вертикальном положении было болезненно — кровь ощутимо прилиwała к ногам, и на бинтах буквально на глазах выступали алые пятна. С облегчением растянувшись на кровати, я повернулся к Николаю Ивановичу:

— Значит, это ваша супруга вас навещает? Симпатичная...

— По молодости лет мы все западаем на красоту. Но для семейной жизни внешность — не главное. Я в этом убедился в полной мере. Характер и душевные качества важнее. И взаимопонимание. То самое — смотреть в одном направлении.

— А у меня в восемьдесят втором, наоборот, все было плохо. И работа не нравилась, и в семье проблемы. Я-то женился в восьмидесятом, через год ребенок родился. А жили в коммуналке, да еще безденежье, жена недовольна, скандалы начались. Только футболом и утешался...

— А в восемьдесят втором было чего посмотреть.

— Да, интересный был чемпионат. А нашим снова ничего не обломилось. Опять не повезло — по разнице мячей в полуфинал не прошли. Поляков не смогли обыграть. Обидно. И ведь можно было, вот в чем дело! Польша уже не та была. Лято уже доигрывал, а молодых сильных не было. Ну, Шармах, Бонек еще играли. Ничего особенного...

— Как несильная? За третье место у Франции выиграли! Это вам, извините, не хрен собачий. Да, конечно, французы после полуфинала руки опустили, второй состав выставили. А медали-то у поляков.

— Так это и были наши медали! Вспомните, какая у нас там команда собралась. Особенно в середине поля: Бессонов, Гаврилов, Буряк. В нападении Блохин, в воротах Дасаев. А защита!

— Тут ничего не скажу. Защита была сильная: Чивадзе, Хидиятуллин, Демьяненко, Романцев...

— С этой командой и в финал можно было пробиться.

— Ну что вы! Вспомните, кто в других командах играл. У Италии были Росси, Конти, Джентили, Зофф, у Германии — Руммениге, Маттеус, Литбарски, Брайтнер, у Франции — Платини, Тигана, Жиресс, у бразильцев — Зико, Фалькао, Сократес, у аргентинцев — Марадона...

— Ну и что? Игра все решает, а не фамилия. Был и у наших шанс. В четверку могли пробиться, точно. И с жеребьевкой на втором этапе повезло, соперники были по зубам: Польша да Бельгия. А итальянцам Бразилия и Аргентина попались — это как? Так они их обыграли! Никто и представить такого не мог. Они же из группы еле вылезли.

— Опять разыгрались, макаронники. Одни команды могут завестись, усилить игру. А наши не могут. Как пришибленные, блин...

— Я тоже удивляюсь. Никак этого не пойму! Ну, приехал ты на чемпионат мира, так выдай все, что можешь! И даже не можешь. Такое же раз в жизни бывает. Соберись, докажи, елки-палки! Сотвори что-нибудь, удиви людей. Это же твой звездный час, дружок не будет.

— Не, наши так не могут. Они ребята дисциплинированные, без выпендрежа. На поле выходят тренерскую установку выполнять.

— А итальянцы смогли. Молодцы. Уважаю. Всех разделали! Польшу в полуфинале, Германию в финале. Опять надрали немцев, как в том суперматче, в семидесятом. И снова играли, черти, красиво! Вдохновенно, можно сказать. Просто летали по полю.

— А в финале уже Германия себя не показала. Выложились они накануне, в полуфинале. Помните, как с Францией рубились?

— Да, игра была что надо! Мне французов жалко, тоже красиво играли. Я за них болел. За двадцать минут до конца вели со счетом три — один. Два мяча в запасе — считай, победа в кармане. Но мало им показалось, в азарт вошли, кинулись еще забивать. Тут немцы их и подловили на контратаках. Сравняли счет, а потом дожали.

— Немцы это умеют. Хватка бульдожья. И рубятся до последнего.

— А у французов крыша поехала, ошалели от успеха. А фортуна насиловать не стоит. Она этого не любит.

— А все же чемпионат украсили, молодцы. Да он весь был интересный — атаковали, голов много забили. Есть что вспомнить.

— А восемьдесят шестой помните, снова в Мексике? Бенефис Диего Марадоны. Он, можно сказать, в одиночку всех обыграл и Аргентину чемпионкой сделал. А какой супергол забил англичанам! Когда прошел со своей половины поля и полкоманды по пути обвел.

— У него же в том матче еще один супергол был, самый уникальный в истории. Он его рукой забил. И не признался...

— Сказал, что это была рука Бога. А помните, как там наши начинали? Как сборную Венгрии порвали 6:0? Летали по полю, комбинации красивые, все получалось. Лучшая игра сборной СССР, которую я когда-либо видел. Полтора часа счастья для болельщиков. наших после этого все зауважали, фаворитами называли. Какие надежды были!

— Были да сплыли. Бельгию недооценили в одной восьмой. считали проходной командой, в полуфинал заглядывали. Но не кажи «Гол!» пока не забил. Драматичная игра была, да не в нашу пользу. До сих пор обидно — команда-то была сыгранная, на базе киевского «Динамо». И Блохин еще играл. И тренер их же, Лобановский. Он тогда непререкаемым авторитетом был, по науке тренировки и игру строил...

— А после чемпионата признался, что совершил ошибку: слишком рано команду на пик формы вывел. И получилось, что самая лучшая игра была в первом матче, а потом все хуже и хуже...

— А в девяностом все вышло наоборот: в первом же матче продули румынам. Думали, что будет разогревочная игра, а она оказалась решающей. А после нее стухли. Аргентине отдались без вариантов, и заняли последнее место в группе. Позор! Даже вспоминать неохота...

— А вы знаете, мне вообще последние чемпионаты нравятся все меньше. Уж слишком практичной стала игра, сплошная борьба за мяч, как будто работают на поле, особенно в ключевых матчах. Не рискуют, боятся совершить ошибку, и от этого игра теряет интерес...

— И я это заметил. Даже бразильцы, в угоду результату, переняли рациональный европейский стиль. Особых успехов не добились, а свой красивый футбол потеряли. Раньше на сборную Бразилии шли как в театр: каждый игрок — солист, индивидуальность, все технари, фокусники, цирковые номера вытворяют. Теперь такое редко увидишь. Дворовый футбол и то интереснее — играют в свое удовольствие, финтят, выпендриваются, подкалывают друг друга, ржут от души. Стою, бывает, смотрю и вспоминаю футбол прошлых лет...

— А может, это мы с вами постарели? Остались в прошлом, рассуждаем как старички: вот в наше время!

— А ведь так оно и есть. С шестьдесят шестого — больше двадцати лет прошло! Можно сказать, лучшие годы жизни уложились в шесть чемпионатов мира. А если вдуматься: как короток наш век! Двадцать футбольных чемпионатов, от силы...

— Этот срок еще Моисей человеческой жизни отмерил.

— А сколько их еще осталось на нашу долю? Какими они будут? А в двадцать первом веке? Какие новые звезды взойдут, какие команды блеснут, как наши выступят? А может, зря мы на нашу сборную надеемся? Как думаете: выигрант наши когда-нибудь первенство мира?

— А как же! Про это даже сказка есть. Про Курочку-рябу. Жили-были Дед да Баба. И была у них Курочка-ряба. Снесла как-то Курочка яичко, да не простое, а большое-пребольшое — как футбольный мяч. Стали яичко о ворота бить. Дед бил-бил — не забил. Баба била-била — не забила. А Мышка бежала, хвостиком махнула — и забила. Го-о-о-л! Дед плачет, Баба плачет — проиграли Мышке. А Курочка кудахчет: «Не плачь, Дед. Не плачь, Баба. Снесу я вам еще одно яичко, да не простое, а золотое. Как Кубок мира по футболу».

— Да, только на Курочку-рябу и надежда...

— Говорят, Пеле дал точный прогноз: когда Бразилия станет чемпионом мира по хоккею.

— Значит, никогда. Обидно.

— Размечтались мы с вами. А дело к полуночи.

— Ладно, давайте отдыхать. Спокойной ночи.

А еще через два дня пришло и наше время выписываться. За сутки до этого у нас собрали обувь и обработали каким-то дезинфицирующим составом, чтобы избежать повторного заражения. Мы уже передвигались практически безболезненно, и нам сделали облегченные повязки. Но все равно ноги в привычную обувь не влезали, и пришлось заказывать домашним что-то на два размера больше. Расставаясь с Николаем Ивановичем, обменялись телефонными номерами, предполагая дальнейшее общение. Но в перестроечные годы навалилось столько житейских проблем, что вся эта грибковая эпопея напрочь забылась. К тому же через полгода у меня отросли новые, чистые, как у младенца, ногти. Правда, через несколько лет начались локальные рецидивы, но к тому времени благодаря рыночной экономике в аптеках появились эффективные импортные противогрибковые препараты.

После распада великой страны отечественный футбол оскудел. Бывшие самобитные команды советских республик зачали в своих провинциальных чемпионатах, и фамилии футболистов Грузии, Армении, Азербайджана, Белоруссии, Средней Азии, Прибалтики уже не звучали на крупнейших стадионах мира, как это было ранее, когда они выступали за сборную СССР. И только Украина доказала, что осталась сильной футбольной республикой, а ее лидер Андрей Шевченко в начале нового века стал звездой европейского футбола и обладателем «Золотого мяча», продолжив традиции своего знаменитого земляка Олега Блохина. Тем самым Украина подтвердила свое доминирование в советском футболе прошлых лет. Между тем мировой футбол продолжал развиваться, становился все более интенсивным, прагматичным и коммерческим. И все менее интересным. Правда, чемпионаты мира последних десятилетий оживили африканские команды со своим самобитным футболом. И все же романтический футбол прошлого века с его блестящими взлетами и не менее яркими провалами, гениальными голами и нелепейшими ошибками остался в истории. Еще более скучным и бесталанным стал российский футбол, а его роль в мировом футболе — малозначимой. Потерял и я к нему интерес. И лишь изредка, включив ненароком какую-нибудь футбольную трансляцию и услышав позывные знаменитого футбольного марша, снова испытываю волну эмоций, но не былого азарта, а ностальгии по безвозвратно ушедшему времени. И сожаления о том, что так и не позвонил по тому давно утерянному телефонному номеру.

Игорь Владимирович Отчик родился в городе Мозырь Гомельской области 22 декабря 1951 г. Окончив школу с медалью, поступил на физический факультет Белорусского государственного университета, после чего преподавал математику в средней школе. После окончания МЭСИ по специальности экономист-математик был распределен в Кишинев, в отдел АСУ главного управления энергетики и электрификации Молдавии. В дальнейшем работал в различных организациях электроэнергетической отрасли России, специализируясь в программировании, математической статистике, аналитике и прогнозировании. Завершал профессиональную деятельность в центральном аппарате РАО «ЕЭС России» в должности начальника отдела бизнес-планирования предприятий электроэнергетики. Входил в состав советов директоров ряда энергетических компаний, ветеран труда, имеет звание «Заслуженный энергетик России». Проживает в Москве.

Выйдя на пенсию, занялся литературной деятельностью. Роман Игоря Отчика «Беседы шалопаев или Золотые семидесятые» был неоднократно представлен издательством «Ridero» на книжных выставках России.

Киев

Наталья МРИНСКАЯ

О ГЛАВНОМ

ДОЖДЬ

я видел дождь...
...дождь возвращал себя на небо, —
он так настойчиво, нелепо,
вытравливал себя с особым рвением
с цветов, плодов и даже грязи из подошв.
Дождь возносился этим воскресеньем.

Потоп в обратном исполнении —
стремился ввысь, от обедневшей суши,
дождь забирал своё у всех растений,
и пил из луж.
Он изымал себя у океанов,
бросая флот на отмель, по кайме,
оставив изумленных капитанов
на высохшей корме.
Парила радуга — кругла, как нимб,
дождь бил её насквозь, дождь был неистов,
он требовал проход в свой личный лимб,
по праву нигилиста.
Разбились птицы — ангелы небес,
чернела гарью вся земная кромка,
проекцию дождя ловила взвесь
обскуренной киносъёмкой.

Я ждал и, слушая дождя синкопу,
подумал, что не дождь сбегает к Богу —
земля несётся просто камнем вниз...
вершит свой вариант антиутопий,
теперь не стоит ждать потопов.
Мы высохли душой, увы, и дожд(ь)ались...

ОНА

...а ночь заблудилась в окружности кружки,
все дни сахарятся крупинками солнц,
она грела чашки и все пиалушки
у сердца, и молча несла их на стол...
Они говорили: наш мир — как ловушка, —
кивали на кризис и кучу проблем,
ей все объясняли систему кормушки,
про суть пандемии вещали затем.
В лицо ей кричали, что дружба изжита,
где в мире все куплено и не за грош,
она наполняла щербленные кружки,
лимонную дольку бросая как брошь.
Её упрекали: твой чай не излечит,
нельзя, выпив чаю, забыть мира ложь,
измену не выбросишь в мусор с пакетом

и байховый крепкий не спишет долгов.
Нельзя все решить терпким чаем и мятой,
не может размякнуть война в молоке,
и вновь уверяли, что бытность не сахар,
и боль не исчезнет в крутом кипятке.
... она все кивала, со всем соглашаясь,
взбивала серебряной ложечкой чай,
бесшумно мешала, краёв не касаясь,
и всем подливала любви невзначай.

ДЫШИ

Вот просто не дыши,
запри рассудком выдох,
не отменяй своей зари
усталостью души.
Замри,
вся жизнь в кристалликах сомнений,
нечетких гранях представлений
верховного жюри.
Кричи,
ломая зеркала иллюзий,
пренебрегая принципом диффузий,
на пламя от свечи.
Живи,
не вопреки, а к месту,
но сторонись привычного насеста,
по зову изнутри.
Пиши,
словами брошенных аллюзий,
в потоке споров и дискуссий,
тупи карандаши.
Греши,
любовью бейся в стены
и получи итог — блаженный.
...Теперь дыши...

ГАММА

Он входит в дом всегда на ноте ДО:
ДО ужина, ДО белой прóстыни,
Когда на небе бликами бордо,
И ДО возможной точки доступа.

Ресентимент, отыгранный лицом,
Где ревностное РЕ смягчают чаем...
На МИ он расстаётся с пиджаком,
И «мы», как «я», звучит почти случайно.

Как фантастически меняется акцент
На ФА: фактурность, оголенная дизелем,
Где СОЛЬ в устах, прикосновенья элемент,
Язык в плену плетет пентакли бесам.
Прорвавшись к ЛЯ порывом изнутри,
Лелеять золото бедра на белом
И в полустоне слышать только СИ,
Как верх блаженства, сыгранное телом.

ОДНО ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ВОДЕ

Загадочным мне видится метаморфоз
воды: из пара — в лёд, из льда — в потоки,
когда становится тверда она в мороз.
Казалось, что так шутят только боги,
сжимая воду льдистым колобком,
шутя в игре, где дети все розовощёки,
и тут же вечером над кухонным костром
клубится ароматным чаем в эпилоге
на ужине, резвится дымным мотыльком,
зовёт на краешке посуды и в упрёке,
наш мир оставит, чтобы снегом пасть потом
на нас из облака, найти себе предлоги,
вернуться вновь, а мы пренебрежительно стряхнём
её с сапог, с воротников и обметём пороги.

ЧЕТЫРЕ КОРОЛЯ

Король запада смотрит в окно на восток —
строг.
Почему только с оста приходит пророк —
Бог?
Там всегда тишина и у-вей, мотылёк —
йог
Там не знают тревог, тормозя монолог —
в срок.
На востоке король, запад видит в своё окно —
давно.
Там растёт на полях без воды зерно —
чудно.
там лесов километров на сто пролегло —
полотно.
Их глаза широки, словно все на одно лицо —
смешно.
Король севера смотрит на дальний юг —
плут.
Он устал от холодных зим, выюг —
тут.
Там тепло и большой одногорбый верблюд —
крут,
не болеет от зимних простуд —
их люд.
А на юге король разглядел, где простёрт —
норд.
Там так много воды и зимой берег твёрд —
чёрт,
и сосна у окна и зеленый фьорд —
горд,
и красиво с горы сноуборд —
прёт.
Тридцатое царство всегда вдалеке —
где
многим кажется: лучше живут вдвойне —
те,

всегда смотрим, что там, на другой стороне —
в окне,
жаль, при этом стоим мы к друг другу спиной —
все.

О ГЛАВНОМ

Наверно, не стоит говорить о главном так просто,
За кружкой пивка, в ближайшем баре неброском,
На остановке глотая возмущённый дым папироски,
Которая обжигает губу, гортань и что-то в мозгу несносно.

Такой разговор требует ночи и водки из морозилки под льдом.
Возможного собеседника, который сидит нога на ногу узлом,
Поджавшего под себя все, кроме достоинства и уставшего геморроя.
Рассуждает о жизни, как о пути совсем чужого героя,

Не требуя реплик в своём монохромном монологе,
Потому что уже все знает, по годам в Индии и в Уренгое.
Рассуждения приправлены правильным чаем, возможно — мате.
И Слова на Х и на П уже совсем не звучат по матери —

Они вплетаются линией в опус, почти как от Володьки.
Наверное, все это просто нуждается в той, советской селедке,
Хотя продавали по большей части своей иваси,
А собеседники были явно не Высоцкие.

Разговор не уходит далеко от политики, анекдотов, пересудов,
Потому что за углом стоит Берлиоз в ожидании чуда.
И Аннушка переливает масло в дуршлаг, для удобства разливанья повсюду.
Это обязательно так и будет, просто мы ещё всего не знаем, покуда.

Разговор заходит в тупик от перезвона трамвайной трели.
Мы уже все видели, жаль, что ничего не сумели.
Так что не стоит торопиться, рассуждая о главном, так просто.
Важна атмосфера и, конечно, селедка с водкой для тоста.

О себе:

Еще живу, еще дышу, еще пишу.

Из почти пятидесяти лет пишу почти сорок, что-то в стол, что-то для кухонных посиделок, что-то для публики.

Мне кажется, что, когда человек говорит, что он любит, именно это и составляет мнение о нем и его ценностях.

Я люблю... люблю мужа, вот уже тридцать лет, люблю дочь, люблю внука.

Еще люблю свою работу, философию и поэзию.

Любимый поэт Вознесенский, любимый певец Гребенщиков, любимая книга Олди «Нам здесь жить», любимый фильм «Двухсотлетний человек».

Киев

Николай ВОРОТЫНЦЕВ

ДАЛЬШЕ ...

— Простите!.. Да, да, красавица, не знаю, как вас... Ах, я и сам с уважением отношусь к девушкам, избегающим барных знакомств. К чему тогда вообще они, эти бары, да?.. Пойдите! Не в ударе я сегодня что-то. И — волнуюсь... Увидел, понимаете, через окно... Это же вы из «Каро» выходили?.. Вот. Значит — не ошибся... Ради Бога, десять минут вашего внимания! Десять — всего... умоляю... Ромочка, эй! «Маргариту» — даме!.. Вы же не против?.. Спасибо... Ромаш! Мне — как всегда!.. Мы по-простому тут, не смущайтесь. Все — свои. Каждый Божий день.

Разрешите представиться! Савицкий, Витёк! Кинооператор... А вот так, представьте себе!.. А я знал, что вас — заинтересует, да... Спасибо, Ромочка. Пока — свободен...

Откуда знал? Да та же машина, что подвезла вас. «МакУоррен—Карабаир», прошлого года, Швейцария. Таких — по нашу сторону кордона — всего две. Как мне известно?.. Вот видите. Шестнадцать цилиндров, одна-двести лошадок, четыреста сорок «кэмэ»... Первая — у сына Габриловича, женился паренёк недавно, так папенька — под свадебку — подогнали. Но Габриловичи теперь — в Египте, я проверял. Тачка же — не из тех, что одалживают по «доверенности». Значит, вариант номер два: Олег Костомаров, актёр, приглашён во многосерийку «Круговерть» — нечто вроде нашего ответа Бонду... И это знаю, не удивляйтесь... как вас, бишь?.. Оленька? Очень приятно... Олег, Ольга. Киношные редко избирают пару вне своего круга. Стало быть, и вы ... из начинающих?.. Отсюда — и интерес к моему ремеслу. Потенциальный, то есть.

Вас ведь Костомаров подбросил? И — заберёт потом?.. Просто — подарок...

Вот, значит, как, Оленька... Другу вашему, похоже, грозит беда... Тихо-тихо, без эмоций! Выпейте-ка, вот!.. Может, чего покрепче?.. Ну, смотрите... Голову даю, ничего ещё не случилось! И звонить ему — не стоит. Не сейчас, по крайней мере. А там — сами решите... Да, ещё одно. Я, Оленька, не сумасшедший. Полагаю, поверить в это будет сложно, но вы уж... именно вы, Оля, обязаны... хотя бы попытаться... да...

В общем — по порядку... Мне — повезло по жизни. С детства — кино, кино. Все — капитанами да космонавтами, а я — картинки весёлые... ненормальный... Поступил не сразу, но — к хорошему мастеру. С другим, теперь понимаю, попросту б не ужились... Что?.. Савицкий, ага. «Комплекс Ахиллеса», «Ка-плюсэн», «Ликвидаторы»... Видели? Правда?.. Спасибо, очень приятно... Да, я — за камерой... Ваше здоровье!

Всё, значит, шло «тип-топ». Набрался опыта, связями оброс. Под меня уж и сроки подгоняли. И слали сценарии — как, смогу ли? Из командировок — не вылезал... до той самой поры, Оленька, когда осчастливила нас пресловутая наша «независимость». Оно — понятно. Империя — на ладан дышала, тянуть далее не представлялось возможным, но ... кто ж знал, что начнут новые — именно с уничтожения кино! С варварской расправы! Слишком дорогая игрушка, мол!.. Виноват, большая тема... Ром, повтори-ка!

Нет, зацепки оставались кое-какие. Мыло. Кооперативы — для сынков, дочур, одалисок... Крутился... А после — сам дурак. Характер, вишь... Вышибли — прямо посреди проекта... Побегал, пожаловался, из запоя выплыл... Как-то жить надо?

Кинулся — в фотографии. Слава Богу — самая пора нахлынула, восхождение национального «глянца». Изданий — больше, чем в алфавите букв... И — получалось же, слушайте! А им и льстило ещё — такое имя!.. Легла карта, короче. Женился — во второй раз. Сын, Лёнька, вон, тоже, кроме камеры, слышать ни о чём не хочет... алканавт будущий... Всё, Олюшка, всё... Злоупотребил, понимаю ... К главному!

С девяносто восьмого кантовался я в «Калейдоскопе». Был такой еженедельник, довольно — верите? — популярный. Команда сложилась славная: Богатырёв Сашка, Нина Берг, Шахмутдинова Ленка, Родионов, Бакич ... Так вот. Однажды, весною, точно не помню, припекало уж... возвращается, в общем, Богатырёв с репортажа... То-сё, шеф — доволен, сидим — кофе пьём... а Сашка-то, он и спрашивает:

— Что, Корженкова — в Президенты метит?

— Ты чё, — мы ему, — с дуба — рухнул?

Корженкова — как раз «отдыхала» тогда, второй год уж пошёл ... помните? Махинации какие-то — с газом, со счетами липовыми?.. Вот... Посмеялись, значит. Сашка — руками развёл: надули, мол, сволочи... неделю ж его не было... И — забыли.

А вскорости — кризис наш, знаменитый. Как обычно это бывает: тот — без гроша, тот — за бугор... власти — в ауте... завертелось... И Корженкову-то, если не забыли вы, сразу — выпустили. Более того — судимость сняли (сам не понимаю, не спрашивайте!), да на руках — как единственно чистую, к общим мерзостям не причастную, — до самых выборов и пронесли... До Хозяина, правда, не добрала, но в «премьеры» — вышла...

И вот вспомнил я тогда. И — к Богатырёву: так, мол, и так... каким образом угадал?... А он мне:

— Рекламу видел.

Я — ему:

— То есть?

— Да — «бигборд» (щит такой — знаете? С информацией)... Но «бигборд» — не обычный. У нас — давно уж перешли на трёхуровневые, а этот — просто плакат, стена. Картинка — как обои — полосами выклеивается...

— И?!!

— И — как раз портрет был, ЕЁ. Руки — на уровне плечей, от ладони к ладони — радуга, — вроде моста. Текст: «Корженкова — народный Президент. Отсечём лишнее. Полезное — приумножим. Будущее — начинается сегодня. Общеславянский Блок «МОСТ» »

Будущее — начинается сегодня... как вам? Я — обомлел. Лозунги все эти — они на зубах уже навязли, сами понимаете — компания избирательная, но... Но! Когда Сашка из командировки-то вернулся — их и в помине не было ещё! Да и — каким образом?! Кандидат — за решёткой! Суть — улавливаете?!

— Где, — спрашиваю дальше, — «бигборд» этот?.. — говорю. — Куда ты ездил-то? Напомни!

Он:

— В Кичкасы. Сеть казино там открыли местные — вроде игровой зоны, а ля Лас-Вегас ... так вот! Если через Златокош, то — ближе выходит. Но там — просёлками, знать надо ... И — не доезжая километров двух до поворота к городу, — в поле, справа, стоит.

— В поле? — уточняю.

— В поле.

— Справа?

— Справа...

Не поверил я ему, Оленька. Сами судите — бред.

Но история эта почему-то из головы не шла. Странно, что сам Сашка отнёсся к ней так спокойно. Хотя ... при нашей занятости тогда... Месяц промаялся я, короче, пока решился.

Исхлопотать поездку по тем местам — труда не составило. Дикое Поле — в прошлом. Порубежье с Турцией, казачьи могилы — этим всегда интересовались... Предложил серию репортажей. Утвердили... Документы, суточные, бензин... На «Жигуле» на своём и отправился.

Еду, значит, и сам себе думаю: не идиот? Аж пыль столбом — кинулся... Ку-уда? Чистой воды — разводилово... Вот специально, решил — специально! — даже не вернулся! Не гляну даже в ту сторону!

Смеётесь?.. Ваша правда. Поколесил я по области, пощёлкал. Гостиницы там, к слову, весьма приличные. Люди — яркие. Знают цену себе... А на обратном пути — к Златокошу-то и принял. Не выдержал.

И — сходу — в этот чёртов «бигборд» и упёрся. Стоит себе — среди поля прям. Шагах в двадцати от дороги — на курганчике. Вокруг — кукуруза, понимаете. Ветерок. Стебли — волнами... просто — море тебе.

Подбираюсь, значит. Рукой — от солнца — прикрываюсь, читаю: « «Валькирия», новый роман М.Семёновой... признанного мастера жанра ... автора бестселлеров... приобретайте со скидкой... », — и прочее... Простите, Оленька, вырвалось... сам — не знаю...

«Какого лешего? — думаю. — Ну, «Валькирия»? Дальше-то что?.. Мы, слава Богу, не в Скандинавии...»

Плюнул я, значит, прям под щит этот, и — домой.

Книжечку, однако, дорогою — приобрёл (действительно — писк сезона был). Простудировал — от корки до корки. Мало ли... Ну, ни одной мысли! Тем более, что и не о Скандинавии там... Всё, думаю, Богатырёв. Срок дай — сочтёмся. Ганс, блин, Христиан...

Через две же недели — по всем каналам — как гром среди ясного неба: катастрофа!.. Самолёт упал над Швецией, малость до аэродрома не дотянул. «Ящик» прослушали — технические неполадки какие-то (в авиации, простите, я тоже профан). Никакой, казалось бы, мистики, кроме...

Группа пассажиров — из наших — туристами летели. Семнадцать человек. И оформлены они были через одно агентство, специализировавшееся как раз на северных регионах. Агентство — «Валькирия».

Не знаю, какому питекантропу пришло в голову столь экстравагантное название. «Валькирии» — если вы не в курсе — это род младших богинь, что — согласно верованиям викингов — сопровождают в рай души павших. Не самый, согласитесь, удачный символ... Агентство, естественно, пролетело — как фанера над Парижем, хоть — откровенно — менее всего было виновато в произошедшем. Место его — позднее — заняли другие. «Фьорды», «Норды» какие-то там. Это уже — не интересно. И ...

Ч-чёрт, Роман! Почему я всё время тебя ищу?! Ну, поставь ты — сразу — графин! Что я, убегу?! Или ты — первый день меня знаешь?!.. Вот так!.. Ваше драгоценное, Оленька...

Вот... Агентство исчезло, значит. А я, милая, перепугался. То есть — до нервного срыва. До бессонницы. Амба, поклялся. Ни ногой туда больше.

И вот тут-то, солнышко вы моё, он и начался — ад настоящий. Сами судите, времена теперь... Что ни день — траур. Там — шахта. Там — автобус. Там — террористы. Кто-то говорил даже — не помните? — что пророком прослыть у нас — плёвое дело: знай себе — каркай, а уж неприятности ждать не заставят. Не ту страну назвали Атлантидой.

И — представьте, Оля, — при каждом сообщении на подобную тему меня трясло. Вот, думал, новые жертвы. А ведь где-то — ТАМ — они отмечены заранее, сведены — в нечто, вроде шифрограммы, уравнения, которое — вполне — решению поддаётся... Бог, Высший Разум — кому как удобнее. Но будущее — начинается сегодня... Почему другие должны страдать от того, что я — скверный математик? Тупица...

Ведь только я знаю, где это место. Сашка — не в счёт. В разъездах вечно, да — если бы и рядом ... не из породы он жертв Достоевского. Не любитель задумываться. Одно слово — счастливцев.

Сдали нервы, не усидел. Взял пару дней в редакции... Четыре часа — и там.

Кукурузу — убрали давно. Земля — перепахана. Запах ... этот вот — с перегноем — знаете?

Щит. Курган. Вечерело... Я — из машины. Напрямик. Поднял голову — читаю: «Кертис»... «Кертис» — напиток такой, не припоминаете? Энергетик?... Вот... Банка изображена — в красках радужных, так и хочется попробовать... А меня — естественно — в пот холодный. Так — всю дорогу — и проплющило. Тем более, что натыкался уже на плакаты похожие — здесь, в городе.

Дома — первым делом — в холодильник. Мать честная!.. Целую заначку там обнаружил — «Кертиса» этого! Сын — старшеклассник! Тусовки, девочки ... не уследишь же!.. Не могу. Еще рюмочку — за вас...

Так на чём мы?.. «Кертис»?.. Ага... Выкинул я, значит, всю эту гадость. Не просто выкинул — во двор вынес, повыливал. Кроме одной банки. Её я... В общем — не важно. Были завязки кое-какие — с химиками. На экспертизу — к ним — и определил. Растворить, понятно, в подробностях не мог, но главное они ухватили — дело серьёзное. Сенсацией пахнет.

Сыну, как вернулся, нагоняя устроил. Так, мол, и так. Чтобы мерзости этой в доме — ни Боже мой. А узнаю если, что втихаря лакаешь — рот зашью... Лёнька, он у меня — смирный вообще. В бутылку — не полез. Нет — так нет. На стороне, может статья, и потреблял — за компанию, там ... не знаю... В любом случае, Оленька, следовало торопиться.

Через пару дней отозвались мои химики. В норме все оказалось, как ни странно. Не более опасное пойло, чем та же «ром-кола»... Присоветовали, правда, организацию по-серьёзнее. Я — туда. Заплатил даже, и немало... Результат — прежний. Ничего такого, чтобы поднимать панику. НИ-ЧЕ-ГО!

А я-то ведь — знаю! Объяснять просто — страшно! Тупик!

Метался, в общем, метался... бился о стены лбом... Чуть с работы не вылетел. Раз — завалил задание. Два. Босс вызывал — промывал мозги... Уж и божился, и каялся я, будто кот школивый... когда...

Не помню точно, что-то около недели оставалось до Нового Года... Известие. Об отравлении — о массовом — в клубе «Эдинбург». Четверо человек — насмерть сразу. Ещё около полусотни — по реанимациям... Туда-сюда — разнюхали... Он, «Кертис». Хозяин, оказывается, фуру «левака» приобрёл — за дешёвизною погнался... Что?.. И это помните?.. Ну, конечно. Громкое дело было-то...

Вот... Напиток, естественно, исчез — как не было. Судились, компенсации выбивали...

Меня же сия история не интересовала больше. Перекрестился я, Оленька. Поскольку Лёнька мой жив остался... понимаете? Не зря всё, значит. Есть, значит, что-то в этом — и повлиять возможно, и уберечь. Не пытаться, по крайней мере, я уже не мог. Почему?.. Говорю же — Лёнька. Понял я вдруг, что жизнь его — подарок. Мне. Лично — мне, вроде аванса... А ежели откажусь, то — всё назад отыграют. Те самые силы. Как дважды — два.

С работы, конечно, вытурили. В «Постскриптум» подался — к Ефимцу. Там — тоже не усидел. До того ли, поймите?.. Друзья говорили — покатился. Потом — и вовсе не стало их, друзей. А мне, Олюшка, до фонаря, абсолютно. Места менял, как перчатки. Лишь бы — не окочуриться. Протянуть.

Чуть день свободный — я к Златокошу. За новым заданием.

И хоть бы раз — слушайте! — понять было бы можно, пусть в общих чертах! Характер, там, события, либо район — поточнее... Ведь и за океаном откликалось порою, и ... я не знаю...Трагедия на «русских горках» в Портленде — Орегон — одиннадцать школьников! Либо убийство Ротчестера — рок-звезды — в Рио? В отеле зависал — с наркоманью местною ... вы же не могли не читать... Да? Ну, вот, видите...

Землетрясения, пожары, оползни... Богота, Кения, Хайфа... Точно по сценарию! Лишь — всякий раз — на языке незнакомом... Ну, не чёрт побери?!

Стоишь, бывало, перед долбаным этим экраном — рассматриваешь слоган очередной ... или — рецепт блюда некоего, разедакого... картинку Глазунова какого-нибудь, Босха, Фриды Кало ... зима, лето, дождь, град — наплевать-растереть... только — голова, что та кадка с тестом... бродит, выпирает отчаяние, а ты его — назад, обратно!.. Тьма комбинаций в разработке — намёток, ассоциаций ... И — ни единого решения.

Думаешь: «Ну? Что — дальше-то? В чём — подвох?»

Затем — едешь и начинаешь рыть. По наитию. Не зная даже, сколько в запасе времени.

Жена — ушла. У сына — своя жизнь. Чужие люди...

Ромочка! Я что, всякий раз напоминать должен?!.. А на кой ляд ты тут, спрашивается?!

Да, Оль. С бутылкою мы теперь — «вась-вась»... Не могу. Давит... Всё, кажется, предохранитель перегорит какой-то... В голове, что ли?.. И — не успею...

Наконец, мсье официант! Не утрудили ноженьки-то?! Рученьки — не поотваливались?!.. Свободен...

Вот... Пробовал я и с тыла зайти, так сказать. Попытать дополнительной подсказки... Ведь кто-то же картинки эти — на щите — меняет? Обидно, что столь простенькая мысль не возникла раньше... Пошёл — в этом направлении.

Никаких опознавательных знаков ни на фундаменте, ни на раме обнаружить не удалось. Решил — наугад — в Златокош наведаться. Ближе... Оттуда — в Кичкасы переадресовали: их, мол, участок. Да там — полдня потерял, доискался куда: действительно, участок за ними был, но — согласно постановления такого-то и поправки к нему такой-то, — курируют они теперь лишь основную магистраль, как и рекламные объекты вдоль неё. А от поворота к Златокошу — другой район вовсе.

Вас тоже бесит, Оленька?.. То-то... Как здесь не запьёшь?

Снова, значит, я — в Златокош. Уже — со справками на руках, не отвертись... Они — звонить, выяснять. Орали-орали, слюнями брызгали... под конец — в Управление спровадили, «1240, МКТ-00-Х» (как перевести сие — даже не спрашивайте... а цифру — по аналогии запомнил: год Невской битвы).

Означенное Управление — поголовно — уставилось на меня глазёнками удивлёнными: какой такой «борд»? Впервые слышим... Я им — на «плане» показал, приблизительно (на стене висел — среди диаграмм)... Пожимают плечиками... Ладно, говорю, поехали со мной.

Сели двое. Я — газу. Истребителем домчал, реактивным... Вот, говорю, любуйтесь!

А сам, Оленька, чувствую, как ... мурашки по спине — караванами...

Нет ведь щита! Курган, озими — всё, как раньше, а его — нет!

«Ну?» — спрашивают эти, из «1240, МКТ-ОО-Х».

Я — из машины. На коленках ползаю, пядь за пядью прощупываю ... Ни следочка! А точно — помню — вбетонирован был! Не приснилось же!

Они — повздохали, ясно. Я — извинился. Доставил их в контору, по дороге — пива спонсировал, за беспокойство. Перепутал — сказал. Ночь не спал, всё такое... без обид, парни...

На обратном же пути наткнулся на него опять. Стоит — как ни в чём не бывало, с очередным ребусом, с... сволочь... Точно — ухмыляется.

Что?.. Да. Всё осталось по-прежнему. Алкаш свихнувшийся — против чуда мироздания, к коему — по наивности — приобщился некогда, и — увяз, как в трясине той... Бросить? Нет. Даже думать — страшно было. Во-первых, сын... Хотя — и без него. С подобными материями — шутки плохи... Проклятье?.. Пожалуй, что выглядит оно — именно так. Врагу не пожелаешь, Оленька.

Удалось ли мне, спрашиваете, ещё хоть раз воспользоваться случаем — повлиять, так сказать..?

Удалось. Но об этом — с вашего позволения — умолчу. Не из скромности, а... как бы... Спасённые, в общем, даже не узнали о грозившей им опасности. Жизни, коим суждено было прерваться — попросту пошли дальше, без задоринки, без заминки... Так что и рассказывать, по большому счёту, не о чем.

Теперь — главное. То, ради чего я, собственно, и решился вас потревожить...

Тихо-тихо-тихо... Вот — водочки... нет-нет, обязательно... Так... Хорошо...

Поймите, солнышко, это — не приговор. И, скорее всего, к вам — даже не относится... Вы же — не владелица машины?

Да, я был там. В субботу.

Да, там изображён этот самый «Каро». Шестнадцать цилиндров, триста лошадок... И сынуля Габриловича — в Египте, с молодой женой... Друг ваш когда, говорите, за вами пожалует?.. Умоляю — без глупостей. Всё равно — не поверит...

Ромео! Скот помойный! Горло дерёт!.. Да не куксись, ты, эо! Люблю ж тебя, олуха, о-бо-жа-ю! Дебила недоделанного, Франкенштейна — разлива местного!.. Ну-ну-ну, не придирайся к словам-то, не придирайся... Дай — поцелую ... урода комнатного ... дай-дай-дай...

* * *

Кукуруза. Волны ветра — по стеблям. Щит — на взгорке.

Всё, как описывал Витёк. Виктор Савицкий ... действительно оказавшийся оператором — из мастодонтов, — по поводу «безвременной кончины» которого разрыдалось несколько профессиональных изданий. И — не некрологами шаблонными там какими... Циклы статей выходили. Ветеран. Корифей. Общий любимец.

Ох, и наклюкался «общий любимец» в баре тем вечером. Хорошо, официант адрес дал. Она уговорила Олежку подбросить «корифея и ветерана». Знать бы наперёд... мамочка ...

Нет теперь Олежки. Машина — «Каро» долбаный, коллекционный, — в блин. И — никто не виноват. Никто... Выбоина на асфальте. Занесло на «встречку». Савицкий — на заднем сидел. А у неё — провал... Нет, рассказали, конечно. Потом. Но провал — всё равно. Ни картинки, ни деталей. Миловал Бог...

Кукуруза. Щит. Ветер...

Юлька помогла выбраться из кабины. Подала костыли... Свой парень Юлька, с универа ещё. Спасибо — добыла транспорт. А главное — вопросов не задавала лишних. На кой? Да — чего ради? Не начинать же — по порядку? Кто поверит в дикость подобную?

Ольга потащила через гряду зеленеющих початков. Прямо — к кургану. Не глядя под ноги, но ощущая — подмышкою — стальную ладонку подруги... Буквы на «бигборде» плясали, точно мячики лотереи в барабане. И это — раздражало. Страшно... Столько проехать... твою...

— Что там? Слова, не вижу их ... Что?

— Там? — Юлька перевела дух. — Да, типа ... ересь очередная. Ничего особенного...

— Юленька, пожалуйста!

— Всё-всё, читаю ... Короче... «ВАС ПРИВЕТСТВУЕТ КИЧКАЩИНА, КРАЙ КАЗАЦКОЙ СЛАВЫ! ЗЕМЛЯ ВЕЛИКИХ БОГДАНА И ТАРАСА! СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!»

— Счастливого?

— Счастливого. Всё — с восклицательными знаками. Это — тоже важно?

Иронизируй, дура. Иронизируй... Счастье твоё...

Добравшись, Ольга перечитала ещё раз. Затем — ещё... В самом деле — ничего особенного.

Но — то самое «ничего особенного», о котором предупреждал Савицкий.

Случайна ли их встреча?.. Со всюю определённою — нет. Ведь и она должна была сыграть в ящик: по винтикам собирали буквально, по хрящичку... Нет, не случай. Её успели предупредить, сориентировать. Она — приняла эстафету... Именно потому теперь — здесь...

Вот он — «бигборд». Чудо. Быть может, последняя надежда для кого-то.

Никто, кроме Ольги, не знает больше.

И — ни единой мысли... зацепочки...

«КИЧКАЩИНА... СЧАСТЛИВОГО ПУТИ...»

Будущее — начинается сегодня...

Так и подмывает, наследуя Савицкого: «Ну? — обратиться, неведомо к кому, с минимальными шансами на успех. — Что дальше-то, эй?.. Дальше — что?».....

РЕЗОНАНСНОЕ ДЕЛО

— Резонансное дело... Резонансное дело... Сенсация! — поползло, завертелось коридорами Дворца, корпусами Следственной Части, буфетами, туалетами, гардеробными... взгляд за взглядом вспыхивали ядовитую завистью... и содрогались сердца отчаяньем: кому поручат?.. Кому поручат?.. Кому?!

Поручили Ляле. Естественно, Ляле. Без вариантов... Ибо всем известно, как дышит к ней Генеральный. И что состоялись меж ними несколько рандеву, обещающих нечто большее. Самые отчаянные из жополизов запасались уж свадебными подарками, упражнялись в речах поздравительных.

Но — чёрт побери! — должна же быть хоть какая-то справедливость, а?! Всем — маньяки, людоеды, рутина подзаборная, а ей — с барского плечика — такая конфетка! Ни пресса, ни телевидение долго ещё не слезут с этого дела! Во все учебники войдёт оно, во все справочники!

Кто такая Ляля?... Ляля — сокращённо — от Лариса. Лариса Руснак, Региональный судья, Советник Юстиции «А»-Уровня, код доступа «ФРНК: 19–20». Выше — только двое «20–21» и сам Генеральный.

— Уверен, Лариса Николаевна, в вашем профессионализме, ваших пронизательности и принципиальности. Дело я просмотрел. Похоже, никаких сюрпризов... Впрочем, если сочтёте нужным, можете затребовать любой материал, любого свидетеля вызвать — ваше, как говорится, законное... Одна только просьба — в двое суток управиться. Предварительное слушание намечено на двадцать пятое.

— Благодарю, Роман Тимурович. Все силы приложу.

Роман Тимурович — Соловьёв — это он и был, Генеральный... Ляля поднялась, направляясь к выходу. Ладная, знающая себе цену, она даже в сорок пять свои выглядела студенткою первого курса юрфака, где они с Соловьёвым и познакомились... Члены Сопещения — тёртые мужики, амбициозные да азартные, — проводили баловницу Фортуны с молчаливым восхищением. Эх, как понимали они Генерального!

Но ведь какая-то справедливость быть должна? Негоже в подобных случаях руководствоваться исключительно... тем, что между... Есть же и поопытнее товарищи? Более достойные, так сказать...

* * *

История — вкратце — вырисовывалась неслыханная. Уничтожено дерево муниципальной рощи, одна из девятнадцати заповедных сосен... теперь, то есть, их лишь семнадцать осталось... Тут — «вышка», без смягчающих. Хорошо ещё, если не разорвут парня прямо в зале суда. С одной стороны — конечно — туда и дорога, но с другой... надлежит потребовать закрытого процесса. Да пару рот «нацгвардейцев» — в оцепление — дополнительно.

Люди, ежели рассматривать проблему шире, виноваты во всём сами. Со злокачественным прогрессом со своим, с аппетитами ненасытными. Чем плохо жилось, скажем, при палеолите? Воздух — свежий, мясо — свежее, и воду отфильтровывать не надо — как теперь — неделями... Нет — атом им подавай. Химия-кибернетика-хрень-прочая... Шутка, конечно. Но, похоже, недалёк тот день, когда смеяться ей перестанут.

Первым забил тревогу академик один, некто Бичерахов. Докладу его, впрочем, на эту тему — об угрозе прекращения воспроизводства лесов (по сути — о катастрофе планетарного масштаба, о коренном изменении климата и безраздельном — впоследствии — солнечном терроре) — не поверили. Самого же докладчика от души отпинали. Признанные светила науки — на глазах миллионных аудиторий расплывшихся телешоу — макали его в грязь ежедневно. Довели до инфаркта. Тая ехидство, похоронили.

Однако — двадцати лет не минуло — убедились: прав был бедняга-то. Вымирает лес. Старые деревья пластаются под собственной тяжестью, молодняк — сохнет на корню. Понемногу, но неуклонно, захватывают пустыни пядь за пядью.

Спohватившись, меры принимать кинулись. Корпеть над каждым жёлудем. Целые институты ломали головы — разрабатывали, опробывали, внедряли в жизнь, порою — не без успеха даже... Но успехи оказались временными. Лес — вымирал.

Само собою, обнажила клыки и пресловутая человечья жадность. Достиг апогея спрос на всё, связанное с деревом — мебель, скульптура, писчебумажный бизнес. Дома и интерьеры из сего материала стоили целые состояния. Вкладывать в дерево стало более выгодным, нежели в драгметаллы или камушки.

Ужесточение законов против браконьерской вырубki не помогло — взятки и чёрного рынка никто отменить не в силах. Введение смертной казни для тех, кто попался, также ситуации не улучшило. Площади лесов уменьшались, а с гибелью «легких планеты» понижалось и содержание кислорода, что требовало экстренных мер для повсеместной — промышленной — его выработки.

«Глобальное потепление», коим пугали народ в течение нескольких веков, стало наконец мерзопакостною реальностью. О натуральном снеге упоминали теперь разве что в сказках, любовались им в старых фильмах, на деле же — температура даже в приполярьи не падала ниже тридцати двух по Цельсию со знаком «плюс». О всё более злобствующих периодах лета — говорить нечего. Жизнь, стягиваясь к полюсам, постепенно сосредотачивалась под землёю. Таковы были факты.

А всего живых стволов — по планете — насчитывалось ровно триста девяносто семь. Теперь — меньше.

Муниципальная роща города Ноябрьск, где служила Региональный судья Лариса Руснак, утратила бесценную единицу.

Скандал выдался ещё тот. Общество — в максимальном градусе, так что при всём желании «вышки» несчастному не избежать... Михаил Дементьевич Сулима — так его зовут. Сорока двух лет. Родом из Житомира. Состоит при генерал-полковнике Варсонофьеве, личным охранником сыновей.

Интересно, на кой чёрт ему это понадобилось? Кому и каким образом намеревался он сбить древесину, а главное — почему не предпринял никаких шагов? Просто — сидел и ждал охрану (парни отлучились — похрюцать пончиков). Прямо на поваленной сосне... Где логика?

* * *

— Лариса, Лариса, что вы несёте... Лариса?! — Генеральный — нетерпеливым жестом — выдворил из кабинета секретаршу, что принесла кофе.

— Роман Тимурович...

— Его взяли на стволе! При десятке свидетелей!!!

— Это-то и странно... не находите?

— Нет, не нахожу!

Соловьёв остановился у окна, спиной к собеседнице. Она, выдержав паузу, подошла к нему и обняла за плечи. На правах будущей супруги — и в качестве последнего довода.

— Ларис, это не поможет...

— Ром...

— Завтра — предварительное. Как по мне — всё предельно ясно.

— А я тебе о чём? Человеку осталось меньше суток. Он сгинет, окружённый всеобщей ненавистью... А о семье его ты подумал? Его дочери — двенадцать всего...

— Хорошо. Десять минут у тебя.

Ляля управилась за семь с половиною, и дело — впрямь — того стоило... Вчера она беседовала с обслугою Варсонофьевых, кое с кем из их друзей, с одноклассниками старшего сына — Дмитрием...

— Не припоминаю, — огрызнулся Соловьёв, — чтобы я санкционировал допросы не заявленных официально фигурантов...

Она ответила самую обворожительной из своих улыбок.

— Люди, Ром, имеют право общаться и вне рамок процессуального кодекса. Вот, как мы сейчас...

— Допустим... Дальше.

Выяснилось, что сын генерала — Дмитрий — беспросветно влюблён в дочь начальника штаба дивизии, которую командует отец. Родители, вроде бы, не против этого брака — пусть лишь школу закончат... так вот! Через неделю у этой Кати — объекта обожания варсонофьевского потомка — день рождения! И Дмитрий — во всеуслышанье — пообещал преподнести ей мебельный гарнитур из натуральной древесины!

— Ларис, я тебя умоляю...

— Но — факты, Ром! Факты!

— Какие факты?!

В ночь преступления Дмитрия видели пьяным — в том числе и в районе муниципальной рощи. Он вовсе не скрывал своих намерений и даже торговался азартно с какими-то субъектами на предмет приобретения бензопилы «Дружба».

— Именно эту пилу, Ром, обнаружили рядом с сосною, на которой сидел Сулима...

— И что?! Иных отпечатков, кроме принадлежащих обвиняемому, на ней не обнаружено!

— А Дмитрий — в срочном порядке — отправлен к тётке, в Апатиты! Крис у неё, гипертонический!

— Апатиты — запрашивали! Особа эта — действительно — в тяжёлом состоянии!

— Но ведь племянник её — не врач?!

— Стоп, вижу, куда клонишь!.. Хорошо... Какой прок Сулиме за хозяйского сынка впрягаться?

— А ты подумай, Ром... напряги мозги.

Прок оказался самым непосредственным... Сулима, как упоминалось уже, родом был из Житомира. А что такое Житомир?.. Это — плюс пятьдесят пять. Это — энергетический брикет и пол-литра питьевого экстракта в день на иждивенца. Работы — не найти. Попасть же на север — по «гостевой», либо в качестве специалиста, — утопия.

Потому каждый, оказавшись по эту сторону полярного круга, держится за место своё до последнего издыхания. До потери человеческого обличья.

— Допустим теперь, что Сулиме предложили взять на себя вину хозяйского сынка... просто — допустим, Ром!.. Что ждёт его в случае отказа? Его, жену и дочь двенадцати лет?

— Ты говоришь о высылке?.. Помилуй, стоит ли это жизни...

— Все люди, они — разные, Ром! Каждый решает вопрос по-своему! Сулима — майор ВДВ, участник боевых действий, два ордена... Рома!

* * *

Полковник Денисов гордился своей коллекцией живописи и — следует отдать ему должное — имел для того все основания. Левитан, Малагин, Коротич, Шишкин, Алек-

сандрович-Дочевский — далеко не полный перечень отечественных мастеров, ему принадлежавших. Были и иноземцы — как же без них? Шаруа, Дризен, Клементини, Коркоран-старший... но! Все полотна — абсолютно — объединяла одна тема: лес! Сосны и пальмы, берёзы и баобабы, дубы, кедры, осины, вязы, пейзажи зимние, пейзажи летние, дневные, вечерние, равнины, горы... реки, с трудом пробивающие путь сквозь чащу... словом — БЛАГОДАТЬ БОЖЬЯ!

Даже в день рождения единственной дочери не мог полковник удержаться от искушения не потешить «эго» своё неуёмное. После первого стола, предоставивши молодёжь флирту и танцам, вся публика из более-менее солидной потащилась в домашнюю галерею.

— Вот... Вот.., — лепетал захмелевший Денисов, упорно не замечая скуки на лицах гостей (многих не впервой уж водили сюда). — Вы можете себе представить, нет? Всё это... вот это вот... некогда существовало повсюду — серою, приевшейся обыденностью, а? Расчищать всё это приходилось, отвоёвывать пашни...

— Ну, дурачьё! — пискнула стриженная под малолетку бабуля, помреж Регионального театра имени Бенюка. — Это удумать же ж!

— Зверьё.., — подхватил ещё кто-то, скрывая зевок.

Денисов был на седьмом небе от счастья, глазки его оросились слёзками неподдельного экстаза:

— Да, да, милые вы мои! Даже здесь, у нас, взять если... Сюда ж заключённых сгоняли, сотнями тысяч! И что они делали?! Тайгу валили, изничтожали богатство это неслыханное... А цель?... Не поверите — в топках жгли! Тепла добывались! Уж лучше б — сразу — банкнотами топили... не знаю...

Ляля и Соловьёв, также приглашённые на торжество — впервые, следует отметить, в качестве официальной пары, — не упустили случая ускользнуть из сей обители заплесневелой скуки. Им не терпелось уединиться, побыть друг с другом... фирменные наливки хозяев делали своё дело... Свернувши в первую же свободную комнату, принадлежащую — как оказалось позже — самой имениннице, они плотно прикрыли за собою двери, для надёжности забаррикадивавши их каким-то шкафом, и... и...

— Ляленька, радость моя... Что ещё там случилось... или ты не любишь меня больше?

Ляля отстранила кавалера, возвращаясь к тому шкафу, который они только что поставили к дверям.

Коснулась пальцем лакированной поверхности...

— Натуральное дерево?

— Естественно.., — обречённо выдохнул Соловьёв. — Это подарок от жениха, только из ателье... Ляленька, в чём проблема?

— А кто у нас отцом невесты? — переспросила она.

— Денисов, Василь Константиныч...

— Военный?

— Полковник...

— Начштаба Варсонофьева?

Кроме означенного шкафа в комнате оказались также два полукресла, комодик и небольшая софа — всё в стиле какого-то там из французских Людовиков, всё с запахом непросохшего лака... по нынешним временам — сокровища Аладдина.

Майор ВДВ, орденоносец Сулима был расстрелян несколько дней назад. Присяжные совещались не

более десяти минут. Дело, действительно, вышло резонансным... Соловьёв, трезвея, ощутил под сердцем нервный холодок.

— Ляль, ты... в самом деле решила..?

— Сосна куда делась? Та, которую подсудимый... где она теперь?

— В «Лесобанке», под Норильском. Я сам запечатывал контейнер, документация в порядке... Или ты мне уже не веришь? Ты? Мне?

Здесь разговор их был бесцеремонно прерван. Кто-то — снаружи — попытался проникнуть в комнату. Подарочный шкаф, пошатнувшись, этому воспрепятствовал... Из-за дверей донеслись удивлённые голоса, среди коих пленники различили и принадлежащий имениннице, Кате Денисовой.

— Своих привела, — догадалась Ляля, — подарком похвастать...

ЛАВА 39

Соловьёв был не то, чтобы озадачен, но всё же испытывал некоторый дискомфорт. Забаррикадировались, точно дети. Генеральный с подружкой... пойдут хиханьки.

— Что делать будем?

— Снимать штаны и бегать.., — Ляля застегнула кофточку, поправила причёску перед зеркалом. — Прятаться — глупо. Да и негде здесь особо... Вернём-ка на место мебель, покуда эта пьянь ломиться не начала. Жаль вещицы...

Привести в исполнение задуманное они, опять-таки, не успели...

Уже после второго толчка шкаф опрокинулся и, громыхнувши об пол, дал трещину по всей длине...

Из-за приоткрытых дверей — шкаф всё ещё мешал распахнуть их полностью — стали появляться заинтересованные рожицы. Одной из этих рожиц оказался Димка, старший сын генерала Варсонофьева, спешно — по случаю дня рождения невесты — возвращённый из Апатитов.

— Привет! — грациозно помахала ему пальчиками Ляля. — Так откуда дровишки?

Особняк гвардии-полковника Денисова содрогнулся от исступлённого вопля виновницы торжества.

Харків

Анастасія САМСОНОВА

СОН

Була ніч, і маленький Михайлик намагався заснути, але це в нього ніяк не виходило. Він ковзнув поглядом по кімнаті і зупинився на кульці, усередині якої посеред моря був мініатюрний острів із печерою і гори. На дні цього маленького моря були камінці й іграшкові водорості. Раніше у кульці ще плавав маленький кораблик, але з ним щось трапилося і він затонув. «Як же там гарно всередині! Якби мені туди потрапити...» — думав Михайло, поволі стуляючи очі...

... І ось маленький Михась зі своїм старшим братом грає у схованки. Тут у хлопчика з'явилася фантастична думка, що якщо він стане дуже маленьким і сховається у цій кульці з морем, то брат його не знайде і він, Михайло, виграє гру. Тільки він таке подумав, як його раптом осліпило сяйво. Коли воно розвіялося і хлопчик зміг нарешті розплющити очі, то він із подивом побачив, що знаходиться не у своїй кімнаті, а на якійсь горі. Десь унизу плескалося море, а вдалині виднівся острів.

— Якийсь знайомий краєвид... Де це я бачив? Ба, та це ж я таки потрапив у кульку! — здивовано й радісно вигукнув Михайлик. — Ха-ха, тепер мій брат мене точно не знайде.

Хлопчина потупцявся трохи на місці і вирішив подивитися, що ж там унизу. Проте спуск із гори був дуже важким. Михайлик уже подумав був, що доведеться залишитися на вершині, аж раптом він помітив падаючу зірку. Хлопець підстрибнув, спіймав її за хвіст і забрався на неї. Злетівши вниз із гори, зірка м'яко приземлилася і перетворилася на золотий пил, який умить піднявся у небо. Проте цього пилу залишилося у Мишка повні жмені. Він подивився на нього кілька хвилин, роздумуючи, покласти його на землю чи взяти з собою. Пил так сподобався хлопчику, що він врешті-решт обережно поклав його до своєї кишені.

Мишкові закортіло дослідити місцевість, і він пішов потихеньку берегом, поки не наткнувся на стіну. Це була стіна кульки, крізь яку він побачив свою кімнату і брата, який якраз шукав його. Хлопець загупав кулачком об стіну й загукав, але брат не почув його і вийшов кудись геть. Хлопчині не залишалось нічого, як піти у зворотному напрямі. Ішов він не годину і не дві, і от нарешті він вийшов до якогось селища. Біля берега сохли човники й рибацькі сіті, далі були хатки з городами. Туди й сюди ходили тубільці. Вони носили шовковий переливчастий одяг із листя папороті, намисто в кілька рядів із різноманітних мушель, а у волосся вплітали нитки з перлинами. Михайлик раніше бачив це селище біля гір, але воно було таким маленьким, що він крізь кульку нічого не міг там розгледіти. І зараз хлопчик отримав шанс дізнатися про нього побільше, тому він пішов прямо до людей.

— Хто ти такий, хлопчику? Як ти тут опинився? — спитали здивовані тубільці.

— Мене звати Мишко. Я власник кульки, у якій ви живете. Просто ми з братом грали у схованки, і я подумав, що добре було би сховатися тут. Тільки я це подумав, як опинився всередині. Я спустився з гори на зірці, походив туди-сюди берегом, дійшов до стінки кульки, але не знав, як потрапити з неї назад у мою кімнату, і пішов куди очі дивилися. І от я у вас. Знаєте, коли я був великий, я не міг розгледіти вас — мені завжди хотілося стати маленьким, проникнути сюди і все тут подивитися. Але тепер я вже сумую за моєю кімнатою, братом... Він там мене шукає і не може знайти... Ви не знаєте, як можна з кульки потрапити назовні?

— Ніхто з нас не знає, — відповіла одна не дуже вже молода жінка. — Де вихід, знав мій син. Він дуже любив подорожувати і під час одного зі своїх плавань випадково потрапив на нього. Але мій хлопчик не зможе тобі допомогти.

— Чому? Що сталося з вашим сином?

— Розумієш, ми дуже мало знаємо про це море і навіть про ці гори, під якими ми живемо, і тому нам хотілося дослідити місцевість. Рік тому мій син вирушив у морську подорож і зник. Дев'ять місяців жодної вісточки не отримуємо від нього. Я боюся, що якесь лихо з ним трапилося, — сумовито повідала жінка, і сльози закрпали з її очей.

— А ви пробували його шукати?

— Ми обшукали стільки, наскільки вистачало наших знань про це море, але все марно.

Мишко уже почав здогадуватися, де може бути мореплавець.

— Чекайте-чекайте... Ваш син поплив на темному кораблі з великим білим парусом і з фігуркою кита попереду?

— Так, так, це його корабель! Ти ж, мабуть, усе бачив через скло нашої кульки. Ти знаєш, що з ним трапилось?

— Я бачив, що корабель затонув біля острова, який знаходиться на протилежному кінці кульки. Я знаю, як туди доплисти, але у мене нема корабля...

— Наші майстри зможуть спорудити корабель. А поки що тобі треба відпочити, а потім, оскільки ти знаєш нашу кульку краще за нас, допоможеш нам скласти її карту.

На цих словах жінка повела хлопчика до себе додому, посадила за стіл і поставила перед ним тарілку мідій з оливками, поклала в'язку бананів, трохи фініків і налила косоногого молока.

Наступного дня тубільці взялися будувати корабель: обстругали кілька пальм, перев'язали їх ліанами, а з пальмового листя зробили парус. До мотузки прив'язали дев'ять кокосів — вийшов якір.

Поки майстри готували корабель, Михась потихеньку пішов вздовж берега, милуючись прозоро-чистим морем. Раптом він почув, що біля його ноги хтось шкребеться. Хлопчик придивився і побачив краба, у якого одна ніжка застрягла між камінням. Він прикладав усіх зусиль, але не міг виборсатися. Коли Мишко простягнув до краба руку, щоб допомогти йому, той увесь зіщулювався (злякався, що ця велика істота його зараз скривдить), а коли звільнився — нерішуче потупцявся на місці, зробив перший нерішучий крок до хлопця, який стояв і дивився, що зробить краб, а потім уже сміливіше підповз до нього.

— Дякую тобі, хлопчику, за те, що звільнив мене. Коли ти до мене підійшов, я злякався, що ти один із тих дітей, які мене сьогодні вранці виловили в морі й обмацували з усіх боків, а потім посадили у цю кам'яну пастку, щоб я нікуди не втік, поки вони знову не прийдуть.

— От негідники! Які вони жорстокі! Покажи мені, хто це — я їм розтовкмачу, що не можна слабших за себе ображати...

— Та ні, облиш. Наступного разу я просто буду обачнішим. Тільки-но побачу дітей — одразу ж утечу в море. Краще скажи, хто ти і як ти тут опинився, бо я дивлюся, що ти не схожий на тубільців.

Михайлик розказав крабу, як він сюди потрапив і що він збирається пливати до острова виручати одного моряка.

— Хорошу справу хочеш зробити, хлопче. Але дорога буде не дуже легка. Не страшно?

— Звичайно, я хвилююся й боюся трохи, бо я ще ніколи не керував кораблем. Але як я подумаю, що той нещасний хлопець сидить на острові сам-один і не може повернутися додому, мені стає його шкода більше, ніж страшно. Тим паче, всі жителі на мене дуже сподіваються, бо з них усіх я один знаю, що де розташовано у цій кульці.

— Добра ти людина. Знай, якщо в дорозі станеться з тобою якась біда, — я прийду тобі на допомогу.

Крабик побажав хлопчику удачі, попрощався з ним і повільно поповз до води.

Коли Михайлик повернувся, тубільці уже переносили на корабель провізію (оливки, морську капусту, заморожені каракатиці, мідії, манго, ананаси й прісну воду). Згодом усе було готове до відплиття. Мати зниклого мореплавця на дорогу дала хлопцеві амулет — фігурку кита з яшми, на якій було витиснене ім'я «Михайло».

Попрощавшись із тубільцями і прийнявши від них побажання щасливої дороги, хлопець вирушив у подорож.

Перші три дні плавання пройшли спокійно. Легкий, ласкавий попутний вітер надмавав парус корабля і гнав його вперед, а Мишко тільки повертав кермо і милувався підводним світом.

Четвертий день подорожі почався так само спокійно. Проте десь опівдні хлопець став помічати, що вітер усе сильнішає. Спочатку він не звертав на це особливої уваги, але згодом десь удаліні почувся якийсь дивний шум, а море дещо скаламутилося. І чим далі корабель просувався, тим більше наростав цей шум і каламутилася вода. Михайло

вирішив залізти на щоглу подивитися, чи не видно на горизонті того, що викликало такі зміни. Коли він нарешті здерся вгору, розпрямився й оглянувся, його пройняв жах: адже корабель несло прямо у вир! Заплутуючись ногами у сітці, Мишко поспішно спустився донизу, згорнув парус і крутнув штурвал уліво. Корабель практично ліг на один бік, але проти потужної сили виру він здавався горіховою шкарлупкою, яку вода крутила на всі боки й невпинно засмоктувала всередину.

Михайлик зрозумів, що він уже ніяк не втече від виру, тому вирішив скоритися долі («Це ж казковий світ — тут не може все закінчитися погано», — подумав він). Він заніс усі речі, які лежали на палубі, у трюм, щоб їх не змило, а сам заради безпеки зачинився у своїй каюті. Тільки-но хлопчик це зробив, як корабель закрутило проти годинникової стрілки — він потрапив у вир. Щоб не впасти, Мишко сів на підлогу і міцно схопився за ліжку. З часом сил у нього меншало, від безперервного кружляння ішла обертом голова, як раптом почувся потужний поштовх і корабель застиг на місці.

Оговтавшись, хлопець потихеньку встав і, тримаючись за стіни, вийшов із каюти. Не встиг він виткнутись на палубу, як з усіх сторін його обхопили за руки й ноги сильні щупальця...

Очуняв Михайлик у клітці. Оглянувшись, хлопчик побачив, що знаходиться він посеред площі підводного міста. На площі стояли розкішні палаци з рожевого каменю, оздоблені бурштином і самоцвітами, а далі вздовж вулиць — невеликі, але міцні жовто-сірі хатки з туфу. Туди-сюди снували восьминоги — жителі цього загадкового міста.

Мишко почав стукати по пруттях і щосили голосити, щоб його випустили. Довгенько довелося потерпіти хлопцю, поки до нього не підійшли суворого вигляду вартові у бузкових мундирах і не понесли клітку до великої печери. Всередині печери на перламутровому троні сидів величезний восьминіг, обвішаний прекрасними різнокольоровими мушлями. Голову його прикрашала срібна корона, оздоблена перлинами, які переєливалися рожевим і блакитним кольорами. Це був король того міста, у яке потрапив Михайло.

— Гей, людська істото, — звернувся король до хлопчика, — хто ти такий?

— Схилися перед королем, швидко, — зашепотіли Михайлику вартові.

— Мене звати Михайло, — почав свою відповідь хлопчик, послушавшись вартових і слиннувшись. — Я господар кульки, у якій ви живете. Раніше я був великий, а потім раптом став маленьким і опинився тут всередині.

— Як ти дістався мого моїх володінь? Тебе хтось послав шпигувати за нами?

— Пробачте, вельмишановний пане королю, але я опинився тут не зі своєї волі — мене засмоктав вир. І в мене й на думці не було робити вам щось погане. І ніякий я не шпигун. Я плив на кораблі, щоб урятувати одного хлопчика, який застряг на далекому острові й не може повернутися додому, і раптом мене засмоктало до вашого міста. Відпустіть мене, будь ласка.

— Нікуди я тебе не відпущу! — проревів король. — Не кожного дня до нас усмоктує вир хлопчиків, які стверджують, що можуть змінюватися у розмірах. Це або брехня і ти насправді шпигун, або надзвичайне диво. Ні в першому, ні в другому випадку я не можу тебе просто так відпустити. Тож раджу тобі змиритися, що віднині ти — мій раб. На площу цього хлопака! — наказав владний восьминіг своїм слугам. — Нехай усі мої підлеглі помилуються цією істотою, яку ми впіймали.

На цих словах вартові підхопили клітку з хлопчиком і віднесли її назад на площу.

Мишко, бачачи, що йому не втекти звідси, уже впав у відчай, і йому нічого не залишалося, як поки що скоритися долі. Він сидів у клітці посеред площі, не маючи можливості сховатися, а навколо нього ходили восьминоги і роздивлялися його. Деякі намагалися дістати хлопчика щупальцем крізь ґрати. Дитині залишалося лише ухилитися з криком «Не чіпайте мене!». Михайлик не знав, як йому вибратися, і не бачив, хто б йому міг допомогти. Але несподівано допомога сама прийшла до нього. Поки він сидів у клітці, маленькі раки-відлюдники розповіли про його пригоду китам, а кити передали новину тому самому крабу, якого хлопчик свого часу врятував...

Наступного дня Михайло прокинувся від гамору, який зчинили вартові і місцеві жителі. Восьминоги метушливо снували туди-люди і повторювали на всі лади: «Королева їде! До нас королева крабів їде!» Через деякий час хлопець почув гуркіт, який наростав із кожною хвилиною. І от на площу вїхала карета (велика переливчаста бузкова мушля вишуканої форми), запряжена четвіркою морських коників. Кучером був знайо-

мий нам краб. Коли карета зупинилася, до неї підбіг восьминіг у парадному біло-золотистому мундирі, відчинив дверцята і подав королеві щупальце. Коли пані вийшла, до її ніг підкотилася червона доріжка, по якій уже йшов король-восьминіг зі своєю свитою. Підійшовши до королеви, він поцілував їй клешню і запропонував відвідати його палац.

У честь приїзду пані у палаці повелителя восьминогів влаштували бучний бенкет. Запросили навіть акторів, які поставили перед леді театральну виставу. Король восьминогів давно вже був закоханий у королеву крабів і сподівався колись завоювати її прихильність. Тому він був дуже радий, що пані завітала до його міста.

— Чим я зобов'язаний візиту великої донни до мого міста? — спитав під час бенкету король.

— Мене до свого царства запросив володар черепах. По дорозі я дізналася, що у вас з'явилася якась дивовижна людська істота. Ви знаєте, я жодного разу не бачила людину. От я і вирішила провідати свого сусіда й зупинитися у вас на день-два, заодно, якщо буде на це ваша ласка, подивитися на істоту.

— О, це дуже люб'язно з вашого боку. З вашого дозволу я зараз-таки проводжу вас до цього хлопака.

— Буду вам дуже вдячна.

Король підставив королеві щупальце, і вони поволі пішли до площі, де у клітці сидів Мишко.

— Який же він прецікавий! — вигукнула пані. — А що він може робити?

— Та ще не знаю, не випробовував його в ділі. Буду показувати його гостям, як екзотику. А ще він буде мені палац прибирати.

— Але я не хочу прибирати в палаці, я хочу на волю! — заперечив Михайлик.

— О, він мені подобається все більше й більше! Чи не можна було б у вас, ясновельможний пане, перекупити цього хлопчика?

Це питання поставило короля перед вибором. З одного боку, йому хотілося залишити екзотичного хлопчика в себе. Але з другого боку, він хотів здобути симпатію королеви, тому, подумавши трохи, вирішив заради неї пожертвувати хлопчиком.

— Осяйна донно, вам я його подарую просто так, адже поруч із вами будь-що втрачає свою ціну, — вклонився восьминіг і наказав своїй свиті випустити хлопця.

Королева погостювала в місті восьминогів один день, а потім, узявши з собою Михайлика, вирушила назад.

Коли вони трохи від'їхали, хлопчик почав просити пані, щоб вона його відпустила.

— Ох, пані королево, прошу вас, не тримайте мене у неволі. Від мене залежить життя одного моряка. Якщо я його вчасно не врятую, з ним може статися що завгодно!

— Не хвилюйся, Михайлику, я не збираюся тебе ув'язнювати. Навпаки, я тебе рятувала від цього самовпевненого гордія.

— Це дуже велика ласка з вашого боку. Я щиро вам дякую за свій порятунок. Якби не ви — я б, мабуть, і не вибрався звідти. Але як ви про мене дізналися?

— Подивись на мого кучера. Ти впізнаєш його? Це той самий краб, якого ти колись врятував. Дізнавшись від китів про твою пригоду, він розповів усе мені. Знаєш, якось мій сміливий кучер урятував мені життя. Їхали ми з візитом до країни дельфінів, як на нас напали розбійники з шаблями. Але цей вірний лицар не розгубився і мужньо відбив атаки негідників. Я давно хотіла чимось віддячити йому за свій чудесний порятунок, і от якраз з'явилася нагода.

За розмовами Михайлик незчувся, як карета дісталася острова, який хлопцю був потрібен. Він подякував королеві й своєму товаришеві крабу за допомогу й вийшов на берег. Обдивившись усе навкруги, Михась пішов углиб пальмової хащі, сподіваючись знайти юного мореплавця. Ішов він, ішов, і раптом почув, ніби десь праворуч хтось стругає дерево. На хвилинку хлопчик завмер, прислухаючись, потім навшпиньках пішов на звук. Сховавшись за пальмою, він визирнув і побачив юнака у матроському одязі. Той сидів на землі і вистругував собі палицю.

— Привіт, хлопче. Скажи, ти той моряк, який хотів дослідити місцевість, але потерпів аварію? — привітався Михайло, вийшовши з-за пальми.

— О! — від несподіванки юнак скочив на ноги, кинувши свою палицю. — Так, це я. А ти хто? Як ти мене знайшов?

Мишко розказав мореплавцеві про свої пригоди.

— Ти справжній сміливець! Я захоплююся твоєю відвагою. Тільки вибратися звідси буде дуже непросто, — сказав мореплавець.

— Чому? Ми знайдемо твій корабель, поремонтуємо його так-сяк і рушимо.

— Ет, усе набагато складніше, ніж ти собі уявляєш. Щоб відремонтувати корабель, його треба дістати, а він лежить на дні моря за два кілометри звідси. Але є один незвичайний спосіб зробити так, щоб він сам виринув і приплив до берега. Для цього я дістав сік кусючого дерева (ти навіть не уявляєш, на які хитрощі я мусив піти, щоб зробити це), невидимі водорості (вдень-то їх видно, але вночі вони стають прозорими, як кришталі, а зривати їх треба якраз після заходу сонця) і опівнічну воду.

— А що це за вода?

— Опівнічну воду треба було зачерпнути з моря у ту ніч, коли народиться молодик і стане прямо над цією пальмою, яка вища за всі інші.

— Ого! Оце так! А що ще треба?

— Потрібно все це перемішати і додати туди трохи зіркового пилу. Він залишається після того, як зірка упаде. Я вже майже рік дивлюся на небо вночі: багато зірок упало — але жодна на мій острів... — сумно зітхнув мореплавець.

Михайлик теж засумував, але раптом його осяяла здогадка.

— Почекай, а це не те, що нам треба? — радісно спитав хлопчик, дістаючи з кишені зірковий пил і насипаючи його у суміш.

Раптом усе задвигтіло, по морю пішли великі хвилі і... на обрії з'явився корабель, який плыв прямо до острова!

Обоє хлопців зачудовано дивилися на корабель, поки він не опинився біля самого берега. Вони, радісно скрикнувши, піднялися на борт і відпливли.

На третій день подорожі Михайлик і мореплавець дісталися скелі, усередину якої вела печера. Вони туди заірнули. Спочатку було дуже темно, потім десь далеко з'явилася світла цятка. Вона потихеньку наближалася, перетворюючись на великі сяючі ворота. Їхній блиск вдарив Мишкові в очі. Від несподіванки він скрикнув і... прокинувся у себе в кімнаті. За вікном світало. „Який дивний сон мені наснився, — подумав хлопчик, знову засинаючи, — треба буде розказати його братові...”

А у кульці, яка стояла на столі, біля берега гойдався на хвилях корабель, а на його палубі стояв усміхнений моряк-дослідник.

Харьков

Владимир КОВТУН

О ПОЛТАВЕ И ПОЛТАВЧАНАХ

Я давно живу в городе Харькове, и раз в году езжу к себе на родину в Полтаву. Это не так далеко, всего 140 километров. Туда можно ехать поездом, автобусом или своей машиной, что раньше я и делал. Каждая поездка — это перманентная пьянка с родными и друзьями, как всегда и происходило, а потом, если ехать на машине, на обратной дороге приходилось дрожать, проезжая мимо постов ГАИ, имея такой алкогольный выхлоп. Раньше мы ездили с женой, а когда она стала неблаговерной, мы разорвали отношения, и теперь я еду вольной птицей. Сейчас стало проще, маршрутки ходят каждый час. Сел, два часа, и ты на месте. Естественно, я выбрал такой вариант. Ехать пассажиром по давно известной дороге скучное времяпровождение, а когда немного выпьешь, совсем другое дело, комфортно душе, не скучно, и мысли в голове самые положительные. Со мной сидела женщина из России, она ехала в Киев и добиралась туда с пересадками, как раньше сказали бы — на перекладных. Мы разговорились. Она была в Украине впервые, узнав, что я из Полтавы, вспомнила про известную поэму Пушкина, даже процитировала несколько строк, и попросила рассказать о городе. По нынешним временам встретить молодую женщину, читавшую почти всего Пушкина, сейчас большая редкость, видимо со мною рядом сидел филолог, тогда ее интерес был понятен, но я не стал выяснять эти подробности. Конечно, куда мне до Пушкина, я решил, шутки ради, ее немного развлечь, построить свой рассказ в романтическом стиле, добавив своей иронии, а там уже как получится. Все равно в дороге делать нечего. Микроавтобус, или бусик, как его ласково называют, уверенно глотал ленту дороги, покачиваясь на неровностях, за окном мелькал пейзаж, знакомый как собственный двор. Я вроде и не успел оглянуться, а мы уже пересекли границу областей. Тут я и начал свой рассказ.

— Посмотрите в окно, пошла полтавская земля. Она так пропитана историей, как старинные церкви молитвами своих прихожан. Кто только не гулял по ней, начиная со скифов, сарматов и половцев. Даже далекие шведы, и те наследили, оставив ей свои могилы, да пожалуй, странным образом, еще и цвета своего флага. Он у них тоже «жовто-блакитный», то есть, желто-голубой. Это моя родная земля! Она такая, что ее, как черную икру, можно намазывать на хлеб. Весной на ней прорастает карандаш, забытый прошлым летом кем-то в саду, и из него появляются графитовые листочки. Это земля казацких полков и пьянящей вольницы. Даже муравьи, живущие здесь, такие независимые, что никогда не ходят строем. Помимо роскошной зелени, что растет здесь, на ней рождаются талантливые люди. Она дала миру больше знаменитостей, чем любая другая украинская земля. Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть Википедию. А кто туда не попал — тоже талантливы, просто об их способностях не принято писать в серьезных изданиях. Весна дарит земле тепло, будит надежды на уютное лето, на хороший урожай, на другие радости жизни, и вообще, мало ли на что еще. Лето буйствует зеленью, ароматами цветов, зреющими плодами, а в конце приносит удовлетворение от сбывшихся надежд, если таковые случились, от урожая и вложенного труда. Осень меняет торжество жизни на легкую грусть, на туманы и дожди, и появляются другие краски. На землю падают золотые листья, как золотые медали, в награду за ее доброту и бесконечную щедрость. Один дикий виноград краснеет от стыда, что ничего не принес людям. Ближе к зиме дуют холодные ветры, выдувая из душ теплоту бабьего лета и осеннюю грусть. Зима засыпает ее снегом и охраняет покой до самой весны. Так и катится колесо жизни по полтавской земле.

Полтава — это украинский город российской и украинской славы, это осколки общей истории, собранные в одном месте. За размерами и по численности проживающих она такая же, как Женева, мелочь, а приятно, хоть каким-то боком приблизиться к швейцарскому благополучию. На этом, к сожалению, сходство заканчивается, а жаль. Город стоит на большой горе. Застройка его не хаотичная, как у старых городов, а плановая. От середины города улицы расходятся лучами, а потом уже приспособляются к рельефу местности. Центром этого плана является большое кольцо, застроенное в

классическом стиле большими зданиями с колоннами и портиками одинаковой высоты. Посреди кольца разбит парк с аллеями и клумбами цветов, а в центре — монументальный памятник в честь победы над шведами. Это чугунная колонна, стоящая на пьедестале в виде гранитной усеченной пирамиды, обрамленная пушками с поля боя, сверху колонны восседает золотой орел с лавровым венком в клюве, прославляя защитников города и победителей в той войне. В городе много памятников, скверов и парков, он очень зеленый. Ко всему, чем знаменита Полтава, приложили руку архитекторы еще дореволюционной поры, а сейчас она, как пожилая женщина, что хочет сохранить свою былую красоту, следит за собой, вовремя красится и поддерживает свои прелести в приличном состоянии. Есть в ней одно место, которое притягивает к себе всех, и горожан и туристов. Это конец главной улицы, оси городской застройки, на ней стоит белая беседка в виде подковы, что лежит на греческих колоннах. За этой беседкой — гора, где старая Полтава заканчивается и резко уходит вниз, и открывается панорама на реку Ворсклу, что течет далеко внизу, на нижнюю часть города — Подол, дальше на леса, уходящие в даль, в синеву, к линии горизонта. А слева виден монастырь, стоящий на макушке соседней горы подпоясанный железной дорогой. Глядя на все это, так и хочется встать спиной к беседке, расстегнуть пиджак, взять его полы, поднять их как крылья, сделать шаг вперед и полететь в это царство воздуха, красоты и манящей бесконечности. И стать птицей, большой птицей, чтобы не махать крыльями, а парить над всем тем, что лежит внизу, с осознанием высоты своего неожиданного вдохновения и бесконечности пространства. Полтава знаменита не только своей землей, историей и архитектурой. Полтавский «суржик» тоже редкое достояние, он применяется в русской литературе как изюм в сдобной булочке. А обладателями этих словесных украшений являются полтавчане. Они такие же колоритные, как их язык. Чтобы не быть голословным, приведу пример. У меня есть друг, он же кум, родом со всемирно известной деревни Диканька. Рослый ухоженный мужчина, черноволосый, с казацкими усами, всегда серьезный на вид и, как пела Алла Пугачева, «ну, настоящий полковник». Всё, что должно быть у украинца, в нем было, и было много, он говорил мало, но говорил смачно. Был большим патриотом, любителем женщин, и работал на заводе мастером. Его жена, вторая по счету, работала там же, в другом цеху. А так как на заводе женщин было много, то дразнить его мужское самолюбие было кому. Жена, конечно, узнавала о его «блуднях» и устраивала скандалы, на что он отвечал: «Нэ крычи, мэнэ й на тэбэ хватить». Я как-то спросил его о причине развода с первой женой, на что он ответил: «Скільки змию нэ кормы, з нэи свиню нэ выкормыш». А о кошке, что издавала призывные мартовские звуки, с сочувствием и знанием дела сказал: «То хуже, чым болить». Как любой нормальный мужчина, употреблял горилку и по этому поводу заметил, «Як выпью, начэ ангел на душу сядэ». Во время рассказа попутчица приняла мою игру, иногда перебивала меня, желая что-то выяснить, вставляла свои пять копеек, смеялась над моими цитатами и сравнениями, совсем раскрепостилась. И если правду говорят, что чужая душа потемки, то, наверное, у нее в этом месте тогда было утро, и видно было, что там, на дне, ничего плохого нет, — так, всякие женские хитрости, — и она все больше нравилась мне. Однако, по моему, ей нет еще и тридцати, а мне уже за сорок, и такая арифметика мне не нравилась. Правда, цифры — это одно, а живой человек, сидящий рядом — это совсем другое, и я продолжал:

— Полтава красивый уютный город. В нем есть все для жизни, даже спокойная река под боком — живи и радуйся. Но не все так просто, как на первый взгляд кажется. Со всем не случайно на этой земле родился Гоголь. Тот воздух, которым дышал Николай Васильевич, никуда не подевался, его отнесло ветром в сторону Полтавы, и сейчас им дышат все полтавчане. Наверное, поэтому в городе происходит нечто необъяснимое и, как результат, в нем не может храниться ни одна тайна, будь то военная или семейная, или любая другая. Как только открывается сейф или другое надежное место для хранения, тайна превращается в новость, как гусеница превращается в бабочку. Эти бабочки-новости разлетаются в разные стороны, набивая в свои крылья пыльцу ветреных фантазий, и летят преимущественно к скоплению людей. Наибольшее скопление людей — это базар. Здесь они размножаются, видоизменяются и проникают в местные «социальные сети», которые тут называются «Ля-Ля». В городе так и говорят: «пойду полялякаю», поэтому полтавчанки и посещают его. Ни одна уважающая себя женщина, а они себя уважают, не пропустит возможность хотя бы раз в неделю сходить на базар.

Через Ля-Ля они обмениваются новостями, а каждая новость уже превращается в факт, который потом невозможно оспорить ни в каком суде. Эти факты вызывают разного рода колебания предметов на кухне, кошельков, облегчая их содержимое, а иногда и перемещение людей в пространстве. Поэтому в Полтаве всегда что-то происходит, а еще в это вмешиваются какие-то законы, количество переходит в качество или, например, единство борется с противоположностью. Так образовывается симбиоз науки и мистики, и из-за этого многие атеисты становятся верующими, а верующие — атеистами. Что касается мужской части населения, то об этом стоит поговорить отдельно. В Украине бытует поговорка «где два украинца, там три гетьмана». До сих пор никто не поставил под сомнение правдивость этого утверждения. А теперь представьте, сколько гетьманов живет в Полтаве? Кто-то мечтает занять настоящую булаву, кто-то носит камень за пазухой, кто-то, лежа на диване, строит себе дворец, а у кого-то, в душе тлеют нереализованные способности, так они и живут, не зная себе цены, правда, для этого в наше время появились и другие причины. То ли у Настрадамуса было плохое настроение, когда он писал свои Катрены, или баба Ванга что-то напутала по знанию географии, что, в принципе, объяснимо, ведь она была слепая, или какой-то ворон накаркал, но для нас настали смутные времена. Не только для полтавчан, для всего царства-государства. Как то бысто и бескровно поменялась власть. И не только она сама, а и остальной жизненный уклад. Большие заводы, где трудились горожане, стоят, а некоторые даже лежат, потому как в них не осталось не только начинки, а и части зданий. Кто имел возможность и желание уехать, покинули город, а кто остался — живут, как могут, и уже не ждут милости не только от природы, но и от государства. Оно, наверное, и правильно, потому как это пустое занятие. А между тем, в людных местах у некоторых пропадают кошельки, по ночам из припаркованных машин вытекает бензин и не только, а и более твердые предметы, в частном секторе улетают куры и, как ни странно, даже кролики. В отсутствии хозяев в квартирах появляются какие-то гости и берут себе на память дорогие вещи, а на улице, в темноте, а бывало и днем, у вас могут взять при помощи нехитрого приема вашу сумку, цепочку, серьги или кольцо, или что там у вас еще есть, потом вам будет легче идти, а, может, и лежать. Занимаются всем этим самые разные люди, оно и понятно. Как там Пушкин писал: «Любви все возрасты покорны». Он про свое, а я про другое, я имею в виду любовь к чужому добру». О Полтаве еще много чего можно было бы рассказывать, да вот оказия, мы уже приехали на автовокзал.

На правах воспитанного полтавчанина я проводил свою российскую попутчицу к кассам, показал, где посадка на Киев, попрощался и пошел на троллейбусную остановку. Прошло совсем немного времени, как передо мной появилась моя спутница и заявила:

— А вы знаете, вы такой интересный рассказчик, хотя в конце и начали меня пугать, что я решила остаться и посмотреть Полтаву, если вы, конечно, не откажетесь, и будете моим гидом. А с вами мне совсем не страшно. Когда мне еще представится такой случай?

СОБАЧЬЕ СЧАСТЬЕ

Василий Степанович, пенсионер со стажем, будучи уже в перезрелом возрасте, почти с апреля по октябрь два последних года жил исключительно на даче, и не потому что не любил свою квартиру. В ней было все как у всех, хотя, когда они с женой ее обживали, по-другому и быть не могло. Его натура желала индивидуальности, а не растрированного однообразия, потому что в душе он был художником. Для этих переездов были и более веские причины. Жена умерла два года назад, сыновья разъехались — один в Польшу, другой в столицу, и ему стало совсем неуютно одному в своей квартире на пятом этаже старой пятиэтажки. А на даче земля прямо под ногами, никаких тебе лестниц, такое приятное окружение буйствующей зелени, целебный воздух, по утрам птицы поют, а главное — есть чем себя занять, что особенно важно и полезно в таком возрасте, а в некотором роде даже выгодно.

Что касается дачи, то на этом следует остановиться подробнее, так как она того заслуживает. Еще в середине восьмидесятых Василий Степанович стал членом садового

товарищества и получил в пользование на холме, возле леса, где отродясь не возделывалась земля, вожаденные шесть соток. Это было осенью. За зиму он все продумал и распланировал на бумаге, а весной набросился на свой участок, как голодный волк на ягненка, стал осваивать целину, сажать деревья, кусты, огород и заниматься другим благородным делом. Потом дошла очередь и до построек. Главным из них, конечно, был дом, и задумывался с условием, что не должен быть похожим на квартирное жилье. А как планировался, так и был исполнен.

Строил долго, все делал своими руками по причине скудного финансового ресурса, как сейчас говорят о деньгах, а вернее об их отсутствии. Получилось строение в полтора этажа: две комнаты с кухонькой, верандой, камином, щитами и решетками на окнах и хитрыми дверными запорами. Потолков в комнатах, в привычном понимании, не было, они повторяли наклоны двускатной крыши, а та, в которой был камин, получилась необычной, в ней было много воздуха и пространства, и она располагала к романтическому настроению.

В лихие девяностые, когда Украина только отчалила от союзного причала, дачи обносили регулярно, каждую зиму, а эта выстояла, сохранила свое добро, хотя брать там было нечего, разве что посуду да постельное белье. Это уже потом в доме появились, как считал хозяин, некоторые ценности. Одна из них — роскошное шелковое, с желтой бахромой, красное знамя, размером с покрывало на большую кровать. На одной стороне было написано: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», а на другой: «Переходящее красное знамя. За выдающиеся успехи в социалистическом соревновании». Оно досталось ему в подарок на день рождения от старого друга в вечное пользование, и уже безо всякого соревнования.

А второй ценностью была большая коллекция пустых бутылок из-под спиртного самых разных форм, цветов и размеров, он собирал её лет десять с самого начала капитализма, или по-другому — рыночной экономики, как его стыдливо называли власти. Коллекция демонстрировала неисчерпаемость человеческой фантазии и торжество конкуренции над плановой экономикой, располагалась в «каминной» комнате на полках под самым потолком и была весьма необычным украшением этого пространства.

Речки или пруда поблизости товарищества не было, дороги хоть с каким-то покрытием тоже. Энтузиасты-основатели вроде Василия Степановича частью померли или были немощны работать на земле, достойной замены им не нашлось, и товарищество захирело. Появилось много брошенных участков, поросших бурьяном. Иногда приезжали какие-то люди, которых старик не знал: то ли наследники, то ли новые владельцы — публика выходного дня, а так общаться почти уже было не с кем.

Истосковавшись за зиму по живой природе и перебравшись на дачу, старик вставал рано, варил себе чай на травах прошлогоднего сбора, садился на веранде, смотрел на акварельную голубизну утреннего неба, на молодую изумрудную зелень, покрывшую землю, на солнечный диск, появляющийся из-за горизонта, и наблюдал, как творится обыкновенное чудо — рождение нового дня. Затем брал свой табурет, приспособленный для работы на земле — нужный инструмент, и перебирался в огород, потому как руки еще куда ни шло, а ноги и спина уже не годились для стоячей работы. Таким способом он возделывал свой огород в надежде на будущий урожай и попутно «нагуливал» аппетит. В обед отдыхал, а когда спадала жара, снова ковырялся в земле, по вечерам читал толстые журналы советского времени или слушал приемник. Жаркими ночами, когда казалось, что Украина уже находится в Африке, а ночь не приносила желанной прохлады, Василий Степанович укрывался своим шелковым знаменем и часто вспоминал парады, демонстрации, красные уголки, флаги и транспаранты, сомнительных вождей, превратившихся в идолов, спесивых чиновников, помпезность партийных праздников и прочую коммунистическую мишуру. Все это оказалось теперь ненужным ни государству, ни обществу, и ему становилось досадно, что это случилось так поздно для него, что жизнь прошла, и сил уже нет ни на что серьезное.

Как-то старик засиделся на веранде до сумерек и случайно высмотрел для себя нечто новое. Из соседнего заброшенного участка по тропинке к дому, не спеша, с хозяйским видом топал ежик в надежде что-нибудь поесть. Найти еду у него не получилось, но Василий Степанович сделал вывод и поставил под сарай миску с объедками, как-никак, а живое существо, тоже есть хочет. А утром во время своего чаепития увидел собачонку. Та через дырку в заборе забежала на участок, быстро нашла миску с едой,

поела в свое удовольствие и ушла обратным порядком. Пришлось старику опять наполнять миску. На следующий день все повторилось, и у Василия Степановича появилась еще одна забота — подкармливать проходящую дворняжку. У собачонки такое харчевание вошло в привычку, теперь она появлялась уже не с поджатым хвостом, мало ли что может случиться на чужом дворе, а с закрученным кверху, как надкушенный бублик. Так продолжалось недели две, а, может быть, и больше.

Однажды вечером, или по старческой забывчивости, или по другой причине, старик не наполнил миску, а утром уже по привычке прибежала собачонка за своим завтраком и обнаружила пустую посудину. Вместо того, чтобы убежать в расстроенных чувствах, она села возле миски и стала ждать, когда ей подадут. Увидев это, старик взял кастрюльку со вчерашним супом и пошел кормить пришлую животину, та не убежала, а отошла в сторону. Василий Степанович рассмотрел ее поближе, а она старика. Собачонка была рыжая, короткошерстная, молодая, величиной с таксу, но лапки стройные, длинные, ушки висячие, а мордочка темнела к носу почти как у овчарки, и оказалась кобельком. В общем, плод свободной собачьей любви, а не какой-то там плановой вязки. Это знакомство имело свои последствия, как для старика, так и для песика. Утренний пришелец стал появляться и по вечерам, и уже совсем не опасался Василия Степановича и даже при случае разрешал себя потрогать. Старик спрятал свою старую кастрюльку, достал другую, большую, и стал уже куховарить на двоих.

По приемнику передали перемену погоды, обещали дождь, которого так ждало все живое, что росло на земле. Ночью забарабанило по крыше, а потом полило без остановки. Утром встреча нового дня по причине дождя отменялась, но посмотреть на его работу стоило. Старик вышел на веранду и увидел песика, тот лежал в углу и смотрел на него вопрошающим взглядом. Это был уже знакомый пришелец и, похоже, теперь претендовал на роль постояльца. Василий Степанович подошел к нему, погладил, потрепал за холку, а пес словно ждал этого, стал ластиться, вилять хвостом, наверное, впервые чувствуя доброту человека. Старик снял с вешалки старую куртку и постелил собачонке. Теперь пес спал на веранде. Они постепенно привыкали друг к другу, пес предлагал свое общество, а старик с удовольствием принимал его, и они совсем сдружились к обоюдному удовольствию. Рыжик, как его назвал старик, наконец, нашел свое собачье счастье — хозяина, пристойную еду и собственную территорию. А Василий Степанович — живое понятливое существо, преданное, как это принято у собак, и друга, с которым можно поговорить и не ощущать своего одиночества. Собака внимательно слушает, возражать не станет и дурного не скажет, потому что не умеет.

Заимев хозяина, и всего что к нему прилагается, Рыжик не забыл своих бродячих привычек. После завтрака оббегал территорию товарищества на предмет добавить что-нибудь в желудок, делал то же самое вечером, а между этим сидел возле старика или лежал в саду в тени под деревом, от жары высунув язык, и держал все под своим контролем. А как же иначе, и служба, и дружба обязывают. Это лето выдалось жарким для этих мест. К обеду, когда особенно припекало, старик брал старое одеяло, пару толстых журналов и устраивался в саду. Тогда Рыжик переходил поближе к хозяину и ложился рядом, подчеркивая этим свою преданность. Когда Василий Степанович засыпал за этим занятием, что случалось довольно часто, песик своим большим языком облизывал его вспотевший лоб, уши, а потом и все лицо. Старик просыпался, хватал собачонку за лапу или за мордочку, тормозил и отстранял от себя. Рыжик вскакивал, хватал старика за штанину и предлагал таким способом игру в «ну-ка, догони», что было Василию Степановичу явно не по возрасту. Заканчивалось обычно это тем, что старик брал Рыжика подмышку и нес в душ, что был пристроен к сарайчику. Песик стоял под струйками воды, зажмурил глаза, млел от удовольствия, прохладаясь в жару, радовался такому вниманию хозяина и своему вольготному существованию. Бывали случаи, когда кто-то из бродячих, кошка или собака, заходили на участок, вот тогда Рыжик показывал им, кто здесь хозяин, бросался к ним и лаял во всю свою маленькую мощь, не взирая на размеры непрошенного гостя, пока тот не покидал его территорию.

Лето, как праздник жизни, подходило к своему завершению. Ночи стали прохладными, а осенние ветры уже дули в спину теплу и комфорту этой поры. Старик вечерами стал разжигать камин, доставал графинчик с настойкой, садился у огня и разговаривал со своим другом, делился невеселыми мыслями, а тот лежал у его ног, смотрел на хозяина карими глазами и старался понять, о чем тот говорит, и что значит эта грусть?

Глухими ночами, когда не спали только сверчки, Василий Степанович все чаще просыпался и никак не мог решить свою основную задачу — как быть со своим четвероногим другом? У него по жизни не было собаки, и он никогда не думал, что так крепко можно прирасти душой к этому существу, а потом взять, и оторвать его от себя по-живому. И как быть потом со своей совестью? А это не аппендицит, ее нельзя вырезать. Вся загвоздка была в том, что собаку каждое утро надо выгуливать, иного не придумаешь, а с большими ногами да пятым этажом это будет хождением по мукам. А если придется лечь в больницу, на кого его оставлять?

Так старик и мучился, пока, как он думал, не нашел решение этой задачи. Осень уже вступила в свои права и хозяйничала на земле. Огороды облысели, пожелтели листья, пожухлую зелень — уют прошедшего лета — стали сжигать на кострах, и «дым отечества» в безветрие органическими трубами поднимался к небу. Пришло время закрывать дачу и перебираться в город. Старик достал свой телефон и стал разговаривать с кем-то другим, а не с Рыжиком, как это обычно было, и пес почуял что-то недоброе. Свои «Жигули» Василий Степанович давно продал, а гараж в кооперативе сдавал в аренду, хоть и не большая, а прибавка к пенсии. Возил его на дачу одноклассник и друг младшего сына, что жил в соседнем доме. Ближе к вечеру подъехала машина.

— Здравствуй, Василий Степанович!

— Здорово, Леша!

— Как вам тут жилось?

— Хорошо!

— Да ты, я вижу, тут не один.

— Да, это теперь мой друг, пришел весной знакомиться, да так и остался, вот теперь мы вдвоем.

— Будем куда-нибудь заезжать или сразу на зимние квартиры?

— Давай в гараж, надо решить один серьезный вопрос.

— Ну, раз так, поехали в гараж.

Для Рыжика вольница дачной жизни закончилась, он лежал на коленях у старика и, вытянув шею, смотрел в окно, как за ним проплывали места, где прошло его сознательное существование, а Василий Степанович все гладил своего четвероногого друга. Подъехали к гаражам.

— Леша, ты езжай, спасибо тебе, я домой сам дойду.

Машина уехала, а старик с Рыжиком подошли к сторожке. Он взял песика на руки и открыл дверь.

— Здорово, хлопцы, я тут вам помощника привел. Пусть поживет у вас до весны. Не смотрите что маленький, он смывленный и послушный, его Рыжиком зовут. А я буду его проведывать, с председателем договорено, он в курсе.

— Ну, раз так, тогда оставляй, — сказал дежурный.

— Подержите его в сторожке пару дней, пока привыкнет, а там освоится и не убежит, если нормально кормить будете.

— Да тут корма хватает, водители носят харчи нашим собакам.

— Ну ладно, бывайте.

Василий Степанович последний раз погладил своего друга и опустил на пол.

— Придержите его, пока я выйду.

Старик шел по дороге своим гусиным шагом, неся еще и тот камень в душе, который оставил ему вместо себя его последний друг.

Прошло совсем немного времени, пока какой-то водитель не зашел к дежурным платить за стоянку. Рыжик выскочил в открывшуюся дверь и помчался за стариком, догнал, стал прыгать на него в надежде облизать, крутиться и повизгивать, в общем, демонстрировать такую радость, будто они не виделись давно, и вот только теперь встретились. Старик остановился в полной растерянности. На его лице был такой вишнегрет чувств, из которого невозможно было определить, чего же больше — радости или жалости к себе, облегчения или печали, или смирения перед жестом судьбы, указывавшей ему, как должно быть. Они пошли вдвоем теперь в другой дом, старик впереди, за ним Рыжик, своим маленьким телом прикрывая путь к отступлению, мало ли что вздумается хозяину в таком возрасте.

Харьков

ДЕНИЗА

ПРИХОЖУ НА ПОКЛОН, НА РАЗГРОМ, НА ИСПОВЕДЬ...

*

Бо я час, і мене згаяно.
Бо я дерево, і на мені сонце повисло.
Бо я гасло, і не мене вчили, як гинути.
Бо я твоя кривда, і зараз не час прокинутись.

І як голі зірки залягають над ясенем,
І як вітер знімає обпіки з його пальців,
І як міцно обіймає земля щасливих і безпорадних,
І як міліють ритми сердець, я так ніколи не спочиватиму.

Бо як мине їхній сон, мої вікна щільно запаяні;
Бо як сонце на трави зтікає, стають вони полум'ям;
Бо як сходить журба, пожинають її сім'ями;
Бо як надходить смерть, то забирає усіх з повинню.

Бо я виделка і ніж, і рушниця, і м'ясо вбитого;
Бо я крик над рощею й лісом, площею й містом розлитий;
Бо я нестача і піст, і той, кого не насити;
Бо я твоя та кожного з них і нікуди я не подінуся.

Бо я час, тож хапай наче зброю руки мої.
Бо я дерево, тож хапай наче шлюбний танок рухи мої.
Бо я гасло, тож хапай моє серце, та далі — крокуймо.
Бо я твоя кривда, тож хапайся за слово, поки нас до кінця не згаяно

*

Сердце твое сломалось о ведро самогона,
Разшиблось яйцом о сковородку.
Лёгкие затанцевали, ты не успел и ойкнуть,
Как танцуют те, кому жить давно уж не больно.

Пока двери предсмертно запаяны новомодным сезамом,
Ты палец за пальцем теряешь свою осязаемость
И квартира живёт тебя от ванной до кухни через парадную,
И стены жуют плакатами тех, кто должен бы радовать.

И когда останешься последним в календаре юбиляром,
Что останется в захудалых твоих капиллярах?
Закинешься наскоро просроченным мартом
И с ковра да на плитку по протореной, по накатанной.

А танцоры в груди, совсем как по Вырыпаеву,
Обведут изнутри красным маркером свое голодание.
Сердце твое не жвачка — плевков гортанный,
Что на морозе превращается в оборванца:
Хрупкое, бессмысленное "а мне и не надо"

*

Где-то там, за ее волосами

начинается небо. И боги говорят
между собой голосами
наших возлюбленных.
И смеркается у самой смерти в глазах,
когда она поет в свои губы и ноздри,
она может дышать сама
Собой.

Где-то там, за ее лопатками
находятся ласточки и теряются щеколды у всех дверей,
она покрывает изморозью травы точно лаком
и никто не откажет ей в ее мастерстве.
Она пускает бабочек из головы, но они всегда возвращаются к ней
В сон.

*

Почему для счастья тебе нужны чьи-то губы?
Почему для поддержки — чьи-то руки?
Прислонись к двери, разведи руки, разомкни губы
И сложи их в песню.

Зачем тебе невод?
— Ты рыб боишься. Зачем тебе повод?
— Ты просто любишь.
Твой голод распухнет в горькое слово
И оводом
Улетит жалить.

Зачем тебе жалость?
Твои ногти под обоями не поместишь.
Не по мести, не по масти, зато по крови —
Оба — уже обойма.

Покрой голову, пока настолько
Уместен прах будущего,
Не настоящего,
Не вашего
Же.

Раздвинь диван, разложи страждущих —
Ровно столько в тебе желания.
Ровно строит только понимание,
Никаких музыкальных, никаких музыкальных, никаких музыкантов

Не надо —
Вы сами лады и струны,
Под вами грунтом подвалы, развалы союзов, развалы и схождения
Механизмов, похожих на вас самих.

Змеи с отрубленными головами,
И те продолжают
Двигаться.
Бери пример с папируса —
Сохранись, схоронись от эроса.
Верность. Твоя верность —
Последнее, чему не научишься. Выброси.
Выброси лишнее и научись с этим жить.

Хруст твоего хребта достаточно честный,
Чтобы снимать кресты, чтобы снимать с крестов,
Класть на диваны рядом праведников и лжецов.
Рядом с собой.

В обоях хватит таких бойцов,
Как ты,
Как тысячи ртов,
Готовых работать словом.
Ласково огради гроно от плевел.
Только время.
Общее только время.

Разверни руки, разложи толпы,
Размозжи тормоз — он же не нужен —
Разомкни губы
И сложи их в песню.

*

Прихожу на поклон, на разгром, на исповедь,
Чтоб хоть раз душу свою от корней высветлить.
"И если совсем не простите, — прошу мысленно,—
То выйду отсюда совсем голой, без голоса, лысою"

Она говорит: "В поисках силы прикасался к почве Антей,
Но ты знаешь, кто на брюхе ползет за тобой по земле.
Зачем тогда над тобой небесам призывно гореть,
Если ты планомерно выбираешь для себя смерть?"

Ещё она говорит, что любовь стерпит всё,
Что любовь не проигрывает, что любовь это выбор, право, закон,
Что любовь не завидует, не настаивает на своем,
Любовь не кончается, если кончается сон.

Потом говорит, как сама бывает грешна,
Как хочется в церкви о ком-то долго в слезах лежать,
И сколько ты не живи и бога в других не приумножай,
Иногда свой труд нестерпимо, без меры жаль.

Как ухаёт сердце, когда на пороге сын,
Как гремит за душой чей-то беспокойный цинк,
Как за наши успехи счастливой волчицей выть,
Как тяжело из крупы каждый раз выбирать жизнь.

Я иду, надо мною ворочаются небеса.
Кому-то сегодня любить, кому-то попасть впросак.
Обещанья себе проносятся запахами в волосах,
Дорога идет вверх, мы не станем ее бросать.

*

Уклоняюсь от смеха,
Укоризненно белый
Стою посреди маскарада.
Ты — рядом

С приставкою "не"
Со мной.

Больней,
Чем солёная правда
Арахисовых фонарей.

Хочется вы
Хочется вы
Выпасть и выспаться,
Тронутся вырваться
Тронуть и не в сердцах
Рассказать
О содеянном, веленном, беленном, веером, вечером, берегом
Не берегли
Увидим
Ся
?
Вряд
Ли
В ряду ли стояли,
Где состояли мы
В не состоянии
Без сострадания
Увидеть вокруг
чьи-
то
рты.

Опрокинутым тазом,
Разбавленным джазом,
По нервам и связкам
Сжованы мы —

Банальщиной будней,
Помятой посудой,
По черным забитым углам,
Простудно.

Под суд я
Под суд я
Под суд я

Пошел раздираемый белой
Косой переулка
На грубость и муку,
На смех и рассудок,
Огибаемый слухом
Прохожих,
Виднеются рожки
У фавнов
И мечется Вагнер
Над толпой маскарадной,
Ты рядом,
Но "не" со мной
Не подпускает поближе,
Мешает услышать
Мой крик

Я без
Лик

А
Рле
Кин

А
Рле
Кин

А
Рле
Кин

*

Навпростець
Крізь вилиці бога,
поміж його ідеальних зубів,
Витягаючи назовні скалічених та птахів,
Поміж білих домівок та чорних домовин,
Крізь дощ інформаційних хмарин,
Візьми й неси
Свої білі, як смерть, прапори на червоних гілках,
Виходи на болота, на траси, на бій та гукай.

Вона вийде.
Вона вийде понівечена, куца і зла
З голосом повним розбитого скла,
Прибере з подвір'я розчавлені кавуни,
В стару ганчірку загорне глечики
Із залишками сорому й вини.
В неї не буде крил.
В неї вже ніколи не буде крил.

Ви знову підете навпростець
Крізь зморшки Божої шиї,
Через паркани суцільної недовіри,
І там, де скінчилась щирість,
Будуть рости дерева,
Будуть палати оселі
Затишком, світлом і снігом,
Не дійшовши до верховини
Якщо залишаться сили
Зануритись в Боже серце ще глибше
Зупиніться.
Бо то будуть її останні вірші.
Бо то будуть твої останні мрії.

Дениза — это мое настоящее имя. Из настоящего еще во мне есть: фамилия, волосы, зубы и сны. Творческая личность, как не подступит: учусь на театрального режиссера, играю в плейбек театре, рисую, пишу и пою эмоции. Живу в Харькове и люблю поезда, чужие площади и Гребенщикова. И внимание. Уделите его стихам.

Харьков

Валентин ЩЕРБАНЬ**ЛЕТОПИСЬ ХАРТИЛОНА***Продолжение***ПОД ВОДНОЙ ГЛАДЬЮ**

Солнечный диск, поднявшись высоко над Хартилоном, ярко освещал раскинувшийся под собою мир. Если бы кто-либо мог задержать на нем свой взгляд, то непременно увидел бы на солнечном диске черты лица Тана Солнцеликого. Однако не было смертного, способного увидеть лицо верховного бога.

Тан же не уставал наблюдать за своим миром. Глядя вниз через дневное светило, он воплощал собою свет и тепло, которые жители Хартилона ассоциировали с жизнью. Высокие горы и низины болот, просторные равнины и густой лес — ничто не избегало взгляда божества.

Однако Тан практически никогда не обращал свой взор на океан. С высот небесного свода он видел в океане лишь гладкую поверхность, которая возвращала ему его же свет. Тан не понимал, что же нашла в бездонных глубинах Хозяйка Вод Нимиа.

В свою очередь, Нимиа не спешила просвещать Солнцеликого. Тан никогда не поймет жизнь, способную существовать без его света.

И вот, пока верховный бог щедро дарил тепло жителям континента, зеленовласая Нимиа пристально наблюдала за своей вотчиной, ожидая чего-то необычного.

* * *

Как правило, воды к востоку от материка были спокойными. Волны не успевали набрать всю силу, разбиваясь о Клыки — дюжину крупных скал, разбросанных по Зубастому заливу. Однако течения, омывающие эти скалы, были весьма сильными.

Однажды спокойствие этих вод было нарушено довольно необычным способом. Три стремительных голубоватых силуэта приближались к Клыкам с юга, огибая прибрежные воды полуострова Гинфор.

Эти силуэты настолько быстро передвигались, что проследить за ними взглядом было практически невозможно. Все, что удалось бы рассмотреть — неясные, размытые пятна.

Не теряя скорости, эти пятна подводными молниями металась по заливу. Наконец, силуэты замерли у подножия одного из Клыков. Только тогда стало ясно, что размеренность местных вод нарушили тритоны.

Тритоны, возлюбленные детища Нимии, впервые посетили Зубастый Залив. Ближайшее их поселение находилось далеко к северу отсюда, второе же — и вовсе находилось в глубинах Красного Залива, что к югу от Хартилона.

Тритоны были некрупными созданиями: от маленького гребня на голове до кончиков плавников на стопах едва ли набиралось полтора метра. С сильно вытянутого вперед лица смотрели глубоко посаженные темные глаза с вертикальными зрачками, покрытые тонкой защитной пленкой. Длинная подвижная шея позволяла тритонам удобно держать голову как при горизонтальной, так и при вертикальной ориентации тела. Их кисти были длинными и узкими, в то время как стопы — очень широкими и плоскими. Держа стопы вместе, тритоны получали весьма крупный плавник — их основное средство передвижения под водой. Хвост, равный ногам по длине, заканчивался маленьким плавником. Он хорошо помогал тритонам маневрировать, особенно при большой скорости передвижения. Чешуя, защищающая их тело, как правило, представляла почти все оттенки голубого, как и кожа их богини-покровительницы — Хозяйки Вод Нимии.

Троица тритонов удобно расположилась на гладких валунах Клыка, омываемых стремительными подводными течениями. Двое из них расселись на круглых глыбах. Их гибкие шеи постоянно поворачивались в разные стороны, позволяя тритонам как следует осмотреться. Третий же лег на плоский выступ, свернувшись в круг. В этой позе он чем-

то напоминал огромную ящерицу, греющуюся на солнце. Все три хвоста плавно извивались, служа индикаторами направления и скорости ближайших течений.

Когда тритоны устроились с максимально возможным удобством, лежащий на камне издал серию звуков, похожих на завывание духового инструмента. Это был особый язык тритонов. Общаясь, они издавали звуки разной продолжительности в пяти тонах. Такой нехитрый способ позволил им спокойно общаться под водой, искажающей все прочие звуки.

— Жрецы оказались правы! Это место отлично подойдет для нового поселения, — сказал своим спутникам лежащий тритон.

— Твоя правда, Та'Ир. Эти воды немного холоднее нашей родины, но в прочем... — согласился с ним один из сидящих.

— Эти скалы позволят строиться на любой глубине, а не только на дне. Ближе к поверхности вода практически такая же, — добавил второй.

После этого замечания Та'Ир поднял голову и задумчиво осмотрел скалу, у подножия которой расположились тритоны.

— Хм... Подождите меня здесь, — велел он, вставая на ноги.

Встав, Та'Ир еще раз кинул взгляд на возвышающийся над ним Клык, а затем резким движением оттолкнулся от камня. Едва тритон оторвался от поверхности, он ментально соединил ноги и принялся стремительно подниматься, изгибаясь всем телом.

Оставшиеся внизу тритоны проводили его завистливым взглядом. Ота троица была самыми быстрыми пловцами племени, но все же Та'Ир оставался вне конкуренции. Многие считали, что это знак особого расположения Нимии, и что Та'Иру следовало стать жрецом. Однако сам он так не думал.

Проплывая вдоль Клыка, Та'Ир запоминал все крупные выступы или пещеры. Поднявшись практически до поверхности, он приблизился к скале, перевернулся и оттолкнулся от камней, направив себя к другому ближайшему Клыку. Благо, тот находился недалеко, всего метрах в пятистах.

Доплыв до другой скалы, тритон повторил изучение подводной горы, но уже в обратном направлении. Вновь опустившись ко дну, Та'Ир направился к ожидающим его товарищам.

— И'Лар прав. На этих скалах будет удобно строиться.

— Тогда нам нельзя терять время! Нужно возвращаться скорее и готовиться к переселению, — И'Лар нетерпеливо забил хвостом.

— Сперва стоит отдохнуть. Мы проделали долгий путь, и обратно нас ждет такой же, — остудил его пыл Та'Ир.

— Нам стоит поторопиться, — вмешался в их разговор третий тритон

— Если вы готовы, я попрошу Нимию еще раз даровать нам благословение. С такой же скоростью, как по дороге сюда, мы вернемся всего за сутки. Иначе...

Ар'И был клириком, и при помощи божественной магии смог повысить скорость их движения во много раз. Путь, который даже у самой быстрой троицы занял бы не меньше двух недель, они преодолели всего за сутки.

— Если Хозяйка Вод с такой охотой помогла нам, почему тогда вообще допустила все это? Почему мы ищем новый дом? — резко спросил Та'Ир.

Он никогда не любил полагаться на милость богов. А уж после недавних событий и вовсе практически отвернулся от верховных покровителей. Однако большинство его народа по-прежнему уповали на Нимиадну.

— Кто знает, что она хотела этим сказать? Возможно, Нимиа не вмешалась для того, чтобы испытать нас, — ответил Ар'И. За последние дни он, как и прочие жрецы, так часто повторял эту фразу, что она произносилась словно сама собой.

Та'Ир в ответ лишь хмыкнул. Слишком часто он слышал такой ответ.

— Сейчас не время для подобных бесед, — образумил своих спутников И'Лар. — Давайте скорее отправляться. Успеем еще отдохнуть.

— Ваша взяла, — согласился Та'Ир. Он считал неразумным отправляться в сложный путь не отдохнувшими, но ситуация того требовала. — Молись, Ар'И. Если Нимиа окажет нам помощь — немедленно в путь. Но если не выйдет — придется восстановить силы перед дорогой.

Ар'И согласно кивнул и закрыл глаза. Он не хотел, чтобы что угодно отвлекло его от обращения к богине. Эта молитва была слишком важна.

Спустя пару минут Ар'И ощутил небывалую легкость и прилив сил. На его лице сама собой растянулась довольная улыбка, которая сообщила двум другим тритонам об успешном результате.

Продолжая находится в сосредоточенном состоянии, Ар'И приблизился к своим спутникам, положил руки им на головы и мысленно еще раз обратился к Нимие. Та'Ир и И'Лар вздрогнули, ощутив влияние божественных сил.

Когда Ар'И закончил молитву и убрал руки, тритоны молча переглянулись и стремительными размытыми силуэтами устремились в обратный путь

* * *

Полтора суток спустя измученная и истощенная троица разведчиков вернулась в родные воды Красного Залива. Там они нашли остальных тритонов своего поселения.

К тому времени, как разведчики добрались до них, тритоны завершили подготовку к долгому пути: все, что только могло им пригодиться в дороге или при построении нового поселения было упаковано в большие ковчегии из костей и плавников огромных морских созданий, обитающих в наиболее глубоких местах океана.

Тритоны были единственными морскими обитателями, не боящимися перепадов температуры и давления на разных глубинах. И они пользовались этим, отправляя экспедиции в подводные бездны. Там они находили останки этих чудовищ, которые потом использовали для создания многих полезных вещей. Лишь однажды тритоны попробовали собственноручно убить глубинного монстра. Эта попытка привела к гибели практически всей экспедиции, но так и не увенчалась успехом. Ценя жизнь соплеменников, тритоны более не повторяли такую ошибку.

В ковчегии с вещами тритонов были впряжены да'лиры — крупные, медлительные создания, прирученные тритонами практически сразу после того, как было построено их поселение. Да'лиры не очень комфортно чувствовали себя в водах, близких к поверхности. Куда лучше им подходили несколько большие глубины. Но привычными действиями погонщики удерживали своих подопечных на местах.

Едва живых от усталости разведчиков проводили к вождю племени, который с нетерпением ждал их возвращения. Ак'Ра, глава поселения, был одним из тех жрецов, которым Нимиа указала место для нового поселения. Он считал, что успешное возвращение разведчиков будет знаменем. Знаменем того, что Хозяйка Вод не отвернулась от народа тритонов.

Выслушав их донесение, Ак'Ра облегченно отдал приказ своему племени выступить в дорогу.

Измученная троица разведчиков устроилась на отдых в одном из ковчегии. Сейчас они не могли плыть вместе со всеми, но не хотели задерживать остальных.

И'Лар и Ар'И моментально заснули, стоило им только прилечь. Но Та'Ир никак не мог уснуть. Он устал не меньше остальных, но боялся спать. Когда он спал в прошлый раз, перед отправлением на поисках нового дома для своего племени, ему приснились события последних дней. И Та'Ир боялся пережить их вновь. В полубессознательном состоянии, постепенно засыпая, он вновь и вновь прокручивал в своей голове возможные причины произошедшего.

Перед тем, как погрузиться в сон, Та'Ир наконец смог расставить все на свои места. Он понял, из-за чего на его народ обрушилось несчастье. А его сон лишь подтвердил догадку.

* * *

В течении многих столетий одно из племен тритонов жило в поселении на окраине Красного Залива. Их строения располагались практически сразу, как заканчивались огромные поля красных водорослей, окрашивающих воду в бледно-красный оттенок.

Тритоны активно использовали этот дар моря: эти водоросли шли в пищу, из них добывали пигмент для красок, кроме того чистые водоросли из самых глубоких мест пользовались большой популярностью у людей прибрежных городков: их использовали для алхимии и в качестве компонентов магических заклинаний.

Именно то, что тритоны дали людям знать о своем существовании, и сыграло решающую роль в их гибели.

Однажды в Красном Заливе в течении нескольких месяцев бушевала неистовая буря, несвойственная местным водам. Тогда люди посчитали, что это вина морских обитателей, тритонов. И все бы закончилось простыми разговорами, если бы по окончанию штормов в Заливе не затонули два корабля, везущие ценные грузы магических реагентов.

Колдуны, лишившиеся помимо реагентов еще и очень большого количества денег, впали в ярость. Прислушавшись к разговорам моряков, волшебники обратили свой гнев на тритонов. Они не стали слушать жрецов Хозяйки Вод, которые пытались убедить магов в ошибочности их суждений.

Среди ночи в Красном Заливе разыгралось мощное, не виданное там доселе землетрясение. От полной гибели всего селения тритонов спасло лишь то, что живут они не так, как люди. Очень мало тритонов спит в строениях, замкнувшись от течений — дыхания океана.

Но все же тритонам хватило разрушений и смертей. После катастрофы жрецы Нимии воззвали к своей богине, надеясь получить от нее помощь. И Владычица Вод указала им новое место, в котором можно построить селения — Клыкастый Залив.

Отправив на поиски этого места самых быстрых пловцов, остальные тритоны принялись обыскивать место своего разрушенного дома в поисках хоть чего-то сохранившегося. Благодаря благословию Нимии гонцы вернулись крайне быстро, однако переселенцы их уже ждали, полностью готовые выдвигаться.

* * *

Та'Лар проснулся, насилу вырвавшись из кошмарного сна. Каждую ночь после гибели селения в Красном Заливе он вновь и вновь переживал эту катастрофу. Ему, как единственному магу селения, особо тяжело было принять удар людей. Та'Лар только-только собрался изучить людскую магию, как тут...

Встряхнув головой, молодой тритон прогнал из головы непрошенные мысли. Он медленно, с наслаждением потянулся и выбрался из небольшой пещеры, которую облюбовал в качестве жилья.

Пещера мага находилась у самого основания одного из пяти Клыков, окружающих новое поселение тритонов. Подняв голову, Та'Лар принялся всматриваться сквозь толщу воды, пытаясь рассмотреть солнце. В подводном мире, особенно на больших глубинах, практически нет зависимости от цикла чередования солнца и луны. Однако некоторые моменты своей жизни тритонам все же приходится согласовывать со светилами. В частности, травничество и выращивание съедобных растений.

Убедившись, что солнце уже взошло, тритон-маг поплыл к поверхности, чтобы проверить состояние выращиваемых им трав и водорослей, которые могут пригодиться в колдовском ремесле.

Та'Лар потратил много времени, таская с морского дна плодородный мул для своих растений, и ему не хотелось, чтобы эти старания прошли впустую.

Помимо волшебника, подобной работой занимались еще несколько тритонов. Но они пытались выращивать съедобные растения. За месяц, который прошел со времени переселения тритонов из Красного в Зубастый залив, поселение беженцев более-менее привыкло к новому дому и старалось максимально быстро наладить свой быт.

Осмотрев подводную часть своей плантации, Та'Лар направился к поверхности. Знание о травах, впитывающих силу солнца и луны, дорого далось чародею, и он не мог позволить этим растениям погибнуть.

Та'Лар был единственным тритоном, регулярно выбирающимся из воды. Его народ не любил поверхность, так как их кожа быстро пересыхала. Несмотря на это, они могли довольно долго находится вне воды, хотя и старались этого избегать. Впрочем, среди тритонов, занимающихся выращиванием растений, ходили разговоры о посадке поверхностных плантаций около трав Та'Лара.

Едва маг собрался изучить состояние столь тщательно выращиваемых трав, как его отвлекли непривычные звуки. К обычному гулу ветра среди каменных громадин Клыков примешалось кое-что постороннее. Скрип дерева и голоса.

Оглянувшись на звук, Та'Лар увидел большой корабль, уверенно шедший по заливу. При виде этого человеческого средства передвижения, в Та'Ларе проснулись страх и гнев.

«Еще немного — и они пройдут прямо над нашим поселением. И увидят его! — в панике подумал маг. — Этого нельзя допустить!»

Потратив на размышления всего пару секунд, Та'Лар сосредоточился и принялся готовить заклинание. Около минуты спустя погода в Зубастом Заливе резко изменилась.

Из ниоткуда образовались тяжелые грозовые тучи, задул сильный порывистый ветер. Волны набрали силу и принялись играть кораблем среди скал, словно тот был игрушечным. Разбушевавшаяся гроза практически сразу выполнила пожелание вызвавшего ее мага.

Первая же молния попала практически в середину судна, расколов его на части. Оставшимися обломками еще долго играли волны, вновь и вновь бросая их на твердые скалы Клыков.

Та'Лар с удовольствием наблюдал за гибелью корабля, слушая предсмертные крики экипажа. Он не мог допустить, чтобы люди снова узнали про поселение тритонов. Волшебник был убежден, что люди несут с собой лишь смерть.

«Придется организовать патрули Залива. Нельзя пропустить ни один корабль, способный нас обнаружить, — подумал Та'Лар. — Брат мне наверняка поможет. Та'Ир ненавидит людей. И думаю, он не один такой».

С такими мыслями тритон-волшебник покинул свое место наблюдения, скрывшись под водной гладью.

Харьков

Анастасия ЛОБАНОВА

СВОЕ ДЫХАНИЕ ВОСПРИНИМАТЬ КАК ЧУДО

* * *

Полтонны снега выдали за вредность,
Круглеет город — вылощен, пузат.
Листая календарь, споткнулось время,
И покатилося кубарем назад:

Опять шуршат предчувствия, как фантик,
Похрустывает счастье, как инжир,
И юность в разноцветном сарафане
По пляжу светлолицему бежит...

И детство босоного, тонкокрыло
Торопится подкармливать синиц.
Открытия, ракушками из Крыма,
Ажурно собираются на нить...

Но стрелки, вострепнувшись, оправдали
Бокал и пепел, постное жильё.
За пестрой занавеской стала данность —
И больно проступила сквозь неё.

Лишь ручка кропотливо, постепенно
Красивые года взбивает в ямб.
Но дальше — только снег молочной пеной
Кипит, кипит по самые края.

* * *

Я выращиваю себя терпеливо, строго.
Я обтачиваю себя, как огранщик — камень.
Я вычитываю себя, удаляю строки,
Не тянусь головой к петле, и к огню — руками.

У меня есть я, остальное — поток картинок.
У меня есть боль — пригодится, сожгу бензином.
В голове километры слов (это просто титры).
Не сутулься, родная, ношу дают по силе.

Все привычно же: тишина полусонных комнат,
Если звук обронила — катится долго, гулко.
Укрошенная слабость. Пепел летит с балкона.
Ветер лезет под кофту, скупое целует в губы.

Это — жизнь. Читай, как газету (сухие факты),
Без истерик, стонов. Спокойствие и no comments.
Через несколько лет столкнётесь (циничный фатум)
В малолюдной кофейне...

— Здравствуйте. Мы знакомы?

* * *

Утихомирив бытовую круговерть,
Оставив горы покорителям вершин,
Ты объяснишь себе, что серый — тоже цвет,
Что чай без сахара полезен для души,

Что реки льются в океаны без труда,
Что неразгаданные истины — тихи,
Что, как ни вскармливай щекастый чемодан,
Тебе останутся лишь память и стихи.

Февральский город — оголтелый полигон.
Скулит автобус — растоптался и продрог...
Но, полюбив искусство маленьких шагов,
Ты жарко выдохнешь и выйдешь за порог:

Вот так — в поношенных ботинках с хрипотцой,
Вот так — забыв слова, наушники, ключи.
А у зимы такое светлое лицо...
Мерцает снег. И где-то музыка звучит.

* * *

А ширмочку поэзии отдернешь —
Увидишь хвост крылатой электрички,
Чужих детей с бурячными щеками,
Полощущихся в ласковом снегу,

Твое окно (кромешное, как деготь),
Пустое время (чем его ни пичкай),
И будущего мутненькую кальку,
И... кажется, я больше не могу.

Рванёшься, как в объятия с вокзала,
Ворчливый пол задабривать мастикой,
Тревожить антресоль, утюжить фартук,
Как будто запоздалую фату...

И, может быть, состряпаешь лазанью,
И даже подпоешь пластинке Стинга.
И рифмы, словно розы в целлофане,
Все ярче, все отчаянней цветут.

* * *

Приручить тишину. Полюбить белизну листа.
Отпустить, как былую любовь, не рожденный стих.
Полежать на паркетном полу. Досчитать до ста.
Рассмотреть красоту вне ее очевидности.

Осознать, что известность — изысканный вид ярма,
Что не возраст, но мысли о нем добавляют вес,
Что в навязанной правде обычно зарыт обман,
Что начало дороги — у путника в голове.

Если круг замыкается — близится новый круг,
Если нежностью полон — отыщется адресат...

Сделать вдох. Ощутить, как текут в колыбельки рук
Сквозь бетонную крышу прохладные небеса.

Навести чистоту. Завернуться до пят в махру.
Что-то тихо уходит — почудился скрип двери.
Потянуться. Почувствовать в теле приятный хруст.
Приручить тишину. Поселить у себя внутри.

* * *

Рубить сомнения — железным дровосеком,
Держать осанку — неприятелям на зависть.
Грузоподъемность каменеющего сердца
Гораздо большей оказалась, чем казалась.

В себе вытравливая страсти человечьи,
Оставить слабость, не стесняющую гордость —
Стихи (как способ не лишиться дара речи,
Как крик, не выпущенный вовремя из горла).

Свое дыхание воспринимать как чудо,
Вживлять протезами расписанные цели.
Оперативно удалять кусочки чувства,
Копаясь в мышце хирургическим пинцетом,

Но, краем памяти рассудок покалечив,
Предотвращать кровотечение маразмом —
Саму себя руками обнимать за плечи,
Как человека, не предавшего ни разу.

* * *

Тепло улетучилось к октябрю,
Вздremнуть бы невольно — очнуться в мае.
Полгода старательно не курю,
Но зажигалка юлит в кармане

И ластится к пальцам. Опять стихи
Растут из глубин воспаленной глотки
Про странную встречу на Fortres Hill —
Поймала тебя у метро за локоть...

И приснула память: прохладный чай,
Отметины рта на горячей шее...
Какая гармония в мелочах,
Как раздражающе-совершенен

Короткий сюжетец. И "Summer time"
Звучала в отеле, как будто спойлер.
Два дня перед рейсом Гонконг-Китай...
Никак не забуду (а ты — не вспомнишь).

И славно. Снаружи гремит вода.
Впечаталась в кресло, ссутулив хорду.
Плывут разноцветные города
По волнам прошлого. Безысходность

Повисла в пространстве, как белый шум,
Горча пережаренным кофе "Галка".
В бесчисленный раз о тебе пишу.
И нервно чиркаю зажигалкой.

* * *

Оставшейся веры не хватит мне
Отстраивать павший храм.
Мерещится звон тридцати монет
И зреет внутри дыра...

А, может, там варят стальной каркас?
Печет и печет в боку.
Так феникс горел миллионы раз,
И тем отличим от кур.

Струну не натянешь — не зазвучит,
А ей суждено звучать.
Румянится шар колобка в печи
(Минута идет за час)...

Так, стало быть, нет никаких руин,
И ада — вне головы?
Под окнами топчется херувим,
Дорога стремится ввысь...

Ведь истинный храм не имеет стен,
Удушье — страшнее пуль.
Есть правда — вне статики, вне систем.
Ее называют "путь".

* * *

Мне так тревожно, что хочется сгнуть, забытья,
Вырваться в серое море снежащихся туч птицей.
Вырваться в ночь через день, и за грани, сквозь эту реальность,
Чтоб ветер лицо мне хлестал освинцованной сталью.
Хочется плыть и молиться Богам, что меня порождали
И следами чертить на заполнившей зЕмли белой эмали
Дороги к тебе, через звезды, назад...
[Глаза молоком заволок снегопад.]
А руки вздымаются к Солнцу за дымом,
И стало почти что невыносимо
Искать твой пронзительный взгляд.
Зажмуриться, зная как был бы мне рад,
Явись я сквозь ночи и сны и века-километры,
И день, что морозный, но все же отчаянно светлый.
Явись я, все бросив и прямо сейчас.

И мир исказился б от вспыхнувших нас.

Анастасия Лобанова

Харьковчанка. Поэт, фотолюбитель, модель, копирайтер.

Участница литературных мероприятий и концертов города.

*Лауреат международных поэтических конкурсов и фестивалей: «Одна маленькая свеча-2016» (2-е место), «45-й калибр-2017» (шорт-лист), «Осень, мир, стихи-2017» (финалист), «Всемирный день поэзии-2018» (шорт-лист), «Интерреальность-2019» (гран-при).
Публиковалась в различных украинских и зарубежных изданиях.*

Харьков

Алексей ТЮЛЬПА

Я СМЕРТЬ ПЕРЕЖИЛ УЖЕ

* * *

Вечно душою молод,
Тело своё несущу.
Спит сумасшедший город.
Скоро и я усну.
«Разум сияет вечно» —
Учит меня кино...
Я у двери аптечной
Снова стучусь в окно.
Мне бесконечно дорог
Каждый ушедший год,
Небо мне мелкий порох
Щедро в лицо швырнёт.
Тёмный подвал сознания...
Светлый чердак души...
Странное состояние,
Только прошу — дыши!!!
Черви моих сомнений
Вечно грызут меня.
Бубнами вдохновений
Ночи мои звенят.
Насквозь людей пронзают
Пики обид моих...
Свежих могил крестами
я завершаю стих...

***

Осталась лишь одна у нас дорога,
А больше ничего не остается.
Ты только не погасни, ради Бога,
Товарищ Солнце, Товарищ Солнце!

Ответь мне на мои вопросы честно,
Другого ничего уже не надо.
Ты только не молчи, чтоб не исчезнуть,
Товарищ Правда, Товарищ Правда!

Когда в последний миг добьемся счастья,
Мы всем послужим в качестве примера!
Ты только ни на что не отвлекайся,
Товарищ Вера, Товарищ Вера!

Уткнувшись носом в яркие экраны,
Мы отмечаем Новогодний вечер.
Ты только подхвати нас, бездыханных,
Товарищ Ветер, Товарищ Ветер.

Мы долго не хотели изменяться,
На душах наших высыхает краска,

Ты только научи, как стать повстанцем,
Товарищ Сказка, Товарищ Сказка.

Отправив в небеса свой взор нетрезвый,
Вчерашний балаган припомним смутно...
Ты только не кричи на нас, болезных,
Товарищ Утро, Товарищ Утро.

Мы многого пока что не умеем,
Но мы всему научимся, бесспорно.
Ты только покажи, как стать нежнее,
Товарищ Порно, Товарищ Порно.

Сплочённость заменяет нам Свободу,
Политика заменит нам культуру.
Скорее запрети нам что угодно,
Товарищ Фюрер, Товарищ Фюрер!

Детишки суицид в себе лелеют,
А я всё проверну намного тише!
Ты только подтолкни меня сильнее,
Товарищ Крыша, Товарищ Крыша!

Знаменьем ожидающей победы
Посыпалась с небес Господня Перхоть,
Теперь не упусти свой шанс последний,
Товарищ Церковь, Товарищ Церковь.

По-прежнему оставшись обезьяной,
Опять хочу переменить тариф я,
Ты только оставайся постоянной,
Товарищ Рифма, Товарищ Рифма!

Едва мы пережили эту осень,
Пришла зима неведомо откуда;
Но ты нас посети, когда попросим,
Товарищ Чудо, Товарищ Чудо!

Мы каемся, не думая о Боге,
Мы бьем поклоны, не дойдя до храма...
Ты только не бросайся мне под ноги,
Товарищ Яма, Товарищ Яма!

Не будет смерть охотиться за нами,
Мы снова не попали в зону риска.
Ты просто разожги большое пламя,
Товарищ Искра, Товарищ Искра!

...Мы встретимся с тобой горящим взглядом,
И снова станет так, как раньше было.
Ты только оставайся с нами рядом,
Товарищ Сила! Товарищ Сила!

Мы год за годом стройными рядами
Уходим побеждать чужую старость,
Ты только оставайся нашей тайной,
Товарищ Радость, Товарищ Радость.

* * *

Барабаня по столу
Пальцами,
И считая все дела
Мелкими,
Мы домчимся хоть куда
Зайцами,
Доберёмся до небес
Белками.
По закону не живут
Счастливы,
Но приходится порой
Скромничать
Ради неба, до краёв
Ясного
И того, чтоб было в нём
Солнечно.
Ты всегда была со мной
Рядышком,
Ты останешься моим
Ангелом,
На салфетке небольшим
Пятнышком,
Исключением ко всем
Правилам.
По равнинам проносься
Конницей,
Не бросай моей земли
Выжженной.
Вряд ли кто-то за тобой
Гонится,
Вряд ли шепот наш с тобой
Слышали.
Ни минуты на себя
В месяце.
Ни секунды на любовь,
Видимо.
Мы не раз ещё с тобой
Встретимся,
Это ты в моих глазах
Видела.
Древни духом, мы в душе
Молоды,
Крепче связанных в пучок
Прутиков.
И неважно, кто в каком
Городе,
И неважно, как зовут
Спутников,
И не нужно никаких
Выводов,
И не будет ничего
Страшного,
И не светит никому
Выгоды
От полета сквозь миры
Нашего.

Не спасти свои права
Авторам,
Небеса посыпав звезд
Крошевом.
Полных лун не сосчитать
В "завтра" нам,
Из осколков не собрать
Прошлого.

* * *

На улице снег и холод:
Мордует людей февраль.
Но я далеко не молод
И мне никого не жаль.

Добро заберёт таможня,
Но, впрочем, не в этом суть,
А в том, что тут верить можно
Себе, да и то чуть-чуть.

Ни правил, ни исключений
Нельзя исключать, увы.
Я вынес из приключений
Ранение головы.

Я ждал благодати Божьей,
Бил в пол серединой лба,
Но, видимо, невозможно,
Наверное, не судьба.

Когда я внезапно помер,
Приехал совсем пустой
Бесплатный автобус номер
Шестьсот Шестьдесят Шестой.

То время, что было раньше,
Назад не придет уже —
Мы выйдем с тобою дальше,
На финишном рубеже.

Автобус с маршрутом Зверя
Останется в гараже,
А в смерть я давно не верю,
Я смерть пережил уже!

Алексей Тюльпа («ТЮЛЬПА»)

Родился и проживаю в Харькове, учился в ХНУ им Каразина на филологическом факультете, научился и ушел раньше, чем это поняли мои преподаватели. В свободное время участвую в разнообразных поэтических движениях, за победами не гоняюсь. Работаю фрилансером в сфере пиара, дизайна, рекламы и проч.

Публикуюсь на просторах сети, например, тут

<http://www.poetryclub.com.ua/author.php?id=6030> или тут <https://vk.com/tulpa27>.

Администрирую несколько пабликов во «Вконтакте», где, в числе прочего, публикую молодых русскоязычных поэтов со всех уголков планеты.

Харьков

Анна ЩЕРБАК

ТОЛЬКО БЫ СОЛНЦА НЕ РУХНУЛИ В ЧЕРНОЕ МОРЕ

* * *

Где-то, где солнце цвета расплавленной стали
Нежится в пыльной перине из туч,
Где годы столетия навестали
И песок неизбежного в оба края сыпуч,
Вижу луч. Мы с тобою там часто рождались.
Там наш мрачный, по меркам этой реальности, дом.
Под двулунием он укрывал своими камнем и сталью
Наши тени и души, хранил за стеклом.
Мы бежали. Мы врывались в реальности вихрями силы,
Мои бесы впивались своими клыками в миры.
Столько долгих дорог, перепутий, развилок.
За бездумным порывом вновь безумные дикие мы.
Это срыв. Городов. Пелены и вокзалов.
Я хотела, но все не сказала —
Мы с тобою застряли,
Засыпая до нашей весны.
Посвяти меня в вещие сны.
Мне всегда было вечности мало.
Я бежала сквозь время и скалы
За тобою. А луны полны.
Я их вижу отсюда и помню,
И знаю
Как мы в этой реальности,
В прошлом, состарясь
Захотели родиться с нуля.
Колосятся под небом седые поля,
И земля зарождает фрагментами первую свежую завязь.
Мы сюда попадая навечно связались —
Ночью в ночь,
Чтоб никто не посмел в нас стрелять.
Здесь я чистая сила и мудрость. И мать.

* * *

Темень и боли сожрут мое ослабевшее тело.
Жаль, что так глупо и жаль, что я вновь не успела
Стать кем-то лучше себя.
Ночь отшатнулась и больше не нянчит меня.
Ночь расслоилась
На физику, мысли и чувства
Бликами света от старой засаленной люстры.
Бликами света под ребра — вскрывать чтоб кричала.
Каждый раз тот же урок — годами начало начала,
Кого бы и что бы я с детства не повстречала —
Спрошу о душе и любви.
Только имя свое назови,
Разрушая мой образ бычком сигаретным о сердце мое.

ЛАВА 39

Разве плохо нам было с тобою вдвоем?
Мы идем параллельно, сквозь бури и горе,
И я снова и снова мной закрыться позволю
От дороги твоей через ад.
Где-то там, в глубине, ты, наверно, нам рад,
Разбивая меня на осколки и фразы.
Как же больно любить —
Непонятно и сразу.
Этот танец до смерти моей.
Забирай мою жизнь.
И вприкуску с наркотиком пей.
Забирай мои силы, и звезды, и солнце.
В 27 выбирать свою душу нелепо и поздно.
И грозою сквозь утро —
Предрассветная страшная боль.
Рассыпаюсь на части.
Если это конец, ты его мне с тобою встретить позволь.

* * *

Мне так тревожно, что хочется согнуться, забыться,
Вырваться в серое море снежащихся туч птицей.
Вырваться в ночь через день, и за грани, сквозь эту реальность,
Чтоб ветер лицо мне хлестал освинцованной сталью.
Хочется плыть и молиться Богам, что меня порождали
И следами чертить на заполнившей зёмли белой эмали
Дороги к тебе, через звезды, назад...
[Глаза молоком заволок снегопад.]
А руки вздымаются к Солнцу за дымом,
И стало почти что невыносимо
Искать твой пронзительный взгляд.
Зажмуриться, зная, как был бы мне рад,
Явись я сквозь ночи и сны и века-километры,
И день, что морозный, но все же отчаянно светлый.
Явись я, все бросив, и прямо сейчас.

И мир исказился б от вспыхнувших нас.

* * *

Серая полночь. И что-то мне просится в душу —
Только бы мир и мосты, и реальность мою не разрушить.
Только бы солнца не рухнули в черное море,
Чтобы взойти на другой стороне —
И все ради новых историй.
И все ради новых сказаний,
Где больше потери, чем знаний
И больше луны, чем обратного края небес.
Зашей мне в ключицах мой первый языческий лес,
Где я просыпалась под первые вздохи весны.
Зашей.
Чтоб я снова увидела древние вещие сны,
Где песни Богов превращаются в шум механизмов,
И вечность уже не яйцо, а похожа на брызги,
И крылья уже не несут без мотора и стали.
Кошмары мои... Мы все, что несли, потеряли,

ЛАВА 39

А вместо потери нашли
Холодные грани стекла и металла.
Нам было ни много, ни средне, ни мало.
Я там повстречала себя под броней из огня.
О, как же нам всем все хотелось менять.
И знать.
Где-то там, где судьба раскололась на реки и горы
Мы стали чужими, как смерть и как воры,
Как храмы, что пьют из земли молоко.
Сюда возвращаться — мой смысл испокон.
На кон целый мир — ни сбежать, ни заплакать.
И небо засохло, покрылось сухой стекловатой.

* * *

Тучи идут.
[Наступая на горло свинцовой дорожною пылью.]
Голоса, что звучали, еще не остыли.
И весь мир станет скомканной былью,
Если дальше страницы листать.
Под ногами отметка "на старт".
Ты не стар,
Это просто Вселенная вечностью жжется,
Заплетаясь в узоры на радужках глаз.
Каждый раз.
Каждый раз что-то будет рождаться и помнить,
Как звучит тишина и биение Солнца,
И как кожу слизал радиацией стронций
[И мы снова умеем летать.]
Не понятно кто сын, кто отец
И кто дочь, а кто мать.
Нам искать
В звездной пыли, песках и молекулах моря,
То с чем мы никогда, никогда не поспорим,
То, что мы никогда, никогда не отыщем...
Обними и сокрой мои едкие мысли.
Обними и сокрой от людей и от света.
[Между нами пространства сшивают кометы.]
И от лета до лета, сквозь года, полустанок, вокзал
Вспоминай все, что видел и все, что ты знал.

* * *

Посмотри, как лед заковал в броню нашу новую зиму.
Мне так холодно, что просто невыносимо.
Что под кожей беснуется алое пламя.
[То, что ты, как обычно, разжег и оставил.]
А вокруг две реальности слились, смешались:
[Я стою и смотрю и на каждой у края.]
Сделай шаг и провалишься в сети,
Где ободрана кожа с миров и секунды находят новые дети,
Чтоб потом, появляясь на свет, закричать.
Нам Вселенная — тело, не Мать.
Нам Вселенная тихо и сладко шептала,
Каждый раз отмеряя так мало,
Чтоб мы вышли за грани миров.

Мы с тобою идем.
И для этой реальности каждый из нас нездоров.
Мы выходим и видим — разветвления линий,
Где скользит электроном всевидящий глаз.
С каждым вздохом у нас появляется шанс.
Шанс найти тишину и вернуться собою.
Неразлучными быть и о вечностях спорить.
Да, момент откровений всегда краткосрочен.
Лишь бы только успеть сохранить для потомков кусочек.

* * *

Ночь проникает туда, где все слепо и чёрно.
Как же больно терпеть, когда раскрываются ребра.
Как же больно терпеть, когда вырывается сердце
До седых древних звезд, что качаются сверху.
Отпусти в тишину все сомнения, боли —
Больше нет городов, расстояния, роли
В этом мире, где каждый за правду и чувства распят.
Под ногами и кожей моей разверзается ад.
Под ногами и кожей моей разрастается вечность.
Мои чувства как космос — до конца безупречны.
Мои веки закрыты.
А под ними — твой мир.
Наши дикие вспышки сквозь коробки квартир.
Наша дикая полночь,
Что хвостами комет
На спине твоей голой
Через пальцы мои за следами оставила след.
Наши души и бесы и все, что так важно.
И никто ничего нам с тобою не скажет.

Анна Щербак — писательница, организатор литературных мероприятий. Родилась 15.06.1993 в Харькове. Закончила химический факультет Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Попробовала себя в журналистике (корреспондент), научной и педагогической деятельности (старший преподаватель дисциплины «Педагогика», есть опубликованные научные статьи по педагогике), бизнесе, модельной деятельности и др. В прошлом член Национального союза журналистов Украины (с 2015). На данный момент работает по специальности — химиком (инженером).

Автор поэтического сборника «Моя Вечная Ночь» (2020), победитель и призер литературных конкурсов и фестивалей, среди которых: «Международная славянская поэтическая премия-2019», «Ирпенский Парнас-2019», Литературно-музыкальный салон «Каммертон» (2020), «Молодая Слобожанщина (2018), «Крылатое созвездие» (2017, 2018) и др. Финалист литературного конкурса «Нова Доба-2020», «Форума молодых поэтов-2019» и др.

Публикации: в альманахах конкурса-фестиваля «Крылатое созвездие» (2016, 2017, 2018), поэтических сборниках «Международной славянской поэтической премии» (2017, 2018, 2019), поэтическом сборнике финалистов «Форума молодых поэтов» (2019), литературном журнале «ЛАВА №33» (2018), молодежном литературно-художественном альманахе «Левада» (2019), поэтическом альманахе «Житомир TEN» (2019) и др.

Организатор и ведущая литературных проектов, среди которых: ART ZEPP SPACE (2018-2019), Литературный салон Eterna (с 2019), Всеукраинский тематический литературный фестиваль «Здоровые стихи» (2020) и др.

*Страницы в соц. сетях: <https://www.facebook.com/anna.shcherback>
[t.me/ada_eterna_poetry](https://www.instagram.com/ada_eterna_poetry)
https://www.instagram.com/ada_eterna/*

Суми

Олена МИХАЛЕВИЧ

ПРИЙМАЮ ВСЕ, ЯК БОЖУ НАГОРОДУ

* * *

Проставлено моторчик до Землі.
Хвилина від Купали — до Іллі.
Лиш вчора юний сонях розквітав,
А вже сьогодні жовтий лист опав.

Недавно — наче ранок був — життя,
І мрії колосились, мов жита.
А зараз зрілий серпень із серпом
Здобутки долі зв'язує снопом.

Ціную кожну крапельку доби.
Цілую кожну квіточку журби.
Сплела вінок із сталості і змін —
На диво гарним виплекався він...

* * *

Сумно і жалісно стогне хурделиця.
Лютий цілує вустами холодними.
Ні, то не сніг, то печаль моя стелиться,
Дивиться в душу очима голодними.

Звикла до всього — до розпачу тихого,
До неможливості і нездійсненності,
До завивання байдужої віхоли
І до могильного страху буденності.

* * *

Погожий день, віддалений лісочок.
Цвіте весна, зимі прийшов кінець.
Я б цілувала кожен тут листочок
І обнімала кожен корінець!

З зернинки народилася стеблинка,
З простого утворилося складне...
Притихну, зупинюся на хвилинку,
Подумаю про вічне, головне.

Омило душу трепетне прозріння,
У серце пролилися небеса:
Тут народилась, тут моє коріння,
Моє натхнення — лісова краса!

Птахи співають дзвінко оду щастю,
Мов треллю линуть в небо молитви.
Забуду про тривоги і напасті,
Й нарву собі на борщик кропиви...

* * *

Заспіваю тихенько сумної,
Задивлюся у неба блакить.
Якщо хочеш, затагуй зі мною,
Бо у кожного щось та болить.

Не буває світання без ночі.
Не співа соловей без весни.
Не засяють заплакані очі,
Не пізнавши жалю глибини.

За уроки подякую долі,
Всі образи за вітром пуцу.
Не буває поета без болю,
Як не родить земля без дощу.

* * *

Спіраль історії натягує пружину.
Рука Господня креслить коло долі.
В стосотий раз долаємо стежину
З біди до волі.

Роки голодні. Тихий плач малечі.
На порох перевіялось нажите.
І над двором пусте гніздо лелече.
А мусим жити...

Щасливі дні блаженного достатку.
Весільна пісня. Коровай пшеничний.
Та плямою на скатертині згадка —
Ніщо не вічне...

І вкотре хмари сонце затуляють:
Чума, війна, летить каміння з неба,
З'їдають думи, сили полишають...
А сіять треба!!!

* * *

Опуститься вечір крильми журавлиними.
Тихенько у казку чарівну поринемо.
Тут зорі вечірні в Хоролі купаються.
Сідайте зручненько — дива починаються!

Закоханий місяць на квітку милується,
Ще трохи стемніє — вони поцілуються,
А поки сріблястим промінням приховано
Він пестить її пелюстки зачаровано.

Захоплені щиро піснями пташиними,
Сплітаються лебеді білими шиями,
Кружляють під музику вальсу замріяно
Під небом, що зорями щедро засіяне.

Дуби-парубки, підперезані поясом,
Шумлять до верби оксамитовим голосом,
Вклоняються пишно-зеленими кронами,
Ростуть за кохання святими законами.

Верба їм звабливо похитує косами...
Тут тепло і тихо, кульбабно і росяно.
Тут я у вікно задивляюсь на річечку,
Вплітаю цю ніч у волосся, мов стрічечку.

* * *

Коли в рясні зелені спориші
Занурюю під вечір босі ноги,
Я відчуваю фібрами душі
Присутність Бога.

Коли я бачу кольоровий луг,
Вечірнім сонцем лагідно залитий,
З моїх сухих і наболілих вуст
Тече молитва.

Коли співає пташечка мала,
Як грудочка, а голос — Паваротті!
Огорне серце вдячність і хвала,
І душать сльози.

Як налягає вечір на село,
І захід позолочує хатину,
Сам Бог мене цілує у чоло —
Свою дитину...

* * *

Вінець терновий натягла хвороба.
Сумне причастя. Хрест тяжкий до гроба
Аж до землі вагою болю гне
Таку малу і немічну мене...

Несу, тягну, на ямах спотикаюсь,
То проклинаю білий світ, то каюсь.
То очі в небо, то душа на дно —
Полегшення немає все одно...

За що покарана, що мушу осягнути?
Скували назавжди хвороби пута,
Цвяхами болю руки розп'яли,
Над тілом познущались, як могли,
Сипнули горя — плати не взяли...

А що душа? Живе життям окреим!
Гартується під натиском сталевим,
Вистоюється, як міцне вино.
Душа з моїм стражданням заодно —
У них угоду складено давно...

За глибину страждань в уста цілую вдачу.
Дощ тихо плаче. Я уже не плачу.
Приймаю все, як Божу нагороду.
Ланцюг хвороби — вся моя свобода.
Лиш сподівань і молодості шкода.
Себе — не шкода...

* * *

Гудуть рої, опилують садки,
І буде мед, і плід корисний буде.
Пора садить у землю картошки.
День рік годує, метушаться люди.

Земля ковтне зерняточко дрібне.
Морквинка, бурячок — набір на борщик.
Нехай росте... як літечко мине —
Усе в один смачний потрапить горщик.

А цвіт вродив. А пахне, як дурне!
Тонке амбре п'янить не гірше пива!
Цей запах переслідує мене
Повсюди... а зимою особливо...

Комусь дрібненькі квіти абрикос
Тривожать ароматом ніжним душу,
Мов молоко за край перелилось...
А я люблю, як зацвітає груша!

Александр ТРЕГУБОВ**ВИД НОЧНОГО ГОРОДА**

Просто смотреть. Да, только этим я и любил заниматься по ночам. В перерывах между сном, кабельным телевидением и дешевым темным пивом. Я выходил на балкон, перекидывал ногу через перила и дотягивался правой рукой до еще теплого после дневного солнца металла пожарной лестницы.

Одиннадцать перекури. По числу оставшихся сигарет в пачке. По одной на ночь. А потом я брошу. Одиннадцать ночей, и я брошу курить. А пока еще один приятный момент — глоток никотина для изголодавшихся легких. После они какое-то время не будут меня беспокоить.

Тетя София, заменившая мне отца и мать, покачиваясь в кресле и перебирая вязальными спицами, время от времени пыталась мне втолковать, что никотин так же бесполезен, как гадящий у нас перед домом кокер соседки Фибби. Но, поскольку мне нравились некоторые особенности Фиббиного телосложения, то на недержание ее пса я смотрел как на нечто «со всеми случающееся», как на ускоренный метаболизм толстяка Валента или -дцатый подряд проигрыш «Ястребов» в премьер-лиге. Разумеется, и никотин для меня был таким -дцатым случающимся проигрышем, с которым я обещал разобратся завтра,... с понедельника, после Рождества, после окончания школы, после, после, после...

После нескольких провальных попыток сбережь мое здоровье тетя вернулась к вязанию очередной пары носков — таких же бесполезных, как и все шерстяные вещи в городе, где температура в самые холодные времена года не опускается ниже восемнадцати градусов.

Огни... Наверное, так же выглядели в древности святой Иерусалим и неприступный Карфаген, освещаемые тысячами факелов и костров. Быть может, подобным образом будут смотреться издали города в свои последние дни. Дышащие серым смогом, искрящиеся воспаленными артериями-автострадами, учащенно пульсирующие, как при тахикардии, радужными рекламами на траурных обелисках домов. Но это случится не раньше, чем умрет хромая старуха Юань из китайского квартала. Так говорила тетя София после очередного прочтения Библейского Апокалипсиса.

Я всегда пропускал момент появления этой улыбки. Она возникала вместе с каким-то воспоминанием из фрейдовских шкафов в моей голове. Легкая, чуть заметная. Что она значила? Да я и сам не знаю. Когда вы заливаете свежим «Амстелом» из холодильника пустыню Гоби в своем горле, разве вы не улыбаетесь? Или находите в книге сонетов Шекспира потрепанную двадцатидолларовую купюру за неделю до аванса? Да, согласен, это глупо. А что в этой жизни не глупо? Разве тот «яппи» в костюме по цене моей месячной зарплаты в окне напротив, обменявший ждущую дома жену с полуторогодовалым сыном-аутистом на силиконовую проститутку в кожаных ботфортах, не глупость? Или тот чернокожий Эминем у входа в китайский фаст-фуд, в сине-черном «Найке» с карманами, набитыми гашишем, и с оксфордским дипломом в домашнем шкафу, не глупость? Тетя София говорила, что мы всегда выбираем глупость, она сладкая на вкус как домашний зефир, и от нее нет изжоги.

Я смотрел на вереницы механических четырехколесных клопов, без конца снующих по городу, и улыбался. Казалось, их голоса с заходом солнца только усиливались. О чем они говорили, бегая между железобетонных столбов-муравейников, поддерживающих изъеденное коррозией небо, и стоя в очередях-пробках? Кто о падении цен на нефть и распродаже миксеров, кто о неверных женах и пьющих мужьях, кто о грядущем конце. Говорили, безусловно, о мудром и важном. Торопясь, с окончаниями слов глотая последние мгновения уходящего дня.

Сколько лет городу, раскинувшемуся внизу? Тетка София говорила, что его строил Адам в седьмой день творения, когда Господь отдыхал. Отсюда все проблемы. Сегодня маленький когда-то городишко разжирел, его пучит, временами мучит одышка и икота. Лихорадит днем, знобит ночью. Но он все так же бежит, несется, силится успеть куда-то. И те дни, в которые он понимал причины своих действий, давно прошли. Его многотысячные окна-глаза налиты кровью и одурманены. Он все чаще сплевывает аммиачно-свинцовую пену. Он издыхает...

Я стоял на бетонной крыше своего дома, поглаживал глазами ночной город и улыбался. Но теперь я знал ее причину. Именно так они и выглядят. Метастазы в моих легких. Как этот пожирающий сам себя город.

Я сделал глубокую затяжку, пока вкус не сменился горечью плавящегося фильтра. Взглянул на умирающий огонек в руке. Осталось десять.

ПОГОДА НА МАРСЕ

У него не было имени. Имена здесь давали только мертвым. Рыжий подслеповатый спаниель Маркус, буквально сующий свой нос куда ни попадя, — например, в электрощитовую. Австриец Крид и швед Ларс, сорвавшиеся в пропасть при заборе образцов породы. Колумбийка Джил, немец Фрэнк, канадец Сплин, русский Алекс, другие... Всего четырнадцать. Столько имен записал на своих каменных страницах Марс.

Остались только двое. Он. И она. Черноволосая испанка, любящая эклеры, «Времена года» Вивальди и спать обнаженной до полудня в воскресный день.

Он посмотрел на цифровой датчик. 92%. «Должно быть, она делает обход или проводит какие-то работы снаружи».

Он подошел к столу в центре комнаты, отложил лежащий в центре сложенный вчетверо лист бумаги и разгладил складки на розовой скатерти. Она всегда настаивала на том, чтобы белье оставалось неглаженным. Чуть расправить после стирки — этого достаточно. Ей казалось, что так сохраняется запах, напоминающий о доме. О полуденной сиесте и вечернем бризе, о рубиновом хересе и субботней паэлье.

Здесь все пыталось убить воспоминания. И это же все — воскрешало их вновь. Безжизненные рыже-красные пейзажи напоминали о песках Техаса и пляжах Макарелла и Ла Родас. Беззубые каньоны, коими изрезана добрая половина поверхности, как в зеркале отражали могучие фьорды Норвегии и Исландии. А танцы Фобоса и Деймоса в ночном небе до слез походили на гляделки Луны и... Да, той планеты, которая когда-то была всем им домом.

Он перевел взгляд на лист бумаги на столе. «Она до оскомины педантична. И никогда не оставляет ничего, не будь на то видимой причины».

Он включил плеер. Скорее, от скуки. В последние недели он всегда включал его, когда хотел услышать живой голос и чтобы хоть на время отключить тишину. Или когда ее «поиски горизонта» — как она называла субботние прогулки по дну каньонов — затягивались. «И о погоде. На Марсе — ночь. До рассвета осталось 172 часа. Температура...». 40-секундная запись прогноза погоды, поставленная на автовоспроизведение. Записана еще до прилета. Пробная. Проверяли, исправна ли аппаратура. Памяти много не занимала, потому и не стали удалять сразу. Так и оставили.

Он снова посмотрел на стол. «Понедельник, она должна бы уже вернуться. Обычный обход периметра, даже с заглядыванием во все углы и щели, не займет более полутора часов. Ее нет уже три».

Он подошел к столу и развернул лист бумаги.

«Я знаю, что ты не поддержишь мое решение. Никогда не поддерживал. Говорил, что это невозможно. Но я так больше не могу. Точнее, не хочу. Справлялась раньше, да. С помощью рутинной работы или неразбавленного джина. Но больше — не хочу. Там должен был кто-то остаться еще. После всего, что случилось. Мы не могли быть единственными. Я проверю еще раз. На месте. Я найду выживших. И вернусь. Прости.

Прости, Джеймс.

С любовью, Рейчел».

* * *

«И о погоде. На Марсе — ночь...»

Солнечный луч проскользнул сквозь окно станции, неспешно прошелся по матовой поверхности пола, остановился и взглянул на преграду перед собой. Затем, карабкаясь, перебрался через погасший датчик и остановился на металлической груди Джеймса.

ПОЖИЛОЙ БИБЛИОТЕКАРЬ

«Ты будешь здесь жить, пока не прочитаешь всех книг». Тогда эта шутка прозвучала примерно, как «не пойдешь гулять, пока не доешь». И, конечно же, тогда я как джунгарский хомяк набивал щеки гречкой, щедро сдобренной томатным соусом, и несся во двор гонять мяч с парнями, так же, как и я, избежавшими наказания. Кто ценой поедания очередной порции горохового супа, кто зубрежкой нескольких четверостиший, кто уборкой своей комнаты. Цена свободы была у каждого своя. И те несколько футбольных часов действительно были временем свободы. Мы думали только о том, как забить гол непробиваемому толстяку Буфу по прозвищу «БигМак». Забитый гол гарантировал улыбку и поцелуй белокурой Анны, а незабитый — тысячелетия позора и муки совести, которые простому смертному не суждено пережить. Но по прошествии матча неизменными всегда оставались все те же нераспечатанные ворота толстяка, и наши губы, не познавшие поцелуя красавицы Анны.

Пожалуй, в детстве я по-настоящему любил только три вещи: шоколадный пирог тетки Лиз, книги и наблюдать, как Анна идет по школьному коридору, как поправляет свои вьющиеся волосы, как в разговоре с подругами улыбаются ее зеленые глаза. Она была из тех девушек, на которых можно смотреть целую вечность. Смотришь, а мимо тебя проходят годы, сменяются правительства, сходят с орбит планеты, сгорают целые галактики. Да, просто смотреть, и все.

В тот воскресный день я, как всегда, не хотел выходить к гостям. Все эти вопросы: «О, как ты вырос, Арчи. Ты уже решил, кем хочешь стать?», «Куда думаешь поступать после окончания школы, сынок?» или «Хочешь такой же красный «Феррари», как у меня? Тогда тебе пора задуматься над своим будущим». Уф! Как же они утомляли! Вопросы между глотками шампанского, между очередной колумбийской сигарой или партией в пул. Пустые. Которые задаются лишь как дань уважения хозяевам дома. Я не любил этих фальшивых слов и отрепетированных у зеркала улыбок. Как только раздавался первый звонок в дверь, я заходил в библиотеку. Это была последняя комната в доме, где бы меня искали. Я знал это, и потому не запирался. Да и зачем? В мире есть гораздо более интересные вещи, чем Стейнбек, Достоевский, Ремарк. Я включал настольную лампу, выбирал одну из... Хм, я даже не знаю, сколько их здесь было. Свободная от книг, да и то, не полностью, была только стена с окном. Остальные — от пола до потолка были оборудованы под полки, на которых располагались мои сокровища в рубиновых, изумрудных, жемчужных окладах. На самый верх я взобраться не мог из-за своего маленького роста. Даже отцовская стремянка не помогала. Но я знал, что это был лишь вопрос времени, и тщательно подгонял его, вытягиваясь по утрам на турнике в саду. Итак, я брал книгу, сказки Андерсена, мистику Лавкрафта, фантастику Азимова, философию Камю или реализм Маркеса, и под приглушенный звон бокалов спокойно окунался в волшебный мир, спрятанный порой под вполне заурядной обложкой.

О моей слабости знала лишь тетка Лиз. Та самая, которая готовила отменный шоколадный пирог с орехами, изюмом и курагой. Возвращаясь от нее, я опускал руку в карман куртки и всегда находил там кусок этого лакомства, заботливо завернутый в вощелую бумагу. Это было так же точно, как крашенные яйца на Пасху или аллергия на шерсть дяди Феликса. Спрячь руку — получи сладкое. Непреложная истина.

Но в вечер воскресенья, когда гости в зале обсуждали гольф и политику, «звездные» разводы и стоимость нижнего белья, о моей любви к книгам узнала и Анна. Я наткнулся тогда на полке на томик Жюль Верна в темно-синей обложке. И мне почему-то захотелось тайны. «Таинственный остров», «Наутилус», капитан Грант. Вот только что может быть более таинственным, чем женщина. Да, звучит до оскомины банально. Но я до сих пор не могу понять, каким образом Анна очутилась в нашем доме. Даже позже, с годами, когда, стоя в ванной (я — намазываю на физиономию гель для бритья, она — вытирает голову после душа), я вновь пытался узнать о том, как она оказалась в библиотеке нашего дома, в ответ Анна лишь чмокала меня в щеку и говорила, что есть более интересные загадки, над раскрытием которых мне стоит ломать голову.

— Ты будешь здесь жить, пока не прочитаешь всех книг? — я не слышал, как отворилась дверь и вошла Анна. А услышав ее голос и обернувшись, регрессировал до младенческого возраста со словарным запасом из протяжных «а-а-а», «э-э-э», «и-и-и». Она стояла в тени, не доходя нескольких сантиметров до границы, где начинался свет

от лампы. Стоя на носочках, запрокинув голову вверх и чуть приоткрыв рот, она, казалось, читала названия книг там под небесами. Ее легкое синее платье чуть приподнялось, приоткрыв небольшой шрам на правой голени — след от увлечения конной ездой. Светлые волосы струями водопада Анхель с легкой небрежностью стекали по плечам и спине.

Она повернулась ко мне и улыбнулась. Одними глазами. Так, как умела только она.,, Сколько времени нужно умной женщине, даже если она еще только девушка и в следующем году оканчивает школу, чтобы понять, что происходит с парнем напротив? Анне хватило секунды. В тот вечер она вернула мне способность говорить, рассказала, что тоже любит проводить время наедине с книгой и ненавидит шумные вечеринки, а напоследок — потрепала по волосам и сказала, что была бы рада еще поболтать со мной.

А на следующий день почти одновременно случились две вещи. Я забил гол «Биг-Маку» и... Да. Не знаю, может, решающую роль сыграло мое смиренное поедание рисовой каши с яблоками, или же тот факт, что Буф был братом Анны. Сейчас, когда я покручиваю кольцо на правой руке, думаю, это уже не имеет абсолютно никакого значения.

У времени много весьма полезных свойств. Оно лечит, помогает избавиться от ненужного мусора в голове и жизни, вековой пылью скрывает от глаз уродливое, страшное, пугающее. Но иногда его действия я никак не могу понять.

Я уже привык, что из кармана куртки давно уже пропал даже запах теткингого пирога. И ничего подобного в своей жизни мне больше не суждено попробовать. С годами привыкнуть можно ко всему. К отсутствию бумаги в общественном туалете, пересоленному супу в рабочей столовой, неугомонным соседям с полными дискотеками, бессонным ночам и головной боли. Это несложно. Надо просто думать о чем-то приятном.,, Но свыкнуться с отсутствием Анны — никогда.

«Ты будешь здесь жить, пока не прочитаешь всех книг». Тогда это прозвучало как шутка. Сейчас, глядя на окружающие меня вселенные в потертых обложках, вселенные, в одной из которых меня ждет моя белокурая красавица, это звучит как проклятие.

Но все же каждый день, входя в библиотеку, опирая палочку о томик Толстого и перетаскивая стремянку, я не устаю повторять:

— Подожди, милая, осталась только одна полка. Там, наверху.

НЕСОЖЖЕННАЯ РУКОПИСЬ

Дорогой друг!

Прости, что долго не писал. Ты же знаешь, насколько я обременен заботами. Пустыми, но такими значительными. Обмотан ими, как липкой лентой, — стараюсь избавиться от одной, а к ней липнет еще десяток...

Да, согласен, скверная попытка... Наверняка, ты понимаешь, что мне было просто лень...

Мне всегда казалось, что письмо должно быть непременно большим, несколько исписанных страниц мелким почерком. А сейчас вот сижу и пытаюсь выдавить из себя хоть слово. С каждым днем моя способность внятно излагать мысли стирается, теряется в лабиринтах и подвалах моей картонной коробочки. Ящика, который я старательно наполнял со времени, когда книги перестали быть только подставкой у замочной скважины в женскую раздевалку. Помнишь, мы по очереди, по одному обороту секундной стрелки, стояли на «Арифметике» и «Природоведении» у двери в Ж-корпус? Так никогда ничего и не разглядев. Но ты говорил, что важен ведь сам процесс...

Уж прости, что по старинке продолжаю писать от руки. Не доверяю я всей этой кнопочной технике, пытающейся облегчить нам жизнь. А на деле — только усложняющей. Да, знаю, почерк у меня всегда был скверный. В начальной школе на меня извели не одну сотню тетрадей с прописью. Но ты единственный, кто без проблем его разбирал, как бы ни старался я его запутать.

У нас снова осень. Я днями сижу у окна и глазею на стекающие по стеклу капли. Порой, они доводят до безумия. Вся эта жидкая монотонность, моющая пластиковые

глазницы моей хижины. «Сегодня ожидается дождь, не забудьте взять зонт». Он будет ожидаться и завтра, и послезавтра, и на Пасху. Готов поспорить, что в очереди на Страшном Суде мы все будем стоять под зонтами... Когда я начинаю всерьез роптать на свою промокшую судьбу, то вдруг вспоминаю — ведь когда-то я был волен выбрать любое время года. Мы же сами выбираем: кому-то ледяной адреналин Ишгля и Майрхофена, кому-то морской прибой и нега Амальфи и Лидо ди Езоло... Я почему-то выбрал осень. Думал, что осень — это неизменное спокойствие, обжигающий глинтвейн с корицей и красные яблоки на столе в кухне. Оказалось все более прозаично — депрессия, гастрит и мучнистая роса. Прогодал с выбором. Бывает...

Недавно познакомился с одной особой. Высокая, рыжеволосая, с родинкой на правом плече в виде листа клевера и запахом морского шторма. Двадцать пять лет назад она выбрала Римини. Там всегда жарко. Не знаю, как ее занесло сюда. Может, виной ее любовь к яблокам и чуть перезревшему винограду... Не знаю. Такие надолго здесь не задерживаются. Слишком серые краски, она не привыкла к такой палитре. Все смотрит на карту на стене... Хотя, где бы она не появилась, температура стремительно поднимается вверх, по радио начинают крутить рок-н-ролл, а маренго и терракот сменяются на шампань, милори и вермильон (да, я все так же люблю импрессионистов)...

«Как называют неподаренные девушке цветы?.. Десять букв, третья «о». — Она сидела в кафе с громадной чашкой ирландского капучино и разгадывала кроссворд. Не скрою, наблюдать за человеком гораздо приятнее, чем за тучью в небе. А если этот человек — девушка, использующая карандаш и как средство для письма, и как орудие для размешивания сахара? И если сопровождает ее целая свита разнообразных существ, сделанных на скорую руку из салфеток?

Ее журчащий, чуть с хрипотцой голос (видимо, сказала перемена погодных условий), выдернул меня с горячего белого июньского песка где-то в районе 30-й параллели и запихнул в тесные скользкие сумерки ноябрьской кофейни.

Тебе наверняка знакомо то чувство, когда ты просыпаешься утром, после, казалось, тысячелетних ливней, когда и сама надежда увидеть лоскуток голубого неба пропала, а сквозь шторы к тебе в кровать дерзко прорывается солнечный луч. Ты, не веря, сбрасываешь с себя одеяло, подбегаешь к окну и одним движением впускаешь в дом долгожданного гостя. Вверху — ни облачка, ни намек на надоевшую сырость. Через минуту ты уже на улице, вдыхаешь свежий теплый воздух. Проходит час, но солнце все еще светит, и небо все так же наполнено до краев нежным маринном. То же происходит и завтра, и через неделю. Тебе уже грезятся запахи жасмина и ванили, соловьиные трели и смех цикад. И кажется, что произошло какое-то чудо, и так будет всегда. И тебе вновь двадцать пять. И по венам льются испанская мадера и страстный фламенко. И ты дурачишься до зари. И в твоих глазах вновь отражается свет. И...

Но «бабье лето» так же резко заканчивается, как и начинается. Кому-то оно дает день, кому-то — неделю...

...Она уехала пару дней назад, своего рода — тренер-по-прекрасной-жизни. Оставив после себя горячий поцелуй на щеке и каталог воспоминаний: жизнерадостный звонкий смех и опьяняющую, немного детскую, улыбку, развевающийся шелк волос на ветру и несколько слов: «Прощальные... Их никогда не дарят... Плохая примета»...

...Вчера ездил за город, к аэродрому. Набрал в термос капучино с ирландским виски (решил теперь перейти на него), присел у старого каштана-пенсионера и наблюдал. Смотрел, как взлетают и садятся самолеты. В дождь они делают это как-то по-особенному, с тоской, что ли. Если ты когда-нибудь на школьном балу танцевал один, поймешь, о чем я...

Ты не задумывался, что при всей этой насыщенности, при всем и всех, кто и что нас окружает, все же приходит время, когда мы остаемся одни. Как бы мы это ни хотели... Они взлетают и приземляются одни. Такие гордые и такие печальные... Мы — приходим поодиночке, и уходим, тихо прикрыв за собой калитку. Мы — самолеты (кто-то «боинг», кто-то «кукурузник»), приземлившись на дозаправку, и ждущие голоса диспетчера, чтобы взлететь...

Да, наверное, в следующий раз виски нужно добавлять поменьше...

Знаешь, я подумал попробовать все с начала. Говорят, новые романы хорошо получается писать на чистых листах. Даже если эти листы поседели от времени, и покры-

ЛАВА 39

лись морщинами. Конечно, глупо готовить завтрак перед закатом. Но когда ты измучен голодом, приличия отходят на второй план.

Будет лучше, если я избавлюсь от всего хлама, что накопил. Сжечь все. Все эти чертежи на листочках в клетку, наброски на обрывках уличных газет, рукописи, дневники, письма... Их так много. Неплохой получится костерок. С характерным запахом выцветших чернил и покрытых плесенью желаний.

Дружище, будет время — приходи...
...Придешь?..

Александр Трегубов

Родился 10 декабря 1979 году в г. Сумы.

Учился в школе №2.

В 2003 году окончил Сумской филиал Харьковского Национального университета внутренних дел. Работаю юристом.

С детства хотел стать писателем. Но стихи и прозу начал писать лишь с 2016 года. Печатался в литературном журнале «Лав» в 2018 г.

г. Щелково (Подмосковье)

Вячеслав РЫЖЕНКОВ

ЗОВ О ПРОШЛОМ, О БУДУЩЕМ ОДА

ЗВЕЗДА-СВЕЧА

памяти Андрея Зверева

Сияет скупое в небесах
Звезда разбившихся пилотов...
Звезда оборванных полётов —
Мечта и смерть,
Восторг и крах.

Стремиться к ней на склоне дней
Зовёт лишь память испытаний,
Угар несбывшихся желаний,
Да гул умчавшихся коней.

Но не сгорай, звезда-свеча!
Тепло костра, уют камина —
Земная жизни половина
Ничто без твоего луча.

Всегда зовёт, всегда в полёт,
Хоть ничего не обещает.
Во тьме по-прежнему сияет,
Как будто жжёт, как будто ждёт.

ДОЛГАЯ ГОЛОВОЛОМКА

Во дни кромешного сплошного дефицита
Я ждал Её, а увидел Его.
Сверкал он гранями, с усмешкой паразита,
И в каждой клеточке таилось торжество.

Он был в тот громкий год забавой дипломатов!
Мечтал ли кто-нибудь держать его в руках?
А тут лежит. Жаль, стоит многовато,
Настолько, что забыть придётся о цветах...

Жесток был выбор. Кубик или букетик?
Решив со вздохом, что цветы — цветут всегда,
Схватил без памяти от Рубика приветик,
Единственный каприз сквозь долгие года.

Вздыхнув, смотрю порой на выцветшие грани.
Жив спутник долгих лет. Всё прочее — как сны.
Цвета на сторонах досель не собираю.
Цветов же не вернуть, как не вернуть весны.

ПОСЛАНИЕ СТАРОМУ ПРИЯТЕЛЮ

Зов о прошлом, о будущем ода,
Отдается в нечутких ушах,
Как далекий гудок парохода
Или эхо обвала в горах.

Где-то, как-то. О чём — непонятно.
Мы и сами умеем шуметь.
Громозвучно, успешно, приятно
Бить в железо. И камень. И медь.

Замутилась теперь панорама.
Ощущаю, как хочешь ты сам
Отрешиться от старого хлама,
Весь раздать. По чинам, по долгам.

Флаг — эпохе, раздумья — стакану,
Горечь — водке, иуде — печать.
А потом окунуться в нирвану.
И писать. Сочинять, сочинять.

ТИХОМИРОВУ ОЛЕГУ, ПРИВЕТ ИЗ МОЕЙ МОЛОДОСТИ

Три из четырёх нетрудно сделать.
Два из трёх — не сотворить судьбе.
Если трём распастся захотелось —
Каждый будет сам, и по себе.

Три ль, четыре разбрелось по свету...
Только столкновение решит.
Ведь теперь, по едкому совету,
Каждый сам себе принадлежит.

Может быть, рассыпавшись на части,
Быть созвучьем им не надлежит?
И выходит, у судьбины в пасти
Каждый будет каждым пережит.

ОТРАЖЕНИЕ

Пустые мысли,
Пустые звуки.
Слова закисли,
Поникли руки.

Под редкой шапкой
Волос остатка
Ни грамма смысла.
Зрачки да шапка.

Взреветь октавой?
Ну, что ж, попробуй.
Коль надоело
Реветь коровой.

ЕЩЁ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Как всё славно вокруг,
Наше поле раскинулось справа.
А вот там скотный двор,
Коновязи, курятник и дом.
Степь до самого неба,
Друзья, пикники и забавы.
Лучше нет ничего.
Всё родное, живое кругом.

Ураган налетит —
Мы с Тотошкой укроемся в погреб.
«Не ворчи, дурачок,
Там, за тучами, нет ничего».
Налетит и умчится.
И снова всё станет спокойно.
Здесь мы дома, Тото.
А ведь это главное всего.

ВОТ И ВСЁ...

Свалился дуб. Распалось королевство.
Закисло явь: не греет, не цветёт.
Доели детки пыльное наследство,
Сглодали, обсосали переплёт.

Гуляй, пурга. Стучите, льдинки, в доски.
Накрой сугробом, белой пеленой
Следы всех тех, кто здесь оставил кости,
В компании с обувкой жестяной.

Гордись и помни, нет того, что было.
Проходит всё.
Приходит не всегда.
На смену лани — сивая кобыла,
Взамен хлебов — пустая лебеда.

НЕ ХОДИ

Не ходи на небо,
Там легко живётся.
Там не нужно хлеба,
И вода не пьётся.

Там с любым случиться
Может что угодно,
Чудо там струится
Чисто и свободно.

Там не надо биться,
Шевелить руками.
Всё и так свершится,
Станет пред глазами.

Всё получишь разом,
Если не имеешь.
Не моргнёшь и глазом,
Охнуть не успеешь.

Так или иначе
Что-нибудь да станет.
Если вдруг захочешь,
Если вдруг потянет.

ПОДНЯВ ГЛАЗА

Сердца друзей, их лица молодые
Остались только в тонких облаках.
Когда они плывут, совсем седые,
По небу, тихо тая на глазах.

А погляди вокруг, всё млеет в цвете
Таких же белых, но живых цветков.
Цветёт земля. И дела нет планете
До тающих на небе облаков.

А солнце только добавляет свету,
Вливая силу в сочный рост цветка.
В его лучах, невольно вновь согреты,
Еще быстрее растают облака.

Рыженков Вячеслав Борисович, род. в 1956 году, окончил МИХМ, инженер-технолог, проживает в г.Щелково (Подмосковье). Публиковался на литературных сайтах и в региональной печати.

Москва

Лев ГРИГОРЯН

ВИХИРБАРА И СНУРСЕН

Толстая старая вихирбара смутно ворочалась в обретении сна. Не шло. ИндеVELO запорожь. Холод напоздал струями, подбирал с краёв. Вихирбара зябко ёжилась, стягивала школу на плечи, шерсть её топорщилась.

На донышке сновидения, у самой изнанки, лучился снурсен. Вихирбаре мреялось: он вышел, он близится, наискось стылых струй. Он бредёт уже нижними мхами, расступая знобкую склянь. Шагом ход, шагом, через два и занач.

Моржовые усы снурсена грели горизонт сонной тиши, и вихирбара вновь воспарила в юность, в сладостный, давно забытый трепет первой армантьеры, первого касания флейч за терновной излесью.

Только б не соскользнуть с облаков основидья, не вынырнуть в явь. Инже снурсену будет забота начинать путь сначала. А где-то таится оргла, хищная безраздельная оргла, наплывающая сразу со всех сторон, чтобы поглотить снурсена.

Как говорила кюнхен в минувшем осеннем году: оргла не взотмится никогда, оргла — мавь, орглы нет, есть лишь страх перед орглой. Но настал зимний год, и оргла поглотила клёструю кюнхен. И оргла была всюду, и явилась метель.

Лёд памяти, сцепляющий с кюнхен, обжог вихирбару. Растаяло, разомкнулось. Снурсен истаял тоже. Ему теперь навторо — из долгой норы, шаг через два.

Вихирбара подёрнула школу. Требно чтобы снурсен сумел. Чтобы оргла не отъяла его у мира. Если снурсен надберёт шаг, ввалится запыхавшийся, прежде чем оргла захлынет его с головой, если, если... Тогда есть надежда. Тень надежды. Шелковистая воцупь её.

Вихирбара дремала неснутко. Изглубинная дрожь колыхала ей тяжкие хлоги. Жалось сердце. Снурсен шёл, искрушая метель. Лостья снега били ему в лицо, залепляли глаза, моростили усы. Лапы его вязко топли в сугробах. Оргла тонкими чильфами докасались охмотцев его шушунги. Цах, цахх, цахх, — слышала вихирбара сквозь сон. И уже возметнулись моргульи... Снурсен грозно взревел наперечь оргле, чильфы мижно осунулись.

«Оргла — мавь», — плыли тенью сквозь вихирбару мысли снурсена, и сама вихирбара плыла, покачиваясь им в такт, и сама была мыслью, мечтой, пушинкой сказочной фламинелии, что цветёт лишь в весенний год, в ночь томления юных флейч. И где-то напевно смеялась кюнхен...

Снег — топлёное молоко, метель — ласковая мавея, а сугробы — лебяжий пух, он так манит, зовёт смежить веки. Вихирбара зевотно усмилась, задышала ровнее. Нить до снурсена дрогнула, стрельно оборвалась, осыпалась волглой капелью. Наст сугробов отразился в глазах снурсена блёсткими искрами, нацелился миллионами острых сверцалистых игл. Оргла разъялась, чтобы через терценду сомкнуться вновь.

Но снурсен был уже на спорожье. Он рыча рванул дубовую дверь, отворил разволье и ввалился в нору вихирбары, клубясь паром, как дорный клешак.

Рохверк двери, победный клич снурсена опрокинули мерную тихвень, вся нора взастренчала разом, гроздью реющих голосов.

Вихирбара надсела, сбросила школу. Взор её озарился радужной мелой: грёза сошлась с реалью — живой снурсен стоял перед ней.

— Чимле ты? — прошельнула она.

— Сколько ж лет, — онумился снурсен, заключая её в негу объятий.

— А весна одна, — с ласной улыбкой климнула вихирбара и прижалась к снурсену щекой.

Так они и стояли, шаг через два, восхищая трепет друг друга.

— Смотри! — сказал снурсен, отшагнув толинку. В закрыльях его шушунги вились весенние стебельки.

Вихирбара трожно глядела, а снурсен горстями ладоней развеял зелёное кружево по всей нустре норы.

Цветы принялись. Фламинелия неприхотлива и восцветает мижно. Нора ополнилась ароманчивым щёкотом. Вихирбара чихнула, глаза её услезились, а когда она лапой смахнула орось слёз, перед ней тёплой воссветью сияла кюнхен. Настоящая живая кюнхен в стеблях фламинелии смеялась свирельчатой сенью весны, и снурсен мягко наддерживал её тольную лапку.

Вихирбара протяжно шмильну́ла и во всю зорь очей уставилась на кюнхен — ещё не веря, но уже зная.

«Та же... моя... лорная кюнхен... Не мавлице, не увтора... Моя, наша кюнхен здесь зановче!»

Улыбка снурсена рассеяла смуту сомнений. И вихирбара, тянайше лапы, заметила, как безмятежен взгляд кюнхен.

«Глаза её — словно до орглы, такие же ясные, будто нет в нашем мире измортицы, и не может быть вовсе», — показалось на миг вихирбаре.

— Нульче, — смешливо вступнула кюнхен.

И вихирбару онзило: нет, иное! Заопричь всюду оргла, лихожутная как никогда, а у кюнхен в глазах тает память о поверженной оргле. После орглы — вот в чём цвет её глаз.

И как будто в синфлет этим мыслям, где-то далеко-далеко, за горой, в гнездовьях тужных моргулий, расступилась небесная ласча и забрезжило велье.

Впервые моргульи допережь клёнгота намедлили думицу, рискуя утратиться в оргле. И оргла впервые не смогла сомкнуть чильфы окружь лепестков ластовейника, шнутко увившего скалы.

А дийче всего орглу смавила язь: орглы нет — есть лишь тысячи тысяч снурсенов, вихирбар, моргулий и кюнхен, и их общая мавь. Только мавь. Вот она и есть оргла.

И чтобы обрести себя вновь, оргла медленно принялась поглощать себя знўтро, путая чильфы с заклёнгами, разымаясь, расточая лето, весну, армантьеру...

А вихирбара, снурсен и кюнхен вышли натрое заспорожье и клёстро глядели в вельное небо. Они не были частью орглы. Они были целым.

И оргла ястро улыбалась им вспять.

Григорян Лев Арменович, 1980 г.р.

Рассказы, сказки и стихи публиковались в журналах «Нева», «Дарьял», «Веси», «Литературная Армения», «Нижний Новгород», «Огни Кузбасса», «Доля», «Истоки», «Южная звезда», «Техника — молодёжи», «Звонница», «Русское эхо», «Изящная словесность», «Балтика-Калининград», «Сура», «Казань», «Проталина», «Родная Кубань», «Дон новый», «Знание-сила: Фантастика», «Юный техник», «Вышгород», «Крещатик», «Родная Ладога», «Голос эпохи», «Северо-Муйские огни», «Идель», «Волга – XXI век», «Машины и Механизмы», «Соты», «Огни над Бией», «Молоко», «Великороссь», «Русский свет», «Наша улица», «Южный остров», «Кольцо А», «Стражник», альманахах «Земляки», «Образ», «Менестрель», «Подсолнушек», «Территория слова», «Под часами», «Ковчег», «Новый Континент» и др.

Лауреат конкурсов:

— «Хрустальный родник» (2018) — I место в номинации «Проза для детей»;

— «Стилисты добра» (2018, 2019) — II и III место в номинации «Проза».

Финалист конкурсов:

— «Новые сказки» (2017) издательства «Союз писателей»;

— «Фаншико» (2018) издательства «Шико-Севастополь»;

— «Славянские традиции» (2019);

— «Добрая лира» (2018);

— премии «Молоко волчицы» (2017).

Полуфиналист конкурсов:

— «Короткое детское произведение» издательства «Настя и Никита» (2016);

— «Волошинский конкурс» (2019);

— «Славянские традиции» (2018);

— «Золотой Витязь» (2018).

Специальный диплом Гайдаровского конкурса (2018).

Москва

Амаяк Тер-Абрамянц Корниенко

МАМИНЫ СКАЗКИ

(мемория)

1

Мама загорала на волшебной коктебельской гальке, закрыв глаза. Я только что выскочив из воды, мокрый и приятно озябший лёг рядом, чувствуя светлый летучий восторг солнечной быстро согревающей щекотки испаряющихся на коже капель. Мама любила лежать так, чтобы набегающие волны касались её стоп и пена доставала до голеней. Справа вторгался в море громадный Кара-Даг с его премудрыми изломами каменными чудесами, за ним от моря в очередь — круглая зелёная от курчавого леса гора с серый прямоугольной проплешинной на склоне бухтами, и скалистый пик Сюрю-Кая,— три горы совершенно разного характера... впереди сияло синее море — бескрайнее как радостное обещание счастья.

— А хочешь я тебе расскажу сказку? — неожиданно спросила мама, не открывая глаз.

— Я, чтобы её не обидеть нехотя согласился — мне было уже 11 лет и сказок я уже почти не читал — всё больше приключения, фантастику...

— Жила была девочка, — начала мама, — ей было столько же лет, сколько тебе. Родители её умерли, дома не было своего, и она ночевала в сарае с коробками... И каждую ночь в сарае начинало шуршать, едва она собиралась заснуть — это были крысы, собиралась целая стая и они приближались наступали на неё. Девочке было страшно, и она отгоняла их от себя...

Мама неожиданно замолкла. Шумело море, слышался весёлый визг детей. На продолжении сказки я не настаивал, сказка казалась какой-то неинтересной, начало и продолжение её тонули в какой-то серой мгле... А возможно, мама просто не успела досочинить сказку, потому и не стала продолжать. Но что-то, видимо, было в её обертоне такое из-за чего эта «сказка» не забылась, а упала на дно памяти навсегда. И смутная догадка-подозрение оставалась: «Это была ты!»

— «А потом у неё всё стало хорошо!» — неожиданно закончила мама, обернувшись ко мне и открыв свои зелёные лучистые глаза и улыбаясь.

Тем летом отец и мама поссорились в аккурат перед её отпуском, и мы поехали на юг без него. Здесь я впервые через много лет увидел снова море, но непохожее на голубовато-стальную холодную Балтику моего раннего детства, а ярко синее, а мама после короткого боя с директором пансионата Планерское выбила нам номер на первом этаже на двадцать дней.

Был 1962 год. Коктебель казался раем, наградой за год существования в сером промышленном и безликом городе в центре России со скучной школой, спасением от тоски которого были лишь пластилиновые игры-миры с приятелями по дому и впервые прочитанные «Остров сокровищ», «Три мушкетёра», «Следопыт»... А здесь всё намекало на приключение — и ветровые и вулканические скульптуры Кара-Дага (одни Золотые ворота стоящие среди моря чего стоили!) его бухточки — сердоликовая, разбойничья... И чёрные спины дельфинов с острыми плавниками раза три прокатившиеся баллонами над ослепительной фиолетовой гладью в мелкой ряби, по территории ходили павлины с раздёрганными туристами, но не потерявшими своего великолепия перьями, кричавшие по ночам: «Мяу! Мяу!», здесь я научился плавать! Каждый день в Планерском (тогда так чаще называли Коктебель) приносил какое-то открытие...

— А вот я тебе расскажу как мы жили, когда я была маленькой, — мама неожиданно повернулась ко мне, в руке у неё оказалась палочка и она начала чертить на полосе песка среди гальки.

Она начертила большой прямоугольник с закруглёнными углами — «Вот такой у нас был двор»... Потом она принялась рассказывать и чертить где что находилось: «вот тут каменный дом зимний под железом, дальше летняя хата, сад большой. А тут задний двор: кухня, сараи, где всякие хозяйственный инвентарь был — сеялка, веялка, плуг...

Мне было не очень интересно, но я слушал, не понимая ни названий, ни назначения сельскохозяйственных предметов. Куда всё это делось меня не очень интересовало — я

мечтал в этом году поступить в пионеры, потому что в пионеры, как говорили, принимали самые лучших.

Мама ещё не раз рисовала двор своего детства — на пляжном песке или на бумаге, уже дома. Но мне не было дела куда всё это могло деться — ведь столько времени прошло и война была... А для мамы видно имело значение расположение каждой вещи на плане — кухни, хаты, дома под железом, хозяйственных построек...

Паспорт. Паспорт у неё был удивительный: в графе место рождения указано — село Братское Братского района, Одесской области, что было вымыслом. И год рождения указан 1919, а не 1918... Имя крестильное своё она раскрыла только на восьмом десятке лет — не любила она его, мрачное что-то будило... «Меня Варей звали, а когда одна осталась, букву «р» не выговаривала (зуба переднего не было), так меня и стали называть Валя и в паспорт записали». Новое имя — ещё один барьер от прошлого.

«Никогда, никогда никому не говори, кто твои родители, говори — не помню, детдомовская я...» — напутствовала умирающая мать. Тайну свою дочь хранила почти до самой «Перестройки».

А родилась она на хуторе в степи Новороссии, вдали от крупных дорог и городов. «Первый раз машину я увидела в пять лет, водитель был такой важный, в крагах, с лётными очками, в шлеме...» Он ехал через деревню и остановился то ли что-то подправить, то ли воды испить на радость сбежавшейся тут же детворе, да и взрослым было любопытно. Дети впервые увидели, что нечто может передвигаться БЕЗ ЛОШАДИ и услышали ставшее сразу священным, символом чудесного слово — МОТОР! Мотору предстояло стать идолом наступившей эпохи и их подчинить.

«Самолёт в девять лет увидела, он приземлился в нескольких километрах от деревни. Что тут было! Все кинулись бегом к нему — и дети, и взрослые, и старики! Добежать не успели: он разогнался и взлетел... А первый поезд увидела в десять лет... Ох, и дикие же мы были, ох и дикие! (Смеётся) — Учительница всё никак не могла нам объяснить, что такое озеро и что такое остров! Она говорит, а мы не понимаем. Хватает тарелку, наливает воду: це озеро, понятно? Понятно — киваем. Она выливает воду и переворачивает терелку: це остров, понятно? — опять киваем... Озеро-остров, остров-озеро бубним, и ничего понять не можем.»

А как понять — вокруг, куда ни глянь, ровная, как стол, степь до горизонта, прорезываемая лишь речушкой, откуда-то с северной стороны из-за горизонта появляющейся и за южным краем горизонта исчезающей... вот и вся природа... Человека приближающегося из самого далёка видно, будто точка появляется в степи и медленно, медленно увеличивается, наконец обретает фигуру и, лишь совсем близко, черты... Какие тут острова, какие моря?

Странное и длинное название для такой невзрачной речки Каменно-Костоватая! (Это я сам потом по интернет карте разузнал). На правом берегу и был хутор Устиновка, где мама белый свет увидела, а на левом, ниже по течению деревня со смешным названием «Прищепьивка»

Передо мной фото на паспарту, которому не менее 100 лет: три русских солдата — средний сидит, фуражка лихо сдвинута, двое стоят по сторонам — крайний слева, без фуражки, с открытым высоким лбом и пытливым взглядом мой украинский дед Сергей, позади античная ваза с цветами, складки портьеры — интерьер фотосалона в духе понимания красоты того времени.

Фото явно сделано перед отправкой на фронт: солдатские формы явно новенькие, чистые, нет заломов, помятостей, нет ни одного значка или медали — только простые матерчатые солдатские погоны. Участники той Великой Войны, почти стёртой со страниц учебников большевиками, растоптавшими её кладбища и прилепившими к ней принижающее определение «империалистическая».

Известно, что после революции Сергей воевал в Красной Армии, а брат его родной был белым офицером — прапорщик или поручик неизвестно. Умер Сергей рано, году в 1922-ом, судя по всему от рака кишечника. Но родил уже к тому времени четырёх дочек, из которых мама оказалась самая младшая.

Вообще Робинзону Крузо было чему поучиться у этих людей степи. Однажды мама рассказывала о производственных процессах крестьянина с удивительными подробностями и деталями, я кое-что записал.

«Все делали сами: и хлеб сеяли, и собирали, и пекли, колбасы сами делали, одежду из льна и конопля — рубашки, платья, постельное белье, коврики пряли...»
 «Были в хозяйстве сеялка, веялка, борона, плуг. Плугом землю вспахивали, — косое железное лезвие на трех колесах, борона — волокущиеся за лошадей грабли, разбивала крупные комья на мелкие. Сеялка — прямоугольник с дырками в днище, заполненный зерном, — тоже тащила лошадь...»

А лен и коноплю рвали руками, связывали в пучки, такое-то время сушили, потом мочили в реке, в черной грязи. Очень весело бывало, когда ее отмывали: купались в проточной воде. Стебли после этого становились белыми, их снова сушили, потом отбивали, чтобы снять шелуху: выкладывали стебли на брус, установленный поперечно на двух шестах над землей и отбивали круглой палкой. Вся шелуха падала вниз, оставались нити, которые расчесывали и накручивали в мотки. На веретене из этих мотков делали нитки требуемой толщины — скручивали нити льна. А на прялке делали более тонкие нитки.»

Но не только одежда и пища, но и строительство: сами изготавливали кирпичи, сами строили мазанки.

«Черноземную грязь и полову смешивали: кто победнее, месил ногами, у того, кто побогаче — месила лошадь. Полученное месиво заливали в решетку из досок, чтобы получить форму кирпичей. Грязь сохла, и в каждой ячейке получался кирпич. Из этих кирпичей складывали мазанки, стены вокруг огородов и садов. Чтобы кирпичи держались, стены несколько раз с помощью доски обмазывали тонким слоем глины (отсюда и название — «мазанки»), каждый раз дожидаясь их полного просыхания. Только потом красили известкой стены (вот ведь и о красоте крестьянин не забывал!) — предварительно ее в воде растворяли, а вода при этом кипела.

И высота и размеры мазанки были точно рассчитаны. Вообще крестьянское хозяйство было практически безотходным: все шло в дело, даже сажа — ею, опять же для красоты, проводили линию внизу наружных белых стен дома.

За две недели до Рождества резали свинью. Задняя часть шла на окорок, который весной коптили, из остального делали различные продукты: тонкий кишечник — на колбасы — кровяные, печеночные, чесночные и прочие. В толстый кишечник набивали лапшу и вермишель, отваривали, легкие также ели...»

До трагедии коллективизации уклад сельской жизни с ее трудом и праздниками сохранялся и после революции практически прежним. И праздники религиозные и народные оставались те же, и наиболее запомнившимся было Рождество Христово. «Одевали самое лучшее и садились за стол, на столе — только рыбное — рыба в соусе, жареная, заливная и прочая, в углу под лампадой ставился казан с компотом и рис (кутья). Детям давали калачи с конфетами посреди и отправляли к соседям калядовать. Приходя к соседям мы пели: «Сею-вею, посеваю, с Новым Годом поздравляю!» Зерно бросали в хату, конфеты дарили и нас угощали конфетами» Была ещё колядка « Дева Мария по полю ходила...» на благословление урожая.

Пели, поздравляли, дарили соседям конфеты, за что получали подарки, и что особенно ценилось по одной или несколько копеек.»

Рассказывала, однако, о деревенском быте без умиления, без задыхания: все это был тяжелейший от зари и до зари физический труд, рано старивший людей. А сердце рвалось к чему-то необыкновенному. Бывало среди беготни и игр с мальчишками, после налётов на чужие сады, в которых верховодила, вдруг останавливалась говоря "А надоели вы все мне!" и уходила одна в степь. Ляжет на траву и смотрит на облака за сказочными взаимопревращениями образов и мечтается что-то, рвётся как птица из груди. Иные люди рождаются и живут, как все, а у иных будто врождённое какое-то требование необычности, жажда новизны, подвига и вера в собственные силы, в свою необычность. За эти приступы надменности деревенские мальчишки её «аристократкой» дразнили. А раз вскочила на необъезжанного жеребца Мальчика и понёс её Мальчик за ворота, вдоль речки к обрыву и сбросил: с тех пор на всю жизнь крохотный, почти незаметный шрамик на брови остался.

Впечатлительная была: рассказ священника о Страшном Суде напугал необыкновенно: «Как затрубят архангелы, как разверзнется земля, восстанут мёртвые на Страшный Суд...» И снились ей после кошмары нередко, и думала она о грозном Боге и

наказании. И представлялся он ей по-народному язычески — то хитрым дедом с седой бородой, то грозным Спасом-Вседержителем на троне...

Так и жил хутор со своим большим хозяйством на женских плечах.

... Но женскими силами много не напашешь, вот и приходилось нанимать мужиков из деревни, а в обмен давали пользоваться своими лошадьми и сельскохозяйственным инвентарём, которого на хуторе было достаточно. Это и сыграло свою роль при коллективизации: «Использование наёмного труда — эксплуатация! Раскулачить! На Соловки! Пришли деревенские бездельники, пьяницы, за час всех выгнали из хутора, а дом наш под железом себе под сельсовет определили... И мама моя бежала — сто километров по степи на руках несла...»

Я помню, когда мы в школе проходили «Поднятую целину» Шолохова и я начал читать сцену, когда семью бывшего красного партизана, как кулака, выбрасывали из дома, мама сильно взволновалась: «Вот так же и нас!» — побледнела она, по лицу её будто тень прошла.

Судьбы четырёх сестёр сложились по разному: одна перед началом коллективизации успела выйти замуж за комсомольского лидера, тётя Галя, приезжавшая к нам в Таллин после смерти Сталина, вместе с мужем была выслана на Север, бабушка с мой мамой на руках бежала через степь, спасая дочь, судьбу четвёртой сестры я не помню.

Зато тётя Галя потом рассказала маме, что было с высланными: погрузили в телятники, вывезли в тайгу в архангельской области и выбросили прямо в снег... Мужики пошли рубить дрова, для костра, женщины стали ставить шалаши... За зиму все дети погибли от голода и мороза — от всех поселенцев осталась половина. Позже они, умелые крестьяне, отстроили себе деревню, выжили. Сын тёти Гали даже уехал в Архангельск и стал моряком, а муж попал в лагерь за то, что увидев гниющие доски, сказал: «Был бы хозяин, такого бы не допустил!»

Бабушка, преодолевая кордоны, добралась таки до города, где и погибла от голода и испытаний с последним напутствием дочери: «Никогда никому не говори, кто твои родители и откуда ты — говори детдомовская!». И осталась моя мама в десять лет сиротой. На этот период, видимо, и приходился рассказ мамы о страшных одиноких ночах в сарае и штурмах крыс. Судьба смиловилась, маму спасла от голода и детдома молодая еврейская семья Яблонских. У них как раз родилась дочка и ей нужна была няня. Несколько лет мама прожила у них, ухаживая за маленькой Раечкой. Фима, глава семейства гордо именовал себя коммерсантом, хотя время для коммерсантов наступало лихое. «Мама, — однажды ревниво спросил я, — а как они к тебе относились?» Ответ был неожиданным, лицо мамы озарила улыбка: «Сынок, дорогой, да к своим у нас так не относятся!»

Неспроста за всю жизнь не слышал от неё слова плохого о евреях!

Мамина юность прошла в крупном промышленном городе Кривой Рог. Здесь в комсомол вступила, жила в общежитии — в доме коммуны. Этот экспериментальный дом-коммуна был выстроен для создания человека нового типа, без тлетворного влияния старого мира — для молодых строителей коммунизма: здесь всё было общее, минимум личного, и сосредоточено так, чтобы советский человек меньше отвлекался на быт, а больше работал и постоянно находился в коллективе: общая столовая, прачечная, общие кухни, конференц залы для праздников... Вот её предвоенная фотография: худощавая девушка среди двух подруг, комсомолка тридцатых, свято верующая в идеалы коммунизма, в вождя, тайно стыдящаяся своего прошлого (ведь если так поступили с её родителями, значит, они были в чём-то виновны, ведь народная власть не ошибается!). Но тлело, тлело пламя потребности в подвиге, лидерстве, и время гремело подвигами (полёты Чкалова через Северный полюс, подвиг челюскинцев, перелёт до Владивостока Гризадубовой, строительство Магнитогорска, Норильска, перевыполнение планов стахановцами, открытие на Севере новых земель, подвиг папанинцев на льдине!) и хотелось сотворить что-нибудь необычное, завораживало песнями («Нам не страшны ни холод, ни туманы...»), выступала горячо на комсомольских собраниях — и ведь неплохо получалось! Но для того, чтобы вырваться вперёд, проявить себя, искупить перед вождём неведомую вину тёмных неграмотных родителей надо было учиться, поступить в институт, а для этого справка о социальном происхождении требовалась. И сказал ведь любимый вождь, что дети за родителей не отвечают и, собравшись с духом, однажды она поехала в родные края. Там увидела родной дом, превращённый в правление кол-

хоза, вошла и вышла со справкой в которой было написано "из раскулаченных". Вошла на мостик через костоватую и в клочки порвала цидулю и скинула обрывки в поток. Но добрые люди, революционерка дочь попа и еврейка Фаня Михайловна, директор детского сада помогла ей устроиться в педагогический техникум, жить в детсадовских помещениях и перед войной мама уже работала в детском саду воспитательницей. Судьба Фани Михайловны сложилась трагично. Во время войны она не эвакуировалась и её повесили немцы.

А прошлое прошлое вновь о себе напомнило маме: однажды, когда пришла на работу, вдруг сказали ей: «Тебя сестра искала!» — «Нет у меня никакой сестры!» — сразу вырвалось у неё. Но правда сильнее оказалась: вскоре они тайком встретились: это была Галя, которая рассказала об ужасах, которые ей пришлось испытать, а сестра рассказала о смерти их мамы. Что осталось от этой женщины, моей украинской бабушки? — нет ни одной фотографии, только мама говорила, что звали, кажется Пелагея и волосы у неё были красивые длинные... Что досталось от неё — жизнь мамы, а значит и моя достались.

2

Прошли годы, десятилетия и много событий за это время произошло: война, бегство из кривого Рога за полчаса до вступления в него немцев. "Летний жаркий день, иду по улице и вдруг вижу — телега с семьёй начальника милиции города: сын его, Тарасик, ходил в мою группу, где я воспитательницей была. «Такой упрямый был, — смеется вспоминая, — спросишь, Тарасик, ты почему балуешься? — насупится так и молчит».

«Валя, ты куда? — спрашивает хорошо знакомый ей начальник милиции. — А ну садись к нам в телегу, в городе скоро немцы будут! А я, как сейчас помню — в белом платье и босоножках... Растерялась: ну я сбегая хоть что-нибудь возьму! — некогда, Валя, через полчаса будут!» Думать было некогда — села на телегу и началась её одиссея беженства. «Куда ни поедет — там уже немцы: Верхний Токмак, Мелитополь... По дорогам беженцы потоком идут, дым в небо поднимается от горящих подождённых хлебов — чтоб немцам не достались. Скотину везде в деревнях резали — ею и питались. И солдаты наши бредут серые, усталые, перевязанные окровавленными тряпками, а их ещё ругают: что, мол, отступаете, говорили ведь по радио, что врага будем бить на его территории! А они-то при чём? Идут и молчат...»

По пути сдружилась с двумя украинскими девушками. Звали друг друга Муля, Мэрка и Валя. Мэрка оказалась женой офицера, часть которого накануне войны вошла в Западную Украину. Когда мама поведала им о своём намерении записаться в Красную армию, как только дойдут до ближайшего незанятого немцами города, они принялись её уговаривать этого не делать. «Валь, — говорила Мэрка, жена офицера, — да ты не знаешь как это страшно, когда в нас стреляли!»

«Добрались до Днепра. Вот страх-то был! Ночью переправлялись под бомбёжкой. Немцы осветительные ракеты пускают, самолёты бомбят... Мы на плоту переправились...»

А немцы наступали и катился дальше и дальше перед ними вал беженцев. Наконец достигли Сталинграда. «А сколько людей там было! Целые сутки простояли в здании вокзала один к одному, не двинуться...» Потом девушкам дали в местном военкомате какие-то справки и отправили рыть окопы. Но дело молодое — познакомились с моряками, эшелон которых шёл в Новороссийск. Одного парня мама настолько очаровала, что он давал ей адрес своих родителей ленинградцев: "Ленинград немцы никогда не возьмут!" Знал бы бедный парень, что предстоит пережить его городу и что родители скорее всего погибнут от голода...

С эшелонам моряков попали в Новороссийск. ты знаешь, мне всегда добрые люди попадались!" — не раз улыбалась, вспоминая прошлое. В Новороссийске добрый пожилой военком посмотрел на девушек и сказал: "У меня дочка такая же как вы девчата, отправлю-ка я вас от войны подальше будете сопровождать раненных до Ташкента!«. Но война, будто не желая отпускать, попробовала зацепить железным когтем: когда шла к мосту через поросшее высокой травой поле спикировал на неё немецкий самолёт. Сейчас кажется неправдоподобным: шёл первый год войны и, казалось бы не должно ещё появиться у победоносных немцев такой злобы, чтобы на одного человека, точку с высоты, бросать современную машину, тратить керосин, боеприпасы... Взрыва

не услышала. Очнулась лежа среди травы и услышала тревожные голоса разыскивающих её в поле подруг: "Ва-аля!.. Ва-аля!..." Оказалась цела-невредима — лишь лёгкая контузия! Потом на поезде с ранеными через Кавказ до Махачкалы, ночная погрузка на самоходную баржу, отплытие... Впервые увидела рассвет в открытом море, когда судно двигалось к Красноводску и зрелище это её впечатлило необыкновенно: чувство красоты и величия природы теснилось в груди, чаяло выхода в стихах или песне, но нужных слов не находилось, кроме: "Красиво-то как!". В Ташкенте устроилась медсестрой эвакогоспиталя, благо была перед войной подготовка в виде ускоренных медицинских курсов. Госпиталь перевели в Коканд. Там впервые увидела горы голубые. Они казались совсем близкими и раз, после дежурства решила до них прогуляться. "Иду и иду, а они не приближаются!" Спросила узбека на ишаке, далеко ли до гор. "К утру дойдёшь!" — усмехнулся узбек. Потом в подмосковный Ногинск, к месту первичной дислокации, куда вернулся госпиталь после того как немцев отогнали от Москвы... "Целых три месяца поезд шёл". Раненные разные бывали. Однажды немцев привезли. Немцы на ночь брюки складывали под матрац, чтоб к утру выглядели как глаженные утюгом и когда в палату их офицер заходил гремело "Ахтунг" и все, кто ходячий, вскакивали и вытягивались по стойке смирно. Даже в плену они сохраняли собственную иерархию. Иное дело люди из дивизии Рокоссовского, собранной по тюрьмам и лагерям — те бузили часто, их боялись. Но вот наступил день конца великой бойни, война закончилась! Казалось радость такая ни одного человека не могла обойти. "Я комсоргом была и речугу толкала, — вспоминала мама с улыбкой, — а в это время у меня платье украли!" А что такое в то время для девушки единственное платье было — залог судьбы, личной жизни!..

А после войны командировка в Китай "на чуму", где два года провела вместо обещанного полугодия — Харбин, Пекин... Потом полгода в Северной Корее, поразившей её красотой природы... Снова Москва. Встреча с прошедшим от Ленинграда до Берлина отцом, хирургом «светилой», как его звали окружающие, брюнетом-красавцем, армянином и отъезд в Таллин, где его назначили главным хирургом республиканской больницы, где родился я. Те десять лет в Таллине она не раз вспоминала, как лучшие в своей жизни. Но это особая история...

По натуре она была оптимист, несмотря ни на что и люди ей нравились смелые, решительные, только дураков терпеть не могла и смеялась над ними или, махнув рукой только вздохнёт. "Жизнь есть жизнь" — не раз повторяла и в этих простых твёрдых словах скрывалось многое: то, что несмотря ни на какие беды жизнь будет продолжаться по своим глубинным законам, что молодежь ругают зря — надо понять её, сами были такими и так же старики нас ругали, что история движется от худшего к лучшему... Не помню её плачущей. Умела, тряхнув кудрями улыбнуться, распрямиться, оставляя неприятности втуне.

А о прошлом своём не рассказывала. Лишь иногда лицо её непрвычно суровело, и она произносила в сторону: «Меня мама несла по степи на руках сто километров!».

3

Перед 20 съездом нашу семью понесло в Казахстан на заработки. Там отец стал доцентом мединститута и главным хирургом области величиной с Чехию. Там я пошёл в первый класс.

Каждый раз, когда я входил в школу, я видел над собой в холле красное полотнище с белыми буквами: "Учиться! Учиться! И еще раз учиться! — В.И. Ленин". Конечно, Ленин был самым умным из всех когда-либо живших на свете людей, но было непонятно, зачем же повторять три раза одно и то же?... Лишь гораздо позже я понял стиль "вождя пролетариата": убеждать не рассудком, а вдалбливать то или иное положение.

Ленин был не только самым умным, но и самым добрым, самым скромным, самым честным и вообще самым-самым, образом, воплощающим все положительные черты, какие только могут быть у человека. Нет, не Бог, — ведь мудрые взрослые нас учили, что бога нет! но такой совершенный человек, равного которому никогда до него не было и никогда не будет.

И как в любой школе, здесь тоже висел стенд, посвященный семье Ульяновых с теми же каноническими фотографиями: херувимоподобный мальчик, похожий на девочку из-за длинных волос — Ленин в детстве, Ленин в юности — уже с жиденькими усиками и

бородкой, преждевременно начавший лысеть молодой человек и, наконец, вполне оформившаяся плешь — кладезь всего такого замечательного, к чему только предстояло прикоснуться.

Произошло огромное событие — мы стали октябрятами! И я с гордостью носил на школьной гимнастерке красную звездочку с рубиновыми лучами и золотым херувимоподобным дитятей посреди. Но с какой же завистью я смотрел на тех, кто постарше, на пионеров, на их алые атласные галстуки. А как разглаживала его утюгом на кухне соседская девочка Людка и как красиво повязывала на шею, какой у нее получался замечательный, гладкий узел! Я жил в довольно уютной сказке, давшей первую трещину лишь в третьем или четвертом классе при вступлении в пионеры.

Каким должен быть пионер, можно было прочитать на задней стороне обложек учебных тетрадей под таблицей умножения: всему пример — отлично учиться, любить социалистическую Родину, быть верным делу Ленина и коммунистической партии... И я аккуратно старался во всем следовать этому катехизису.

Ленин был вездесущ: памятники ему населяли улицы, площади, парки и скверы, его бюсты, портреты, плакаты с его изображением присутствовали соглядатаями во всех учреждениях, в больницах, парикмахерских и даже столовых общепита, он проникал в любое жилье на страницах газет, журналов, учебников и детских книжек — если не Ленин, то Маркс или ныне здравствующий генсек... его имя постоянно звучало по радио, учителя рассказывали какой он был необыкновенный, замечательный, честный: разбил чашку и через месяц признался!... о том, что его надо любить сильнее родителей, как Павлик Морозов, выдавший своего нехорошего отца-кулака!...

Заставить себя любить этот образ почему-то было сложно, было нелегко, но я смотрел на эту плешь, на эти хитро сощуренные глазки и бородку, усиленно убеждая, что люблю, люблю, вот уже совсем люблю... но сердце мое оставалось холодным и мне было от этого стыдно, я чувствовал вину предательства, которую необходимо как-то искупить...

Однажды, вернувшись домой после очередного урока, на котором нам снова что-то рассказывали о Ленине, я с жаром и восторгом стал вещать маме о том какой замечательный был Ленин, а особенно добрый, непростительно и беспредельно добрый — Каплан в него стреляла, а он ее, злодейку, помиловал — так учительница сказала!...

Реакция, однако, была самая неожиданная. Пока я вещал эту ахинею, искусственно все более и более себя взвинчивая, мама пристально смотрела на меня тем взглядом, какого я у нее еще никогда не замечал, и вдруг сказала необыкновенно жестко и категорично: "Твой Ленин — негодяй, у него руки в крови!"...

То, что я испытал, трудно выразить — всё будто перевернулось — внезапный взрыв грома среди ясного дня, землетрясение, небо оказалось внизу, земля вверх... В растерянности я еще открывал рот, как выброшенная на берег рыба. Как мог произнести такое кощунство самый любимый и близкий человек! Самый близкий человек и... враг?!?! Это было невозможно и тем не менее это произошло!.. Потом расхохотался: настолько потрясающей и нелепой показалась несведущность самого любимого человека. Я принялся доказывать, что это не так, и основным доказательством служило то, что "в газетах же пишут!"

Для детского сознания, ещё не вылупившегося из добрых сказок, масштаб лжи взрослых серьезных и умных тётей и дядей казался невероятным... А печатное слово обладало некими непостижимыми сакральными свойствами, его массовость, ежедневное присутствие в нашей жизни — сами по себе являлись гарантией его правдивости! Однако мама была непреклонна — "врут!"... И единственное, что я мог на это возразить:

— Да как же это можно!?!...

Конечно, полагалось поступать как Павлик Морозов, пойти к учительнице и рассказать все про маму, но при мысли об этом кровь прилиwała к голове, охватывал какой-то животный ужас. Инстинктом я чувствовал, что если так поступлю, произойдет что-то ужасное, и непоправимое и для меня, и для моей семьи. Я долго не мог заснуть, решая извечный русский вопрос "Что делать?", все думал и думал и, наконец, гениально придумал: нет, я никому не скажу о маминых словах, я ее перевоспитаю! И почувствовав себя счастливым, я крепко заснул. Я больше не был предателем! И я мог любить маму!

НА НОТНЫХ ЛИНЕЙКАХ РОСОЙ — МЕЛОДИЯ

ЗА ГРАНЬЮ СОЛНЕЧНОГО ДИСКА

белый силуэт
мерцание и шепот звёзд
на черном фоне моря
вдаль, призрачно светясь,
уходит теплоход
покорно и с судьбой не споря
не вьётся Чёрный Роджер за кормой
но льётся ром в граненые стаканы
идет бессмысленный корабль не в бой
несет он пустоту
в чужие страны
остался здесь, на берегу
тревожный силуэт
луной залитый
застыл,
внезапно остановлен на лету,
забыв,
что делает в прицеле сбитом
рукой коснулся звезд
роившихся как пчёлы, низко
ответ на мучавший вопрос
увидел вдруг
за гранью солнечного диска.
ушла волна,
оставив пенный след
укрылся в темноте
невстреченный попутчик
безмолвно ждал
ненужный арбалет
слова:
теперь — ваш ход,
поручик.

МОЙ ДОМ

Мой дом — живой..
я слышу шорохи и хлопанье дверей
он — иногда расслаблен
иногда — больной
созвучен в радости и горести моей
корицей к терпкому вину,
приправой..
он в сумерках вдыхает аромат
деревьев,
прозябающих у входа,
печален или несказанно рад,

оберегая сон мой —
ведь во сне вдруг обретается свобода.
видений призрачных он полон,
незнакомых,
лишь изредка позволив мне их
встретить в тишине
меня оберегает в непогоду
здесь обретаю я приют,
устав в борьбе,
что начинается у входа...
мой дом, со мною ты всегда
где б ни носил свистящий ветер,
куда бы ни забросила судьба...
лишь я и ты —
единственный на свете.

* * *

На нотных линейках — росой
Мелодия
На дальней скамейке играет гобой
Трагедию
Звуки плывут... До слёз, до губы
Прокушенной
Ежится сад, ищет в беде
Отдушину.
В теме печаль, грянет исход
Надеждою...
Плачет гобой рядом с тобой
По-прежнему...

КОШКИН МОНОЛОГ

Человек, что тебе нужно?
я сплю на коленях,
мордочку сунув в подмышку
ты, конечно, не гений,
ну, так бывает, не вышло...
а я и не жду чудес,
я люблю тебя просто,
как есть...
мне уютно с тобой
и, хотя я тебя согреваю,
ты меня тёплым пледом укрой
шерстяным,
а не стильным большим покрывалом.
позабудь все заботы и страхи,
лучше слушай — я песню
мурлычу свою...
ах, вы глупые люди,
как бескрылые птицы...
бросить вас бы,
но вот как от тебя я уйду?
твои слёзы,
твоё одиночество...
кто разделит, если не я?

помнишь, ты прочитала пророчество,
полосатая кошка
однажды разыщет тебя
и тогда ты поймешь,
что для счастья немного нужно
просто верить, мечтать и летать...
а когда ты уйдёшь
(все уходят из жизни послушно)
ты найдёшь меня там...
в рай...
у входа
тебя буду преданно ждать...

ВЕТЕР

шторы плотно укрыли окно
ветер пробрался
я захлопнула двери,
чтоб никто не тревожил
ветер пробрался
я выключила свет,
чтобы не видеть ничего
ветер гладил мои глаза...
я хотела укрыться в себе
ветер играл и смеялся
я жалела себя
и заплакала от усталости
ветер свистнул с недоумением
мне нужно сосредоточиться
ветер бродил вокруг,
прикасаясь нежно,
и будоражил
я подумала о смерти
ветер разбил окно и заставил жить...

Харьков

Наталия РЕБАЛКО

ПАДШИЙ РАЙ

Пролог

Жаркую летнюю ночь разорвала дорога, парящая дневным зноем, пахнувшая палёным асфальтом. То ли пробка, то ли тянучка раздражала, особенно когда не в правилах ездить медленно, в общем строе.

- ... ите новый сериал «моя куртизанка» — радио зашипело, потеряв настройку, но тут же вернулось, стоило на него сурово глянуть, — Двадцать три ноль-ноль, — кибернетическим голосом сказала радио — Здравствуйте, дорогие мои радиослушатели, — при желании, можно вспомнить, как зовут Ди-джея, но как-то лень — После программы новостей, мы поговорим с вами о чипах для животных. Ну а сейчас, новости — заставка новостей. — Глава администрации ознакомил депутатов Верховного совета с комплексным отчётом за полгода. В частности, общая преступность снизилась в пять раз, безработица сократилась до 7%, пенсия, стипендия студентов и жалование курсантов в 1,5 раза превышает прожиточный минимум, стипендия студентов ПТУ и училищ равна. Минимальная зарплата в 2 раза превышает прожиточный минимум. Экономические новости: Закупка зарубежного топлива прекращена, страна полностью обеспечивает себя сама. События: арестована группа террористов, расстрелявших владельца сети супер-маркетов, ресторанов быстрого питания и службы такси...

Тянучка, наконец, сместилась, и громоздкая машина — джип проехала ближе к ярко освещённому месту. Мимо проскочила скорая помощь и опять, пробка остановилась. Пробку спровоцировала автокатастрофа на встречной полосе, перекинувшаяся машина такси, тело под чёрным покрывалом, слишком маленькое для взрослого и вторая скорая.

А у самой разделительной полосы — два дорожных полицейских и какой-то мужик: -...сбил, большой такой, джип, не как этот, ещё больше, — мужик кивнул на ближайший джип, — я таких ещё не видел. Так вот, он их просто догнал, и ударил, бил и бил, пока такси не упало в кювет.

- Спасибо, мужик, ты езжай тебя ждут дома... — один из ППП подошел к окну, увидев номера машины. — Проезжайте, полковник, — окно медленно закрылось и только радио:

-... случае выявления незарегистрированного животного крупнее попугая, на собственника будет наложен штраф в сумме 1% от прожиточного минимума, а животное изъято. В случае желания, его можно выкупить на аукционе, на общих правах и оплатить чипизацию.... А теперь — новый сингл «Я тебя хочу», он Муси, Муси! — радио выключилось само собой, под взглядом хозяина машины.

Тянучка ускорялась и становилась более жидкой, а через километр от аварии, уже никто и не полагал, что где-то есть пробка. В ветровом стекле пурпурным свечением пылал город — цель этой ночной поездки, Столица. Окружная дорога и то и дело выхватываемые глазами-фарами, группки проституток на дороге. Проституция вот уже десять лет, как законна, а ничего не меняется, несмотря ни на какие усилия. Они, как стояли на дороге, так и стоят, как распространяли заразу, так и распространяют, как не платили налогов, так и не платят. Мерзость...

Давно уже действует комендантский час в спальных районах, не разрешаются скопления людей, больше чем двое во дворах и на станциях общественного транспорта. Только такси предприятий, имеющих лицензию на ночной извоз, развозят клиентов клубов, и не многочисленные автомобили тех, кто имеет право на ночное передвижение, пересекают пустые дороги. Вот, мимо промчалась скорая помощь, две машины пожарной службы, где-то впереди, в «спальном» районе наблюдалось зарево пожара...

- Ваши ключи, — на вид парню было лет 16-17, сотрудник парковки, — спасибо, господин, — Доброй вам ночи, господин.

Двери едва слышно разошлись в разные стороны, впуская в холл дома, где-то там — вахтенные, и офицер в дежурке. Лифт стоит на первом этаже, разинув пасть, приглашая. До самого верхнего этажа ехать две минуты, обычно затрачиваемые на просмотр почты по смартфону. Но на этот раз там было на удивление пусто и тихо, словно все вымерли. Лифт мелодично звякнул, выпуская в просторный холл, отделанный камнем. Каждый шаг отдаётся гулким эхо в почти пустой обители.

Глава 1

- Доложить обстановку, — совсем молодой парнишка-полисмен, видимо пару-тройку недель, как получивший форму, нервно дёрнулся, увидев перед собой сутулую фигуру человека со шрамом.

- Гооловной офис Инвест-коллекторбанк групп, — растягивая от страха слова, проговорил он — захвачено группой из приблизительно шести вооруженных людей во время обеденного перерыва.

- Приблизительно? — то ли переспросил, то ли возмущился, высокий начальник. — Точные данные.

- Их нет, господин полковник, — мальчишка был готов разложиться на молекулы. — Перед нападением они отрезали все кабели, даже те, которые не работают, например, старые телефонные. Так же перекрыли воду и энергию. Мы не можем видеть, что происходит внутри, и выяснить, сколько человек вошло, как они вооружены и что сделали с людьми.

- Ваш начальник группы?

- Майор Каменцев, господин полковник.

Паренёк надрывно втягивал воздух, от страха и переживаний. Полковник понимал, что вряд ли он по доброй воле стал полицейским, рядовым полиции, если быть точнее. Скорее всего, его призвали во внутренние войска по решению Суда, скорее всего, за мелкое правонарушение, разбил окно в школе, быть может, что-то стащил в супермаркете. В том, что тактическая группа ничего не знает, его вины нет. Он, видимо, просто привёз их на место и охраняет от зевак саму машину.

- Доложить мне по прибытии, — приказал полковник, и вышел из машины. Рядом стоял ещё один микроавтобус, в который он зашел: — Ну, что?

- ИКБ требуют, чтобы их серверы были неприкосновенны, — отозвался сидящий в наушниках парень, — Про сотрудников ни слова.

- Сотрудники приходят и уходят, а базы данных восстановить очень сложно, — полковник уселся в кресле — ИКБ выставили свои требования, мы их учтём. Позаботься, чтобы репортёры — новостейщики осветили событие, и пришли мне чертежи здания головного офиса ИКБ.

- Уже на планшете, — отозвался парень в наушниках, и вернулся к своим бесконечным потокам информации.

Полковник углубился в изучение плана здания. Все пять этажей были примерно одинаково спроектированы — аналогичные несущие стены и перегородки. И вся эта постройка была до безобразия опасной в использовании. Четыре лифта и пожарная лестница располагались с левой стены, и больше ничего. Первый этаж — Холл, просторный, с колоннами и зимним садом. На втором этаже конференц-залы, три штуки, а вот на третьем этаже — столовые, одна — для участников совета директоров, а вторая — для сотрудников.

- Судя по всему, людей держат именно на третьем этаже, но, где именно, неизвестно, — подал голос парень в наушниках. — Сервера находятся там же, к слову, на плане видно. Полковник не ответил, он продолжал изучать план.

- Это не вооруженное ограбление, которое закончилось захватом заложников, это — терроризм. Они хотят чего-то добиться этим взятием заложников.

- Возможно, это так, господин полковник, — отозвался парень, вынужденный быть собеседником. — Требований они не предъявляли.

Требования не предъявляли ни через час, ни через два. А на третий началась спецоперация по освобождению здания от захватчиков. Репортёрам сообщили, что людей убили во время захвата.

- Бессмысленная бойня, 124 человека погибли, когда террористы, предположительно, ССС, захватили головной офис ИКБ — сообщили по всем каналам. Нет даже предположения о том, что кто-то выжил, только что все погибли.

Двадцать человек спецназа, успешно проникли по вентиляционным шахтам в здание, и буквально сразу же произошёл бой, по результатам которого потеряли 19 из 20 бойцов. Такой провал штурма прощать было просто невозможно, и ответственность понёс уже бывший начальник внутренней безопасности столицы, генерал майор Синицын.

- Полковник Могила, — вас требует Министр Гирин.

- Наладить связь, — приказал полковник, — Господин министр, — мужчина коротко кивнул.

- Я знаю, — министр Гирин был одутловатого вида мужчина, страдающий от избыточного веса. — Что вам нет дела до проблем генмайора Синицына, но защищать безопасность государства — ваша прямая обязанность и то, что вы отчитываетесь исключительно перед премьер-министром, не освобождает вас от этой обязанности.

- Из вашего монолога я понял то, что теперь моя очередь выкуривать из здания террористов, — полковник Могила не любил министра внутренних дел. На самом деле он не

любил ни своего непосредственного начальника, Потрошкова, ни даже Президента, которого обожали все повально. — В таком случае я не вижу необходимости в дальнейшем нашем с вами общении, — Могила прервал связь. «— Готовь команду», — сказал он парню, — скука смертная...

В наушниках перед мониторами сидел парень по имени Федя, и как только закрылась дверь, он выдохнул посвободней. «Скука смертная», в исполнении полковника Могила — это однозначно чья-то казнь, не отходя от места событий, ну или арест, и концы в воду. Федя начальника побаивался, но знал, пока он компетентен в своём деле, Могила, интровертный до тошноты, не станет менять сотрудника. Даже если ему скучно.

Шефу Контрразведки, Полковнику Могила было интересно, сможет ли он вот так просто, во главе небольшой группы зайти к террористам и выйти. Сможет, не первый раз уже так делал.

В коридорах было тихо, в кабинетах пусто и так, словно ничего не случилось. Впереди идёт парень с безумным пистолетом — винтовкой, за ним спокойно, словно гуляя по парку, шел Могила, а прикрывали его ещё четверо ребят с таким же оружием. Впереди идущий парень остановился, приподняв руку, и показал три пальца, поясняя этим, что там, впереди, три человека.

Они скручивали технику, те самые сервера. Могила медленно кивнул, приказывая впереди идущему, разобраться с террористами, и тот, исполнил приказ. Прозвучало три щелчка и звон падающей отвёртки. Парень показал символом, что выполнил задачу, и двинулся дальше. Осматривали все кабинеты, перед тем, как воспользоваться лестницей, и, наконец, вошли в зал, где держали людей и находился главарь захватчиков.

Мимо проскочила невысокая фигурка девушки, она указала на связку газовых гранат и вся команда надела маски, и очки, защищающие от газа. В следующую секунду, слышались три последовательных «бум», сопровождаемых звоном падающего стекла.

Полковник Могила зашел в обширное помещение и прошел между столами. Это была столовая для сотрудников, поэтому на столах были расставлены перечницы, солонки, зубочистки и салфетки, а местами — разбросана и еда из пластиковых упаковок. Заложники лежали в углу, друг на друге, в основном женщины средних лет, около тридцати.

Полковник Могила почему-то обратил внимание, что все они — блондинки! Крашенные. Могила заметил, что у них корни темнее, нежели волосы на кончиках. Одеты они были по дресс-коду ИКБ. И не было ни одного представителя обслуживающего персонала. Только «белые воротнички». В самом, что ни на есть, прямом смысле слова. У всех этих женщин были белые блузки, заправленные в чёрные юбки, чуть выше колена, и жилетки. На шеях у всех — голубые шарфики, корпоративный цвет ИКБ. У некоторых — бейджики, но осматривать так близко Могила было не интересно.

- Зачистка закончена, — отчиталась та же девушка, что бросала гранаты.

- Заканчивайте тут и уходим... — он внимательно посмотрел на сотрудников ИКБ. Газ, который использовали для взятия захваченного помещения, не предполагает высочайшую защиту для гражданских лиц, наоборот, если есть проблемы с сердцем, если есть проблемы с давлением, или беременность, этот газ смертельно опасен.

* * *

-... жизни семерым сотрудникам ИКБ, к сожалению, десять других заложников погибли. Во время штурма, террористы предпочли умереть, нежели сдаться и посмотреть в лица семьям жертв. Председатель совета директоров ИКБ заверил, что семьи погибших, а среди них два отца троих детей и две матери двоих, получат щедрую помощь, и возможности, связанные с дальнейшим устройством в жизни. А теперь, новости с...

- Спорт — это дело мужиков, а я хочу посмотреть «беременна в шестнадцать», — соседка по палате, полная женщина тридцати лет неслезанно радовалась тому, что выжила, и, несмотря на то, что сутки тому лежала в коме, не пропустила ни одного «своего» сериала и шоу.

В восемнадцать ноль-ноль начиналось «беременна в шестнадцать», в рекламе значилось, что это социальное шоу, призванное воспитывать в подростках ответственность. Далее был сериал «Поля любви, поля надежды», про любовь среди фермеров, но после 500 серии складывалось такое впечатление, что это не славянская деревня, а жаркие южноамериканские страны.

Потом были новости и очередной выпуск «телемаркета», заканчивался вечер сериалом «тайна гарема», содержания которого Ева не знала. Желания ознакомиться с содержанием этого сериала она не имела, как и со всем остальным. Даша пережила отравление намного легче, нежели Ева и совершенно не считала возможным уважительно относиться к её потребности в тишине.

- Я бы свою дочку поколотила бы, если бы узнала, что она беременна в шестнадцать, — Даша с противным звуком потянула молочный коктейль. — И выгнала бы.

- А если её принудят к этому, изнасилуют, не дай Бог? — Ева закрыла глаза. — Сделай тише, я прошу тебя...

Их обоих выписали через сутки, ИКБ не собирались платить за большее, им хватало тех, кто не вышел из комы, и тех, кто попал в кардиологию и неврологию. Всего давали восьмидневный оплачиваемый больничный лист, для восстановления, это была так называемая «минимальная утрата трудоспособности». Страховка, представляемая ИКБ, оплачивала в таком случае всего три дня в больнице, и пять дней дома.

Даша навязывалась в гости к Еве, но той удалось избавиться от шумной сотрудницы, которая утверждала, что они дружат. «Скорее всего, она будет на меня злиться и даже распускать про меня сплетни», подумала Ева. Но даже такая мысль не впечатлила, ей было всё равно, что он ней подумают, ей было всё равно, переведут ли её работать уборщицей, или нет, выгонят ли и вовсе. Ей было всё равно.

На второй день, когда головная боль стала слабее, Ева не знала, чем заняться, ведь всегда в это время пребывала на работе, а там у неё была чёткая задача, с чётким планом действий. Некоторое время она просто ходила из стороны в сторону, потом вспомнила, что не помешает купить продуктов, и включила свой ноутбук.

«Следует учитывать, что я проведу ещё четыре дня, не покидая дома» подумала Ева и, тронув пальцами планшет, она вывела на дисплей сайт супермаркета, в котором всегда заказывала продукты. Внезапно пиликнул телефон, и Ева взяла трубку:

- Квартира Евы Калининой, — в трубке раздался весёлый зазывающий голос:

- Вы перенервничали? У вас есть свободное время? Посетите 3D-кинотеатр, четыре зала, где вы увидите новинки киноиндустрии, или возьмите в прокат лицензионный диск классики теле — или киноиндустрии.

- Спасибо, не интересует, — Ева выключила телефон, но стоило ей положить его, как он опять зазвонил: — Ева Калинина.

- Клиника «Новая жизнь» предлагает Вам выгодные... — Ева выключила телефон, не просто нажав на «No», а выключив его из сети насовсем. Единые информационные системы, призванные «облегчить жизнь», на самом деле, позволяли рекламным агентам самых разных компаний буквально насильно заставляя людей покупать свои товары.

Зазвенел мобильный телефон, и Еве пришлось встать, чтобы взять его с полки. Она, не глядя, поднесла его к уху:

- Ева Калинина.

- Привет Ева, как ты там? — это была ещё одна сотрудница, сидящая по соседству с ней, через перегородку. Просто Ева — технический аналитик, а Ира — системный администратор. — Тебе не страшно?

— В случае панической атаки доктор рекомендовал мне принять «Прозак», — отчеканила Ева. — Но панических атак я не испытывала. Как твоё состояние на сегодняшний день?

- Голова кружится, тошнит, а так... пользуюсь неожиданным отпуском.

- Не может не радовать, — Ева вернулась к ноутбуку. — Спокойной ночи.

- Ну, пока...

* * *

- Нам удалось получить необходимые данные? — низкий, прокуренный голос принадлежал женщине, которая сидела в огромном кожаном кресле.

- Парни знали, на что шли, Могила положил всех, — отчитался стоящий перед женщиной молодой человек в тонких очках. — Но вся информация передана по назначению.

- Я не сомневалась в вас, ничего придет и его время, — их разделял тяжёлый деревянный стол, на котором ничего, кроме листа бумаги, не было. — У тебя ещё что-то есть?

- Да, вы заметили, что людей, даже тех, кто занимает далеко не низкие посты, не пытались спасти? Будьте уверены, наши люди не стреляли в этих женщин.

- Это лишь характеризует мир, в котором мы живём, — женщина встала, опираясь на трость, — Говорят, что перед болезнью все равны, но это не так, если у тебя есть деньги, и этому судье можно дать взятку; — хромая женщина обошла, не спеша, стол, и остановилась рядом со своим собеседником, — говорят, что смерть приходит ко всем, и к бедным, и к богатым, но, если у тебя есть деньги на пересадку сердца, и Её можно обмануть... — она улыбнулась.

- Вам помочь? Ме-м? — парень предложил руку.

- Нет, мой хороший, туда, куда я иду, сопровождение не нужно, — она опять улыбнулась, и рукой подняла шарф, лежащий на плечах. — Тебе сейчас дадут торт, это для твоего птенчика, я заказала его для тебя специально, у повара, который готовит без химии. Не корми птенчика химией, умрёт...

- Да, конечно, — парень кивнул, и проводил взглядом невысокую фигурку женщины в белом шарфе с тростью. Она, на удивление, очень быстро ушла по коридору в сторону выезда. — Откуда вы знаете про Птенчика? — Прозвучало в пустоту.

Глава 2

- Давай заведём тебе страничку на сайте знакомств? — Даша обычно лезла не в своё дело, и редко когда думала, прежде чем что-то говорить. — Ну, нельзя же в тридцать лет быть одной! А как же самое главное в жизни женщины? Быть женой?

- Даша, вы мне мешаєте, — Ева просматривала уже готовый отчёт на должника. Максим Дмитриевич Аверин, 32 года, менеджер по продажам, уволен два месяца назад, находится на учёте службы занятости. Жена Аверина Катерина Валентиновна 24 года, специалист государственной службы социальной помощи, заработная плата 2500 гривен в месяц на руки. Дети: сын Антон, 3 лет отроду, ходит в детский сад «клубничка». Не движимое имущество: квартира, приобретенная под ипотечный займ ИКБ «Молодая семья». Движимое имущество: автомобиль, стоимость по оценке службы реализации ИКБ — 4000 гривен, ПК — 1000 гривен, мебельный гарнитур 1 — 500 гривен, мебельный гарнитур 2 — 250 гривен, носимые вещи — 2000 гривен.

- Ну, Ева, — воскликнула Даша, — к слову, рабочий день окончен.

- Вот и хорошо, я закончу работать над этим файлом, и отправлюсь домой, — Ева слыла до невероятности замкнутым и отчуждённым человеком. Корпоративный психолог, которого все сотрудники посещали два раза в месяц, по результатам тестов нашел её интровертом в самой выраженной форме.

- О... Ева, я вас прошу, прекратите! — Даша насупилась.

Странная идея руководила в этой кампании отношениями между сотрудниками. Считалось плохим тоном обедать в одной столовой с сотрудниками младшего звена, директора и вовсе обедали в ресторанах, даже курить (если ты позволял себе такую шалость) было плохим тоном в обществе тех, кто был младше тебя по положению. Но в среде равных считалось корпоративным духом обращаться по имени и проводить совместно время: на корпоративных вечерниках, в клубах, в боулинге, кинотеатре или ещё где-то.

Организация личной жизни, особенно для сотрудников крупных компаний, тоже контролировалась системой правил. Нормой стало построение отношений через социальные сети. Миллиарды одиноких людей ищут встречи с такими же одиночками. Но Ева не хотела расставаться с этим одиночеством.

- Давай сами сделаем её страничку? — Даша говорила с Леночкой, они дружили с первой встречи в коридоре, после повышения. — Вот увидишь, она будет нам только благодарна.

- Для этого нам нужно узнать её личный адрес электронной почты и номер АСQ, — поддакнула Леночка, которой было дело до всех вокруг. — Ева у нас такая ангелоподобная «в связях, порочащих её, замечена не была» ...

- А ещё нам нужны фото с корпоратива, — добавила Даша, — нужно хоть как-то украсить постное лицо нашей Евочки.

- Кажется, у меня в альбоме есть фото, на котором она есть, с боулинг клуба.

Даша воодушевилась своим планом, который был вовсе не на помощь Еве рассчитан, наоборот, она скорее хотела позабавиться за счёт молчаливой, никогда ни на кого не жаловавшейся девушки. Даша иногда сама не могла понять, почему она так любит обижать людей, почему испытывает удовольствие, видя плачущую секретаршу, или уволенную по её вине уборщицу с тремя детьми.

- Даша, — Лена сложила руки на пышной груди, — а ведь это, наверное, так неприятно, возвращаться в дом в полном одиночестве, — даже сериал не с кем обсудить!

- Мы скоро всё исправим... — Даша глянула на Еву, сидящую перед мониторами, — Это будет наш маленький подарок ко дню её рождения...

Через месяц у Евы был тридцать второй день рождения. Ни Даша, ни Лена не знали, как будет праздновать эта женщина, и будет ли вообще какой-то личный праздник. От Коллектива, по обычаю, принятому в кампании, она получит либо подарочную книгу, либо брелок с логотипом кампании, или вообще, ручку. Сколько лет работала Ева на кампанию, столько никто, никогда не слышал о том, что она праздновала свой день рождения. По крайней мере, с тех пор, как она стала старшим аналитиком коллекторского отделения.

* * *

- Я тащусь от Могилы, как удав от дуста, — Федя, по кличке Два Уха, растёкся по креслу. — Он только на вид пугает до усрачки, и людей стреляет просто так, на самом деле он классный и до опупения справедливый, — рассказывал он про «шефа» новому сотруднику Василию, тому самому выжившему после штурма и разборки, мальчишке. Полковник Могила перевёл его к себе, «будет носить кофе и вытирать лужи», прокомментировал он и ушел.

- Он убил при мне Синицина, без суда и следствия! — Василёк, как его окрестили обитатели тёмной накуренной комнаты, выпучил глаза.

- Он те родич? — подала голос женщина, сидящая за столом и листаящая что-то на маленьком планшете. — Папка, брат, сосед, любовник мамки, твой любовник?

- Э... нет...

- Так вот, не думай об этом, — добавил «Два Уха». — Радуйся, что тебя забрали, значит, в тебе что-то есть. И не советую тебе раздосадовать шефа...

- Эй, Ухи, не пугай малого, он же кофе носить нам будет, а не за террористами бегать! — девица вздохнула.

- Вот и сходи за кофе-чаем и пончиками, — подал голос из-за стола мужчина с военной выправкой, — Мне двойной «американо» без сахара и сливок, и жареный арахис.

- А мне экспрессо с двумя сахарками и сливками, — подала голос девушка, сидящая верхом на стуле.

- Капучино — подала голос ещё одна девушка, у ног которой сидел чёрный дог, — и пончик с яблочным кремом.

- Чай с сахаром и лимоном и пончик с розовой и шоколадной подливкой.

- И по кофе с молоком и по два пончика с кремом, сахарной пудрой и орешками, — подал голос парень, до того тупо игравший со своей соседкой в карты.

- Йэ, Василёк, а ты какой пьёшь?

- Да я... что предложат, то и пью...

- Ну, тогда давай покупай, и давай сюда, мы тебе покажем лучшие съёмки с наших дел, ты же должен знать, что будешь делать, когда тебя повысят... — все, кроме девушки с догом, мужчины с газетой и самого дога, засмеялись.

Василёк умчался за кофе к ближайшему кафетерию, где продавали напитки на вынос. Нельзя сказать, что парень был в восторге от своего «повышения» по службе, но и расстраиваться не было причин, притом, что он пока что ещё цел и самое главное — жив. Вася никогда не был активным сопротивленцем, даже ни разу не писал на стене «президент — мудака», просто так вышло, что в 12 классе, его одноклассники устроили пьяный дебош и, конечно же, как и положено молодёжи, орали «Куковича на мыло». Задержали и судили всех, просто за него вступился сосед, который положил глаз на его мать, а быть может на младшую, четырнадцатилетнюю сестру. Вот и вышло, что он — молодой страж правопорядка, перевоспитуемый под началом офицеров, в казарме.

«К маме сбегать ещё успеешь», сказал ему Федя, «ты наслаждайся тем, что есть, собственной комнатой в общежитии, большим сендвичем, и .... Та-да-да-да-да!!! возможностью жить!»

Жильё, выделенное ему при штабе, оказалось комнатой 3 на 4 метра, как фотография, и на двенадцать таких комнат была душевая и туалетная. Команда, а вернее, как казалось Васильку, банда, без хмурого мужчины и девушки с догом, проводила его сначала на склад, получить постельное бельё, мусорное ведро, и коврик, а потом и в комнату, где, купив ему пиццу, томатный «псевдо» сок и два батончика, их встретил Два Уха.

После казармы на двадцать человек, в которой парень прожил три месяца, и это помещение показалось ему роскошными апартаментами. Особенной роскошью было то, что в комнате можно было выключить свет, и заснуть, не опасаясь воровства или избиения.

* * *

- Сатри, какая краля, — Уши листал странички социальной сети, рассматривая фото, которые женщины, в надежде найти пару, выкладывали. Притом, многие эти фото были забавными скорее, нежели эротичными. — У пипец, ну и свинья...

- Да-да-да, вон ту открой, красивая девица... — Уши открыл нужные фото, и опять поднялся страшный гвалт, парни обсуждали женские прелести, девушки просто вели себя по-хамски.

- Что вы тут делаете? — Полковник Могила стоял в дверном проёме и смотрел на всю компанию.

- Э... — единственный, кто открыл в ответ рот, был Василёк — ...поступило сообщение о нарушении права интеллектуальной собственности...

- Размещение фото пьяных девиц ими же самими не является нарушением копирайта, — Полковник Могила зашел в комнату и уселся в кресло, которое ему тут же уступил «Уши».

На экране была страница, на которой были размещены всего три фото. На каждом были изображены три девушки, одна из которых обведена кружком. Ева Калинина, 31 год, главный технический аналитик. Ко всему этому прилагался номер «аськи» и имейл в общем доступе, а так же фраза «Мне одиноко, хочу познакомиться со всеми вами».

- Не удивительно, что она одинокая — один из близнецов рассматривал фото, — она какая-то бесцветная!

— Эта страничка создана не той девушкой, которая на фото, — подала голос девушка, что любила сладкий кофе, её звали Диана, — психологический проф....

- На проститутку тоже не похоже...
- Хватит заниматься чёртичем, склад медикаментов ограбили, — рывкнул Могила, — мы едем туда.
- Что спёрли?
- В основном антибиотики, спазмалгетики и препараты для абортов, — отозвался Денис, любитель читать газеты. — Собственно говоря, это был не грабёж, кража с проникновением, охранные системы не сработали, вынесли всё, что было ценным, по меркам преступников, — доложил он.
- Поехали уже?

* * *

«Здравствуйте,

У вас серьёзная защита от спама, даже на персональном адресе электронной почты», — начиналось письмо, которое Ева получила на домашний адрес, когда она его открыла. — «Тем не менее, если вы читаете это письмо, мне удалось обойти ваши заслоны. Я не стремлюсь вам что-то продать, или тем более, встретиться с вами для половых отношений, как те, от кого вы защитили себя. Я просто хочу вам сказать, сообщить, что в одной из социальных сетей размещена страничка под вашим именем. Возможен приплыв спама мерзкого содержания, в связи с этим.

Если хотите, я удалю её, у меня есть доступ и соответствующие права. Так же я могу выяснить IP-адрес того, кто поместил эту страницу в сети и владельца. Заверяю, что я не обнаружил там ни порнографических, ни эротических фото»

Напыла спама, больше, чем обычно, Ева не испытывала, можно сказать, наоборот, после последнего обновления «чёрного списка», исчезла реклама чулок, вагинальных шариков и ароматических масел. Рассылка от социальных сетей давно была в «чёрном списке», а частные адреса, не внесённые в «белый список», и вовсе не рассматривались. В «аське» и вовсе стоял запрет на добавление в список.

Но в письме не было, ни ссылки, которая вела на какой-то сайт, ни файла, который мог бы быть вирусом. И обращался мужчина вежливо и корректно, можно сказать так, словно его учили правилам хорошего тона.

«Спасибо за участие в моей судьбе.

Я, на самом деле, не размещала страничек на сайтах социальных сетей, и не ищу подобных знакомств. Если вы утверждаете, что там нет ничего оскорбительного и унижительного, и можете мне помочь, удалите её. Знать тех, кто оформил её, я не хочу совершенно. Спасибо».

Ответила Ева и легла спать, поскольку на часах уже было половина одиннадцатого. Она не знала, что на другом конце кабеля, человек которому совсем не хотелось спать, читал её досье. Не такое, какое было даже у банка на сотрудника, нет, полковник Могила читал досье, которое хранилось в ведомственном архиве, с ссылками на досье её кровных и не кровных родственников.

«Ева Калинина, 31 год, через месяц будет 32, родилась в Днепропетровске, в семье работницы торговли Марии Денисовны (Спичкиной) (Калининой) Васнецовой и сетевого распространителя Виктора Васильевича Калинина. Когда Еве было три года, мать развелась с отцом, через год родила вторую дочь Анну Васильевну Калинину (нынешняя сфера деятельности — эскорт услуги), через три года второй раз вышла замуж за Дмитрия Максимовича Васнецова, ему родила двух сыновей, Михаила и Кирияна.

С семи лет Ева воспитывалась бабушкой, Калининой Евдокией Дмитриевной, закончила 9 классов средней школы №147, устроилась работать курьером в ИКБ, и поступила в колледж компьютерной техники по стипендии «Таланты ИКБ». Во время учёбы проживала в общежитии №3.

После окончания колледжа поступила на работу в ИКБ, и на Вечерний факультет (платное отделение) Университета электроники. В возрасте 20 лет родила дочь, не пребывая в браке.

В возрасте 26 лет получила предложение на повышение, но отказалась от него, аргументировав тем, что не хочет переезжать в столицу, из-за ребёнка. Спустя полгода приехала в столицу, на собеседование, и осталась. В день её рождения погибла её дочь в автокатастрофе. К досье была прикреплена ссылка на дело по автокатастрофе. Несчастный случай, который произошел на тёмной дороге летней ночи.

А ещё там были фото: профиль, анфас, в пол оборота и в полный рост. Полковник Могила видел перед собой худенькую, бледнолицую женщину с тёмными кругами под глазами и чёрными, натуральными волосами. Она от рождения имела такие волосы, начиная с медицинской и социальной карты в детском саду, заканчивая нынешними документами. Просто в детском саду у неё были очень короткие волосы, в школе — чуть длиннее, и первое время она носила красный обруч, а потом — заколку с красным бантом, когда она училась в средней школе.

Когда она училась в колледже, она уже не носила заколок, чёлка стала длиннее. Теперь же у неё вот уже 13 лет совершенно одинаковая причёска и очки. Длинная чёлка заканчивается там, где начинаются очки, а длинные чёрные волосы свёрнуты в ракушкоподобный пучок на затылке, заколотый невидимками и шпильками. На фото из боулинг-клуба — та же причёска, только вместо офисного костюма «ИКБ» — классическое чёрное платье с воротничком под подбородок и длинными рукавами.

А ещё в деле был рабочий номер ICQ».

- Чёрт возьми... — полковник Могила обновил страницу Евы, помимо пошлых комментариев и нахальных предложений, теперь там были и фотографии эротического содержания. Но, ни на одной из них не было лица. — Кто-то тебя ненавидит, Ева Калинина.

«Уважаемая Ева, ситуация изменилась. Я удалю эту страницу, но всегда есть возможность, что её авторы восстановят своё надругательство. Поэтому, я возьму на себя ответственность. Вы не будете принимать в этом участия».

Глава 3

- Максимчика... — Даша тряслась всем своим салом, — Да, Максимчика с утра из школы забрали...

Ева потёрла висок, с самого утра её мучила головная боль, но болеть, ей было не положено, проще говоря, она израсходовала свой больничный, когда её увезли в больницу после теракта. Теперь же она должна была работать, а соседка по кабинету битые пол часа с кем-то разговаривала по частному мобильному телефону и то и дело порывалась плакать.

- Господи, да что ж он такого страшного мог сделать, парню четырнадцать лет! — продолжались причитания, — Господи...

Привет Ева от неожиданности неловко уронила стилус, которым пользовалась как манипулятором мышкой, работая с бумагами, на которых должна была быть её роспись. Она расписывалась в электронной версии, и на местах документы распечатывали уже с ней. Таким образом, можно было экономить время и предохраняться от подделки с факсимиле. *Мы вчера с вами переписывались, * добавил неизвестный собеседник. *По поводу мнимой вашей странички*, писал он в ICQ, номер которого Ева использовала исключительно для рабочей деятельности.

*Вы воспользовались своими правами системного администратора? * ответила Ева. *Я так понимаю, вы удалили страницу*

Именно так, госпожа Ева. Но, во время удаления у меня возникла проблема, результат решения которой вы можете видеть. Мне пришлось сообщить по инстанциям, поскольку в 01.00 сегодняшнего дня на эту страницу были размещены фотографии, нарушающие ККУ стр. 303/5 Ева открыла браузер и быстро набрала запрос. Вебсайт Верховного Совета послушно открыл ей статью Уголовного кодекса, 303\5.

*Размещение порнографической продукции? * написала Ева в ответ. *И вы отследили, кто разместил это? *

*Не я. Но нарушивший ваши права пользователь сегодня утром задержан, * ответил мужчина. *Вы работаете в ИКБ? *

*Да, это правда. Как вы узнали? * написала женщина и вернулась к прерванному делу. Работы на этот день было сравнительно не много, срочной, всего пару отчётов проверить, но можно было сделать то, что нужно сдавать послезавтра, а то и на следующей неделе.

* Воспользовался правами системного администратора* пришел ответ, отвлекая. *Удачного вам дня. Если захотите, ответьте мне вечером* — словно почувствовал неудовольствие Евы, собеседник и отключился.

- Ева, — Даша встала из скрипнувшего кресла и обошла стойку, разделяющую кабинет — Ева, что делать? Моего сына задержали по обвинению в распространении порнографии! Веришь?

- Если вы говорите, то верю, — ответила Ева, продолжая анализировать цифры.

- У него такое будущее, талант к английскому... и такое... — Даша вздохнула. — Ему же всего 14 лет, ну как же так! Нужно срочно найти кого-то, кто может помочь.

- Возьми «Золотые Страницы», там есть раздел с адвокатами, — механически сказала Ева и открыла следующий отчёт.

- Боже, какая же ты зануда, Ева! — Даша выскочила из кабинета, звучно грюкнув дверью.

- Да, я зануда, Даша, — сама себе, под нос тихо прошептала Ева, даже не пошевелив губами. Возможно, тот добрый человек, который сидел перед монитором и отслеживал неподобающее поведение в Интернете, и думал, что Ева милая, наивная девушка, а Даша считала её глупой. Но, Ева, пусть и вела замкнутый, уединённый образ жизни, глупой не была, как и наивной. Она прекрасно знала, кто завёл от её имени страничку

на сайте знакомств, а этим утром узнала и имя того, кто разместил на этой страничке порнографические фото.

* Простите, что пишу в «инвиз», но, вы, единственный, кто посвящён в сложившуюся ситуацию. И единственный, кому я могу сказать, что это очень приятно, когда люди, считающие тебя глупым, слабым существом, получают по заслугам, * отчеканила она *Спасибо*

*Это радует, * ответили тут же.

Если использовать обычную логику, то получается, что страницу сделала моя сотрудница, которая находила это смешным, а вот фотографии запустил её сын

Достойный сын родительницы, ответили ей.

На этом разговор закончился.

* * *

... Рука взлетала и опускалась раз, за разом нанося удары, разносившие боль по всему телу. Но страшнее всего был тот крик, с которым мать била, то выражение злобы на перекошенном лице:

- Я! — удар — Же! — удар — Тебе! — удар — Приказала! — затрещина — Не! — удар — Смей! — две пощёчины — выходишь, — мать тряхнула девочку за грудки. — Когда у меня гость!

- Не смей бить ребёнка! — помощь пришла неожиданно, от маленькой сухонькой старушки в белом беретике, — Шлюха!

- Ах, так, шкапа старая, забирай её себе, — маленькое, издёрганное тельце упало в руки женщины. — Но только на бабки от державы не надейся, не ты её девять месяцев в себе терпела, не ты её из себя сутки выдавливала!

- Мама... — писк, как котёнка, да и к тому, мать кошка поспешит...

Через щели жалюзи пробивался свет субботнего дня. Ева медленно встала, и потерла лоб рукой. Болело где-то в виске, мигрень. Осторожно, чтобы не разболелась голова ещё сильнее, она сложила одеяло и сунула его в отделение под сидением дивана. В ванной она почистила зубы, приняла утренний душ, и таблетку от головной боли. После автокатастрофы бывали головные боли, и невропатолог выписал ей рецепт на препарат обезболивающий. А психиатр — на препарат успокаивающий. В результате, если бы Ева захотела убить себя, она смогла бы сделать это очень быстро и просто. Но однажды она уже пообещала бабушке, что никогда не попытается убить себя, и она выполнит своё обещание.

Ящик с бельём был полон грязного белья. Ева взяла телефон и набрала прачечную, которой всегда пользовалась. После, сварила себе кофе и вернулась в комнату, включив ноутбук. В тишине пустой квартиры, под привычное жужжание прибора, она обычно ожидала приезда курьеров, которые забирали бельё, или курьеров из супермаркета, или из какого-нибудь интернет магазина.

Привет написал неизвестный системный администратор.

И тебе тоже привет ответила Ева, находя его участие в своей жизни интересным. Всё — таки очень скучно просто сидеть дома, завернувшись в халат. Можно было посмотреть фильм, но классику она знала на память, а современное творчество не вызывало у неё интереса, тем более она не хотела смотреть телевизор.

*Глупый вопрос, наверное, но что ты делаешь? *

*Я сижу дома, и пью кофе, * ответила Ева истинную правду. *На самом деле я не люблю выходные дни, мне банально нечего делать, * рассказала Ева. *Вот сейчас заберут бельё в прачечную, и всё*

А почему ты не пойдёшь погулять на улицу, очень хорошая погода написали ей.

*Не люблю, не люблю гулять. Люди на меня пялятся. * Ева не любила бывать на улице, её раздражало то, что люди вокруг, как ей казалось, смотрят на неё, рекламные агенты лезут со своими предложениями, прикасаются к ней. А ещё пикаперы, которых развелось невероятно много.

* Мне тут говорят, что сегодня выставка цветов, в холле «Экзотик», там все пялятся на цветы, а не на людей. Вам нравятся цветы? * отчеканил собеседник.

*, наверное, я держу три кардки с комнатными пальмами, * рассказала она. *Я возьму такси и КПК. И напишу, если мне понравится...*

* Буду рад, я на работе, и смотреть буду не самое приятное*

* * *

— Я не могу понять, почему террористы ССС до сих пор гуляют на свободе! — Кривушкин доставал полковника Могилу своим существованием, тем более во время заседания Тайного Совета. Нынче он возмущался по поводу штурма его здания, видите ли, разбили окна и стулья испортили. — Полковник Могила, почему ваши люди до сих пор не перестреляли их?

- Господин Кривушкин, а вы хоть раз видели живого террориста? — Полковник Могила повернулся к Главе совета директоров ИКБ лицом. — Не мальчишку, который ляпнул

что-то лишнее в коридоре школы, или женщину, которая на рынке причитала, что денег на сало не хватило. — Полковник встал, выровнявшись во все свои два метра роста, нависая над «куркулём». — Вот когда увидите, скажите мне, с какой стороны вы в него стреляли из вашей пукалки. — Последнее слово он рывкнул так, что Кривушкин едва не сделал лужу.

- Не смейте мне хамить, солдафон! — Сглотнув, вскочил Кривушкин, и бросил взгляд на Президента. Тот молчал, несмотря на то, что Кривушкин его поддерживал и откаты давал такие, что другим и не снились. — Бездельник...

Полковник Могила не боялся ни Кривушкина, ни его синдиката. «Ушам», которые ожидали шефа в приёмной, вообще казалось, что Могила не боится никого, кроме Бога. Но с Богом он тоже... может договориться. Куковичу Могила тоже нравился, по-своему, но нравился, в основном тем, что он не плескал языком, а делал.

* Сегодня выставка кошек, а не цветов, но мне очень нравится это, * было в сообщении от Евы. Полковник Могила посмотрел на Ушки и совершенно спокойным голосом поинтересовался:

- Как понимать? — показывая дисплей с сообщением.

- Ну, она же не расстроилась, и у неё нет аллергии на кошек, — повёл плечами парень. — Цветы будут через месяц.

— Дежурство вне очереди...

- Шеф, — Ушки даже не испугался, он жил на работе, и что наряд, что дежурство, одно и то же, — Вы приказали составить досье на родню этой женщины. Оно готово. К слову, стадо двинулось, её мать узнавала номер Евы Калининой.

- Доложить в случае регистрации приезда родственников Калининой на территорию города, — приказал полковник. Что-то подсказывало ему, что не помешает поохранять Еву не только от немного имбицильной сотрудницы, но и от излишне ушлых родственников.

- Да, господин Полковник, Ушастик помялся и добавил — И ещё... Вы бы хоть цветочков ей послали...

- Выполняйте задание.

* * *

*Я редко вижу столько людей, устаю от их шума, вечного галдежа. Но сегодня я была среди людей, и надо сказать, я видела очень интересных представителей человеческой расы. К примеру, я видела мальчишку, которому было около 16 лет, и его волосы имели такой странный цвет... насыщенный, желтый, как у цыплёнка пух, на картинках. А с ним была слепая, совершенно слепая девочка лет четырнадцати, в такой странной одежде, что мне сложно её описать. Юбка до колен, не обтягивает, как это сейчас модно, а представляет собой колокол, из-под которого я видела белое кружево. Таким же кружевом отделана чёрная блуза. Они смотрелись чужеродно, среди обычной публики этой выставки, но прогуливались среди столов выставки, * написала Ева. Она писала долго, видимо с КПК, но полковник Могила залюбовался тем, как она писала свои переживания от увиденного. Но только первые несколько минут. А потом в нём проснулась природная наблюдательность:

*Они настолько сильно выбивались из общей людской массы? *

Более чем, но возможно, это только моё субъективное мнение, ведь люди, с которыми я имею дело, выглядят, в сущности, одинаково, их не так и много. Встреча с чем-то не типичным меня возможно и сбивает

-Парень с волосами цвета цыплячьего пуха и девочка в платье с кружевами... — тихо сказал полковник сам себе. — Как интересно. Парень с крашеными волосами, и девочка одетая, по описанию, похоже на готку.

* Вы редко выходите из дому, кроме как на работу? *

* Я не очень люблю людей, когда их много. Раньше я чаще покидала дом, но сейчас у меня в этом нет потребности. Блага цивилизации к моим услугам. Работа и дом, основные места, где я бываю*.

* А мне по долгу службы приходится иметь дело с множеством людей. Но, если честно, я бы предпочёл жить так же, как и вы, удалённо*

* Я думала, вы системный администратор, откуда же тогда люди? *

Так и есть, но то, что системный администратор, не лишает людей возможности звонить мне, допекать своими проблемами Полковник даже не заметил, как нечаянно ошибся, и чуть было не раскрылся. Он слабо себе представлял, как работают системные администраторы, в основном, как он думал, все ведут себя как Фёдор, шумят, пьют пиво, и пристают к девушкам.

*, Пожалуй, да. Ко мне тоже приходят люди. В основном в обеденный перерыв сотрудники. Вот, например, Даша. Мы из-за неё и познакомились. Она часто приходит, перед тем, как в сети возникла эта похабная страница, она приходила ко мне после рабочей смены и доказывала, что мне необходимо открыть страницу в сети. Я сказала, что меня

это не интересует. Вчера она жаловалась мне на то, что её сына Максима, задержали в подозрении распространения порнографии. Он со своего компьютера разместил в сети несколько неприличных фото. Я порекомендовала ей обратиться к адвокату, но она на меня обиделась*

* Она обиделась не на вас, она обиделась на весь мир. Я думаю, дитяtko её отпустят, ну быть может судебным приказом заставят ходить на занятия с психологом*.

* А что значит, занятия с психологом и откуда ты знаешь? *

* Всё просто, у меня сосед по квартире так попал. А занятия с психологом, я тебе скажу, мерзкая вещь... Хуже, наверное, просто врачи, которые лезут в тебя и не спрашивают разрешения. Полностью это называется «Коррекционная программа для сексуально озабоченных подростков»*.

Глава 4

Телефонный звонок застал Еву за приготовлением ужина. Не любительница острого, кислого и сладкого, она редко заказывала готовые блюда, только продукты. Она бы и рада заказывать, но всё что продавалось, было либо пряным, либо жирным. Ева любила варёный рис с овощами, иногда — картофельное пюре с котлетами «по-киевски», куриными нагитсами или рыбными палочками. От одного вида пиццы её тошнило.

- Привет, — в трубке звучал знакомый голос, но она не знала, кому он принадлежит. — Ева, почему ты молчишь?

- Добрый вечер, — ответила Ева, — мой телефон не определил ваш номер, я узнаю ваш голос, но не знаю, всё ещё, кто вы, — на ужин она собиралась, есть рис с овощами, — представьтесь.

- Сколько официоза, — весёлый голос, слишком. — Ева, ты забыла свою маму?

- Мама? — Ева выключила микроволновую печь и зашла в комнату, чтобы сесть в кресло. — Мы не общались с тобой вот уже десять лет, я даже видимо забыла твой голос — аккуратно подбирая слова, сказала Ева. — Что-то произошло? — перешла она к делу.

- Нет, конечно, разве, чтобы позвонила мама, должно что-то произойти? — Ева моргнула, понимая, что мать лукавит. Последний раз, когда они разговаривали, вышел скандал. Бабушка, перед тем, как отправлять Еву в специальную математическую школу, после шестого класса, пришла к матери попросить её подписать бумаги, но та потребовала от них денег. «Если ты хочешь, чтобы она училась, значит, у тебя на это и деньжата есть» сказала тогда мать, «тогда, поделись-ка и со мной». — Всё замечательно, вот скоро мой старший сын оканчивает четвёртый курс училища. У него скоро защита дипломной работы бакалавра.

- Это достижение, — кивнула Ева.

- А ты, где ты сейчас? Ты всё ещё работаешь на ИКБ? — Ева дёрнула верхней губой, теперь было ясно, что именно заставило эту женщину вспомнить о том, что у неё есть дочь.

- Да, это так, я должна работать на любой должности в корпорации ИКБ ещё четыре года, — тихо сказала Ева. — Таков контракт.

- А какой именно ты там сейчас пост занимаешь? — не унималась мать.

- Обычное место, мама, — сказала Ева, — не самое лучшее, не самое худшее. Меня полностью удовлетворяет то, как я живу.

- А в отделе кадров у тебя друзей нет? Всё-таки, Мишеньку нужно устроить работать, а ты знаешь, как у нас плохо с рабочими местами, — Ева даже не удивилась, тому, что услышала, это казалось частью обычного её бытия. — Ты ведь поможешь? Если не маме, то братику?

- Я попробую вам помочь, но не даю ровно, никакой гарантии, ведь я в этом мире никто, как и вы с мужем и ваши дети, — Ева выключила телефон и вернулась на кухню, чтобы опять включить микроволновую печь.

Она была слишком маленькой, когда бабушка забрала её из квартиры матери, превратившейся в притон. Мать не появлялась на орбите, по крайней мере, лет пять. Что происходило с ней в этот период, Ева не знала, в её жизни мать возникала только периодически. Если бы эта женщина прошла рядом, то осталась бы не узнанной, а скажи она Еве, что приходится ей матерью, девушка не поверила бы ни единому её слову.

Дисплей коммуникатора светился входящим сообщением. Последнее время, общение с человеком, который подписывался ником Чёрный Полковник, было единственным развлечением, которое допускала в своей жизни Ева.

Привет писал он, *где там моя искусительница*

Привет, — ответила девушка *ты, наверное, ошибся окном, я не искусительница*

* Если ты не знаешь, то я скажу тебе, что Ева — прародительница человечества, совратила Адама посредством яблока. Скажи, ты любишь яблоки?

Если они не слишком кислые ответила Ева.

* А что ты вообще любишь? * — спросил Чёрный Полковник. * Какие блюда? *

* Моё любимое блюдо рис с овощами, иногда, с курицей, возможно с грибами* ответила Ева, потом подумал и добавила. * Не люблю острое, сильнокислое или слишком сладкое. Люблю овощной сок, в крайнем случае — томатный*

Я, всё-таки, мясоед, не смог бы жить на одном рисе Ева рассмеялась, неслышно, но на удивление естественно.

* Я не ем, как вы выразились, один рис, на работе у нас комплексные обеды, я просто не пользуюсь тем перцем, солью и кетчупом, которые прилагаются к блюдам*, пояснила она. * Так что рис я ем только по вечерам*

* Это значит, ты должна любить суши, и ролы* предположил Полковник. *Да? *

На этот раз мать позвонила среди рабочего дня. Поскольку Ева почти никогда не брала трубку во время рабочего дня, то и не ответила. Но матери это показалось нахальством со стороны Евы и она звонила ей двадцать раз, и когда наступил обеденный перерыв, девушка всё-таки взяла трубку.

- Мама, я на работе, — ответила она на приветствие матери.

- Вот я и звоню на работу, — ответила мать — чтобы ты не забыла поговорить про рабочее место для брата. Он хочет работать в офисе, например, офис-менеджер.

- К сожалению, у нас есть свободными, только места уборщиков и курьеров. Все места в Тернопольской и Ивано-Франковской областях, гарантируют место в общежитии, — отчеканила Ева. Это была ложь, она не разговаривала с отделом кадров, да и вообще, она слабо себе представляла такой поворот событий. Она даже не подозревала, что можно пойти и договориться о месте работы.

- Это ты так хочешь брату помогать, — мать бросила трубку. Ева выключила телефон и стёрла номер матери из списка контактов. Она не хотела помогать ни матери, ни каким-то там братьям или сёстрам, которых никогда не видела, не знала и не хотела знать.

*Как дела? * написал вечером Полковник.

Я поругалась с матерью. Представляешь себе, мы не разговаривали больше десяти лет, она мне позвонила с требованием помочь устроить своего сыночка на работу, а когда я сказала, что мест нет, бросила трубку.

Не переживай, не твоя вина... Полковник Могила улыбнулся сам себе. * Матери разные бывают, вот моя мама любила меня до последнего вздоха. Я до сих пор люблю её, светлый образ в мрачной жизни. Твоя мама немного не такая, что поделаешь...* он немного помолчал. *а ты всю жизнь работала в ИКБ? *

*Да, а что? *

*а не хотела никогда место работы сменить? *

Зачем? Меня устраивает абсолютно всё...

Полковник Могила кивнул сам себе. Последние два дня он внимательно изучал закрытое досье Евы Калининой. К биографии, типичной во многом для большей части «белых воротничков» прилагались совсем не типичные результаты психологических тестов. Их результаты показывали, что уровень интеллекта Евы втрое превышает интеллект обычного человека, она способна умножать в уме четырёхзначные числа, а просматривая данные анализировать их немедленно. Тесты же, проведенные Институтом Парапсихологии, говорили о том, что перед полковником Могилой досье эмпыта.

- Ты хотел со мной говорить? — начальник Разведки откинулся в кресле, общались они по скайпу, так что можно было видеть не только лица, но и обстановку. — Выкладывай, друг мой.

- Я хочу перевести из ИКБ специалиста, — развёл руками Могила, — нам нужен этот кадр.

- Могила, чем тебе ИКБ не нравится? То ты нападаешь на Кривушкинаⁱ, то собираешься отнять у них специалиста, — рассмеялся Боровицкийⁱⁱ — Кто?

- Ева Калинина, Старший системный аналитик ИКБ.

- Могила, — ехидно усмехнулся Боровицкий, от чего стал похож на огромного хряка, — у тебя появилась зазнобушка?

- Она эмпат, она мне нужна, — чётко отрапортовал Могила. — То, что это женщина, не играет никакой роли.

- Ладно тебе, — продолжал смеяться Боровицкий. — Я подмахну, я думал, у тебя там всё отсохло... — начальник вырубил связь, довольный пахабным намёком.

Могила встал из кресла, в котором сидел, прошел к лежанке и лёг, даже не сняв одежду. Он жил один, в городе у него была квартира, на которой он обитал среди рабочей недели, ведь бывало так, что рабочий день заканчивался в одиннадцать — тридцать, а начинался в полвосьмого. Но на выходные, вечером пятницы, он всегда отправлялся в пригород, в частный дом.

Трёхэтажный особняк в лесу, у небольшого пруда, окружал высокий забор с электрической сеткой, и вела к нему неприглядная дорога. Могила любил это место, за ти-

шину и умиротворённость, которую напускал на него лес. Дом был окружен забором, но Могила всегда гулял в лесу сам, один, без охраны.

Сам особняк из красного кирпича был двухэтажным, с подвалом и башенкой, в которой и располагался не большой кабинет. Вниз вела винтовая лестница, от самого кабинета, личного, очень личного, до подвала, где и заканчивалась. Там была собственная баня, бассейн, тренажерный зал и оранжерея.

Вот в том самом, личном кабинете и лежал сейчас Могила. Ему нравилась Ева Калинина, и характером и внешне. Впервые в жизни он встретил женщину, к которой его потянули невидимые и неизвестные доселе нити. Но вот понравится ли он ей, полковник Могила, страх и ужас всей страны, мучитель и убийца? Сомнительно. Но... Он может позабиться о том, чтобы девушка не принадлежала, словно животное, ИКБ, и работала только, когда это на самом деле нужно, да и собирала информацию об истинных преступниках, а не о несчастных, которые не смогли уплатить вовремя кредит.

* * *

- ... закон 1581/27, предполагающий налог в 17% от дохода без налоговых отчислений «на бездетность», по отчётам социологов, успешно улучшил рождаемость в стране, в целом в 3 раза. С тех пор, как был принят упомянутый закон, родилось свыше 1 миллиона детей, и их количество стремительно увеличивается. «Это достижение, вне сомнения, как отметил министр социального развития и медицины, но не стоит, останавливается на нём. Сегодня в Верховный Совет были поданы проекты изменений, которые предполагают отказ от системы исключений. Таким образом, люди, достигшие 30 лет, и имеющие заботления, связанные с половой системой, не будут исключениями в налогообложении. В нашей стране слишком много сирот...

Воскресенье началось для Евы с того, что позвонила Даша, и начала уговаривать приехать в гости.

- Даша, я устала, очень, и хотела бы провести этот день наедине с собой.

- Ой, я знаю твои привычки, — Даша напирала, — а у меня есть торт, и сосед, Колька, ты его помнишь, — Даша упорно думала, что Еве нравится сосед её, немного глуповатый работник СМК.

- Я же сказала, что не могу — имела в виду она, конечно, «не хочу», девушка выключила телефон и вернулась на диван. Правда, потом встала и приготовила себе зелёный чай, взяла с полочки электронную книгу и включила её. Соответственно, она выключила компьютер, чтобы он не мешал ей.

Но спокойно почитать любимую книгу она не смогла. Зазвонил телефон, и Ева взяла трубку. В ней рыдала и всхлипывала мать:

-Ева!!! Ева!!! Кирьяна арестовали! — Ева от неожиданности пролила чай. — Он... он написал на стене в школе что-то ругательное про президента и его забрали... Ева что делать???

- Я не знаю, — Ева отключила телефон, не просто нажав на «NO», она выключила его полностью. Потом взяла ноутбук и включила его. Аська запустилась сразу же, Чёрный Полковник был он лайн, но, видимо, отсутствовал за столом. Ева отхлебнула оставшийся чай из чашки и написала:

Здравствуй Полковник. Скоро Ева Калинина, то есть я, потеряет и работу, и возможность с тобой связываться. Мне жаль. Моей вины в этом нет, я почти не общалась с матерью и тем более не знакома с моими братьями. Но я знаю, что в таких случаях увольняют. У нас был случай, сотрудника одного уволили, когда его брата арестовали за надпись на стене туалета. Таким образом, прощай, мой лучший собеседник — Ева отправила сообщение и опять вернулась к книге. На неё напало какое-то странное спокойствие. Возможно, она просто устала от работы, ставшей основной деятельностью в жизни. А возможно, сейчас, в ожидании увольнения, она просто осмыслила то, что она всю свою жизнь делала. Готовила информацию для выбивания денег у людей.... Собирала данные о людях, которых потом выгоняли из дому, делали нищими.

*Ева, что произошло??? Ответь! * — Полковник Могила задремал, но проснулся от сигнала Аськи и, зная, что кроме как Ева, ему никто не пишет (прекрасная система инвиза). Ева не отвечала очень долго, но потом написала. Длинный честный спич на тему того, что она даже никогда не видела своего брата Кирьяна, который написал на стене в туалете ругательные слова о Президенте, его арестовали и что её теперь уволят за несоответствие занимаемой должности. *Ну, слава Богу, я думал, что-то серьезное*

Ты не находишь ЭТО серьезным

* Сейчас ты успокойся, отдохни, а в понедельник, возьми отгул на половину дня и пойдешь по адресу, который я тебе пришлю. Там будет КПП, на нём — два солдата, покажешь им свой паспорт. Тебя пропустят. Потом пойдёшь в Первый Корпус. Там тебя встретит парень на входе, скажешь, как тебя зовут, он предложит тебе позвонить в нужный кабинет, чтобы тебя забрали. Ты наберёшь номер 0141, скажешь кто ты такая. После, тебя встретит парень по имени Вася, он проводит куда надо*

*А куда надо? * Ева испугалась, страшно испугалась. *У меня не хватит денег*...

Тебе надо к одному человеку, он быстро, очень быстро порешает твои проблемы. И деньги ему не нужны. К счастью, их у него больше, чем ему нужно

*Что же ему нужно? *

* Ничего. Я сейчас договарюсь...* — Полковник Могила уже набирал Днепропетровское областное управление Внутренних дел, и в течение десяти минут решил проблему брата Евы.

Ева не хотела туда идти, боялась, переживала. Но утром понедельника, позвонила в отдел кадров и попросила дать ей отгул на полдня с отработкой в субботу. Ей его дали, впервые за десять лет. А после обеда она взяла такси и приехала, куда говорил Чёрный Полковник.

Глава 5

Еву действительно встретил парень Вася и повёл по коридорам и этажам, завёл в комнату и оставил там одну, сказав посидеть и подождать пока её позовут. Ева осмотрелась. В комнате была обычная офисная обстановка: письменный стол, кресло, вдоль стены стулья и прямо напротив неё — дверь в другую комнату и никого, тишина. Ева заметила, что дверь эта слегка приоткрыта, но она боялась даже смотреть в ту сторону не то, чтобы подойти и заглянуть туда с присущим женщинам любопытством. Она была в страхе: где она, с кем она сейчас встретится и что с ней будет??? И всё это из-за брата, которого она совершенно не знает! Ради так называемой семьи, которая никогда в жизни даже в самых трудных и горьких ситуациях пальцем не шевельнула, чтобы оказать ей хотя бы просто моральную поддержку! Вдруг в соседней комнате раздался звук открывшейся другой двери, и туда вошли какие-то люди

— ...и как господин Президент прошла встреча?

— Неплохо, ... наклёвываются интересные дела....

— А именно...

— Новые друзья заинтересованы в налаживании отношений именно с нами. Вам, Полковник Могила, необходимо срочно собрать все возможные и невозможные сведения о главных лицах сегодняшней встречи. Надо подготовиться, чтобы не ошибиться, не прогадать, принять правильную линию в ходе переговоров.

Ева ещё больше испугалась, услышав этот разговор, она поняла, что попала в серьёзную, опасную для неё ситуацию, если обнаружится её присутствие у открытой двери кабинета. Пришлют шпионаж.... Ведь там Президент и Полковник Могила!

— Нет проблем, господин Президент, я предвидел такое развитие событий. Вся интересующая вас информация через полчаса будет у вас на столе.

— О, Полковник, вы, как всегда неподражаемы! Молодец, благодарю. — Шаги, скрип, закрывшейся двери и тишина.

— Вася, где девушка? В приёмной? Аха... — тишина, дверь в приёмную отворилась, и Ева увидела его — Полковника Могила, которого видела там, в столовом зале ИКБ после нападения террористов. И вдруг её пронзила мысль, что этот Полковник и Чёрный Полковник, с которым она так запросто вела переписку в компе, одно и то же лицо. От потрясения она потеряла сознание и упала бы на пол, но Чёрный Полковник мгновенно сортировался и успел подхватить её почти у самого пола.

Полковник бережно занёс Еву в свой кабинет, положил на диван. Он был удивлён её реакцией на его появление в приёмной, обеспокоен её состоянием и в первый момент растерялся, не зная, что делать, как спасти женщину, упавшую в обморок, потерявшую сознание по непонятной для него причине. Вода! Да, вода. Он схватил с подоконника пульверизатор для полива цветов и начал из него опрыскивать лицо Евы. Он так испугался, что не соображал сам, что делает и вообще, что надо делать с женщиной в такой ситуации. Наконец Ева, глубоко, вздохнула и открыла глаза. Они были полны страха, недоумения, растерянности. Увидев эти глаза, Полковник тоже растерялся. Он не понимал, почему Ева так прореагировала на него, что так испугало её.

—О, Слава Богу! Ева, что с вами? Вы что так испугались меня? Неужели я такой страшный? — Полковник помог Еве сесть, дал ей разовое полотенце, — я всю вас залил водой, как цветочек. Успокойтесь, всё хорошо, все вопросы по вашему брату я решил, вся информация по его задержанию бесследно исчезла, всё в порядке. Сейчас вы успокойтесь, приведёте себя в порядок, Я не хочу, чтобы мои сослуживцы увидели, как я напугал вас одним своим видом. — Он достал из сейфа коньяк и шоколад и заставил Еву выпить немного напитка и съесть шоколад, говоря, что это необходимо ей сейчас для восстановления кровообращения и работы сердца. Ева покорно выполняла все его указания. На лице её появился лёгкий румянец.

— Значит, это с вами я всё это время общалась по интернету, как вы обо мне узнали? Ах, да эта страничка, выставленная моей сотрудницей.

— Да, со мной. Ну и что, что в этом такого страшного?

— Ну, посудите сами, кто Вы и кто я? Какая разница социального положения! Какая пропасть!

— Для меня нет никакой пропасти, я её не вижу. Я вижу очень милую, очень редкую для нашего времени порядочную женщину, с которой мне очень интересно и приятно общаться. И, если я имею возможность помочь ей в этой сложной жизни, то почему-бы мне это не сделать! Мне очень приятно позаботиться о вас и решить ваши не сложные для меня проблемы.

— Полковник, но у меня теперь есть новая проблема: я была в вашей приёмной и стала невольной слушательницей вашей беседы с Президентом. Меня это пугает и беспокоит.

— Не волнуйтесь, в этом скорее моя вина, чем ваша. Это я проявил неосторожность. Но это и ещё один повод предложить вам поменять работу: сотрудник моего отдела имеет право на такое присутствие. Я внимательно изучал ваше досье, у вас все данные для работы в Контрразведке, вы — Эмпат. Ева, подумайте об этом.

— Но я обязана отработать в ИКБ ещё...

— Это не ваша проблема, это я сам решу. Подумайте. А сейчас, чтобы вы не заблудились, Вася выведет вас отсюда и вручит вам брата. Да, Ева, чтобы вам было меньше забот, я вызвал сюда вашу маму, она встретит вас у входа в наше учреждение. И... Ева, простите меня за то, что я вас так напугал, я не подумал, что могу вас так испугать. До встречи.

* * *

Ни у какого входа, никакой матери не оказалось.

Мать не приехала за Кирьяном, что очень удивило Еву. Она дозвонилась до матери, и на поставленный вопрос услышала:

— А где я, по-твоему, могла достать столько деньжищ, чтобы заплатить стоимость проезда моего в Киев и обратно домой с Кирьяном?! Нет у меня таких денег. Я думаю для тебя это не проблема. Вот и привези своего брата сама домой. Заодно и познакомишься со вторым братом, которому ты так помогла уже с трудоустройством, — съехидничала мать.

Ева впервые за время своей трудовой деятельности в ИКБ вынуждена была взять отпуск за свой счёт для поездки в Днепрпетровск. Для Евы в этой поездке всё было как-бы впервые. За последние годы, после приезда в столицу, Ева вела замкнутый, уединённый образ жизни. Она нигде не бывала и ничего не видела, кроме стен ИКБ и дороги на работу и домой. Она не знала, как живут люди за пределами её обитания, за линией центра мегаполиса, в котором проходила её жизнь. Поехав к матери, Ева окунулась в водоворот совершенно другой жизни. Это была жизнь основной массы населения её страны: полное бесправие и нищета. Она была потрясена разницей между сообщениями средств массовой информации — СМИ — о жизни в стране и увиденной действительностью, потрясена условиями жизни людей в кварталах строений давно подлежащих сносу по фактическому времени их эксплуатации. Это были настоящие трущобы, ремонт которых никто и никогда не занимался. Люди, живущие в них, не имели средств на ремонт своих квартир. Получая мизерные зарплаты и пенсии, они были обречены на вымирание. И никого из властимущих лиц страны это не волновало.

Ева побывала в разных районах родного города и везде одно и то же: нищета, алкоголизм, наркомания, разврат. Встречала она и нормальных людей, но они были очень осторожны и не шли на контакт с незнакомыми им людьми.

С тяжёлыми мыслями Ева поспешила возвратиться домой. Анализируя всё увиденное, в спокойной обстановке дома Ева стала понимать почему её мать такая грубая в общении с ней. Ведь её мама с юных лет жила в такой обстановке, ей постоянно приходилось бороться за выживание, чтобы, несмотря на ошибки молодости, не упасть во все на дно, как говорят — ниже плинтуса. Отсюда и такая озлобленность ко всем и вся. И бабушка понимала это и прощала своей невестке её грубость. Бабушка сделала всё, что могла, чтобы защитить Еву от злой матери, дать ей образование — возможность подняться, хотя бы на одну ступеньку выше в этом обществе. Ева всегда это понимала и сейчас возблагодарила Бога за то, что он дал ей в этой жизни такую хорошую бабушку.

Сопоставила Ева всё увиденное и с теми достижениями страны, о которых вещали СМИ. Между ними была пропасть: по данным СМИ страна процветает, всё прекрасно, зарплаты, пенсии и социальные выплаты растут, все должны быть довольны условиями их жизни. А в действительности всё наоборот — народ гибнет в нищете и разрухе, боясь даже голос подать в свою защиту. На душе было тяжело от понимания, что в стране творится несусветное безобразие, и что ты сама ничего не можешь сделать, чтобы хоть как-то изменить ситуацию.

На Еву нахлынули воспоминания о её прошлом, о том, сколько трудностей пришлось преодолеть ей, Еве, тогда ещё ребёнку, чтобы вырваться из того порочного кру-

га, в котором жила её мама. Отличная успеваемость в школе с математическим уклоном дала ей возможность для начала устроиться в ИКБ на

казалось бы не значительную работу курьера. А, как надо было стараться выполнять свою работу так, чтобы её заметило начальство и дало ей возможность поступить в колледж компьютерной техники по стипендии «Таланты ИКБ». Но она добилась этого.

Но после окончания колледжа, чтобы получить приличное место работы в ИКБ и возможность поступить на Вечерний факультет Университета электроники, Еве пришлось заплатить — Натурой. И, как дополнение к успешному началу карьеры, у Евы нарисовалась дочь — кроха Лёличка.

Помогла бабушка: все последние годы своей жизни она посвятила правнучке. А Ева работала и училась.

Благо зарплаты хватало на содержание дочки, бабушки (с её пенсией) и оплату учёбы в Универсе. Ева была

счастлива, но не долго: в свой день рождения Ева с дочкой ехала домой в такси и попала в автокатастрофу.

Лёличка погибла на месте, водитель тоже, а Ева с травмами, но жива. Бабушка не долго прожила после

гибели внучки, и тоже ушла из жизни, предварительно взяв у Евы обещание никогда ни при каких событиях не прибегать к суициду. Она видела, как, страдает Ева, чувствовала близость своего конца, и до последнего момента думала не о себе, а о своей любимой девочке — о Еве. Потеряв всех самых дорогих своих людей

Ева не могла оставаться жить в родном городе. Вспомнив о полученном ею из Главного отделения ИКБ предложении полгода тому, в котором говорилось о повышении её по службе, с переводом в столицу, Ева поехала на собеседование и осталась там...

* Ева, Ева, отзовись! Где ты пропала? Что с тобой случилось? Почему ты не выходишь на связь? * — Сигнал Аськи вывел Еву из ступора воспоминаний. — * Отзовись! * — Требувал Полковник Могила.

Еве не хотелось в данный момент общаться с Полковником, но она не хотела обидеть его молчанием и написала. *Простите, я очень благодарна вам за помощь. Я только что возвратилась домой, была на родине, очень устала. * Полковник тут же ответил *наконец-то, я рад тебя слышать, отдыхай*.

Глава 6

- Вы боитесь меня? — кабинет ресторана «Элит» был освещён очень слабо, подсветка шла от пола, но на столе стоял подсвечник с тремя свечами, источавшими аромат шоколада, ванили и молока. Антон Могила сидел и смотрел на Еву, которая рассматривала сервировочную тарелку.

На ней было длинное чёрное платье с очень высоким воротником, доходившим буквально до подбородка. Но благодаря строгому платью, было видно, что у Евы была идеальная фигура, по крайней мере, на вкус Полковника Могила. Тонкая талия, высокие полные бёдра и пышная грудь. Чёрные волосы были забраны вверх в простую причёску с лёгким начесом. Она сняла очки, и Антон видел зелёные глаза, прикрытые усталопушенными веками.

- У меня перед вами огромный, неопределимый долг, — ответила Ева, — и не играет никакой роли, боюсь я вас или нет.

- Уверю вас, Ева, я не причиню вам вреда, — попытался пояснить Антон, — на самом деле я хочу, чтобы вы работали у меня в отделе. Работа интереснее, да и... чаще всего мы занимаемся поиском преступников, нежели должников банка, — Ева сидела, молча, сложив ручки вместе, на коленях.

- Я не знаю, — тихо сказала она — я должна работать на ИКБ ещё три года, — на самом деле, она собиралась работать на ИКБ до последнего своего вздоха.

- Это не станет проблемой, — Могила постарался улыбнуться, но вышла гримаса, шрамы, изуродовавшие лицо, были не только внешние, — я договорюсь. Но, — мужчина указал на тарелку — сегодня я пригласил вас не решать вопросы вашей карьеры.

- Конечно, — Ева склонила голову, было видно в свете свечей, как она бледна. — Я понимаю.

- Как дела у ваших родственников, — Полковник Могила, когда приглашал девушку в ресторан, думал, что всё будет проще. Он приехал к ней домой, позвонил в домофон и, показав удостоверение, зашел в дом. Ева, мягкая, как свеча, покладистая, как парафин, пустила его, без разговоров, и не протестовала, когда Полковник сказал, что они идут в ресторан.

Просто он не ожидал, что будет так сложно.

- Мать не приехала за Кирьяном. Я сама отвезла его к матери, — коротко ответила она, — я больше с ними не общалась.

- А мать? — малолетний лоботряс, которого задержали за вандализм по отношению к государственным символам... бедная Ева... — Вы общались с матерью?
- С тех пор, как она получила своего сына, — сухо сказала Ева, — она опять считает меня виноватой и эгоистичной. Я не оказала поддержку старшему брату, и он теперь работает на ферме, а не в офисе.
- Ясно, — Антон улыбнулся, — в таком случае, я думаю, что стоит закрыть эту неприятную тему. Как насчёт ужина? — Ева сидела молча. Её слепые глаза смотрели вникуда, поражая насыщенностью, глубиной и передачей внутренних переживаний. В них было спокойствие векового леса, и немного горчинки прелой травы, тоска, нерастроченная любовь и боль. — Я очень рад, что вы согласились встретиться со мной, — он открыл меню на «золотой странице».
- Я не могла отказать, — немного едко сказала Ева.
- Если бы вы сказали, что не хотите, я бы ушел. Тогда, в офисе, вы очень сильно испугались, и я, я возможно не должен был быть с вами таким грубым, брызгать девушке в лицо с пульверизатора для цветов... но у меня не было другой воды, — начал оправдываться Антон. — Вы упали в обморок, как только я вышел вам на встречу, почему?
- Я... я думала, что встречу с кем-то, не настолько высокого положения... — ровным голосом сказала Ева, — и...с другим имиджем...
- Да, меня считают исчадием ада... — кивнул Антон.
- Дыма без огня не бывает, — мягко сказала Ева, — сфера вашей деятельности такова...
- ...что в результате я убийца с огромным стажем.
- Вы защищаете нас от терроризма...
- Давайте забудем о работе, — Антон взмахнул рукой, подзывая прислугу. — Хочу угостить вас самым лучшим, что можно предложить, уверен, вы никогда такого не пробовали. — Он опустил голову, рассматривая «золотое меню», — Во всём мире, кроме Великобритании, только у нас есть «Алмазная икра». Уверен, вы никогда такого не пробовали. Я тоже. Сейчас попробуем. А ещё грибочки, — Ева видела, что черты на не изуродованной части лица заострились. Мужчина нервничал. — Корзиночки с белым трюфелем, перепелиными яйцами и сыром «моцарелла буффало». А вот ещё, мраморное мясо, стейк с кровью, и пюре из "La Bonnotte" — Еве показалось, что суровому мужчине напротив, сейчас больно.
- Простите, я... я не ем пряное...
- Значит... значит, нам не нужен натуральный шафран, — хрипло сказал мужчина. Ева попыталась улыбнуться, но получилось плохо.
- Я не знаю, — тихо сказала девушка, — я просто... делайте, как знаете, — тихо сказала Ева, испугавшись.
- Ева, не... не обращайтесь на это внимания, я, ... я просто задумался, — Антон поднял лицо. — Прости, прости, я напугал тебя. — Он протянул руку и погладил ладонь Евы. — Я закажу тебе «алмазное» мартини, кофе Cori Luwak и шоколадные трюфели, привезенные из США.
- Я на самом деле такого не пробовала, — робко сказала Ева.
- А ещё, натуральная иберийская ветчина, Сыр Roquefort Arbas Papillon и паштет с печенью брестской пулярки, — Ева улыбнулась чуть открытие — и французское вино, Domaine Louis Jadot
- Вам не кажется, что это много, — Ева буквально чувствовала, как больно сейчас мужчине напортив. Его что-то ело, что-то из прошлого и настоящего, такого застарелого, загноившегося, но не отпускающего, держащего его в постоянном напряжении — Мы не распробуем... — значит ещё не всё потеряно, надо помочь ему разобраться с этим, подумала Ева.
- Зато у нас будет самый богатый ужин...
- Богатство не важно, — развела руками Ева. — Знаете, самые лучшие времена в моей жизни, это когда я жила с бабушкой, в тесноте, но не в обиде, в бедности, но не нищете. Мне было хорошо тогда..., и никакая икра там не была нужна.
- Ну да, Ева, — Антон откинулся в кресле, — вы просто не пробовали... Обычно женщинам с каждым разом нужно больше.
- Я работаю, и всё что мне нужно, могу приобрести сама.
- Ева, я так хочу сделать что-либо приятное для вас, но не могу ничего большего придумать, как удивить разными неведомыми нам обоим блюдами. Будь снисходительна ко мне — согласись на необычный богатый ужин. Может быть, когда-нибудь мы посмеёмся вместе над этой ситуацией.

* * *

- Почему у тебя так много книг? — Ева стояла у самых полок библиотеки, живой, натуральной, не электронной.

- Мне больше нравится держать в руках книгу, нежели очередной свёрток металла и пластика, — Библиотека, для Антона, была одним из самых любимых мест в доме, просторное, освещённое наполовину, косыми лучами из наклонных окон. Кроме сотен и сотен книг, среди которых были и двухсот — трёхсот летние экземпляры, в комнате имелся натуральный кожаный диван и два кресла, столик красного дерева и светильник. Всё остальное место было свободным.

- Некоторые из них... — Ева касалась корешков тонкими пальчиками, — если я не ошибаюсь... запрещены законом, как развращающие, как разжигающие антигосударственную деятельность...

- Собственно говоря, многие из этих книг были мною забраны во время обысков, — Антон сел на диван и закинул ногу на ногу. — Если хочешь, можешь прочитать. Пояснение твоему интересу к этой литературе простое, ты должна знать, с кем борешься. Именно поэтому я держу тут эту коллекцию.

- Вы играете с огнём, полковник, — Ева подошла к ряду книг на каком-то малознакомом ей языке. — Если вас арестуют, это только добавит обвинения.

В ответ Антон рассмеялся.

- Ева, вы полагаете, что если меня арестуют, то обвинения будут слабее, нежели чтение запрещённых книг? Меня даже не станут арестовывать, — Антон встал и чуть прихрамывая, подошел к Еве, — меня попытаются убить, при задержании. И это не будет знаком уважения, наоборот, это будет попыткой обезопасить себя от меня, — высокий Антон смотрел сверху вниз на Еву и чуть-чуть улыбался. — Что тебя навело на такие мысли? Ты встревожена...

- Полковник... — Ева попыталась вывернуться, но не смогла, Антон просто окружил её самим собой.

- Здесь и сейчас, называй меня по имени, — мягко сказал Антон. — Так что случилось? С тех пор, как ты побывала у своей матери, ты ведёшь себя нервно. Мне ты можешь рассказать всё, — он вкладывал всю наличествующую у него нежность и ласку в мягкое поглаживание.

- А...Антон... я была там... там, где живут рабочие... в этих однообразных серых районах... В одном из таких домов живёт моя мать с её новым мужем, и я была там... там, где пьяные рабочие дерутся в подворотнях, а дешёвые проститутки стоят прямо на дорогах, чтобы обслуживать не переборчивых клиентов. Я выдела их детей, пьющих пиво на детских площадках...

Мечта дочери соседней моей мамы, стать проституткой и встретить клиента, который любит её и женится на ней. А мой брат, тот самый, которому ты помог, даже не испытывает благодарности за своё внезапное спасение. Старший его брат и вовсе ненавидит меня.

- Хм... как были свиньями, так ими и остались... — Ева подняла голову и внимательно посмотрела на Антона.

- Я выдела и другие места... — тихо продолжила Ева. — Я сама захотела. Там живут совсем другие люди... старые дома, не развалившиеся только потому, что их жители делают всё возможное, что бы этого не случилось. Здания, приспособленные для жизни теми, кто совсем лишился жилья, огромные свалки, базары, как в древности, на которых можно купить не только еду и дешёвую одежду, но и наркотики, оружие, запрещённые медикаменты.

Там живут страшные люди...

- Не задумывайся об этом, — Ева удивилась, но выразить этого не успела. — Все мы давным-давно продали душу дьяволу, мы сами выбираем себе и хозяина, и рабов. Эти люди, которых ты выдела, они виноваты сами в том, что с ними происходит. Мы все имеем то, что заслужили. Какой народ такие и правители у него.

- Возможно... — Ева устало опустила голову. — А мне казалось, что мы всем безразличны, и Богу, и Дьяволу. Кто мы такие, так, пыль на дороге, — девушка чувствовала чудовищное смущение, понимая, что большая рука Антона сейчас находилась на её талии. — Люди — безликая серая биомасса... — она закусила губу, опустив голову, — и...

- Это всё философия...

Ева вцепилась в плечи мужчине и попыталась оттолкнуть его.

- Полковник, вы не понимаете, и я... — Ева отвернулась и говорила едва слышно, — я сделала глупость... — Антон отпустил Еву, — я не должна была даже допускать... — продолжала впадать в состояние паники Ева — я не могу... и...

- Успокойся, разве я причинил тебе боль? — Антону удалось удержать Еву рядом. — Я, конечно, не идеал... на меня лучше не смотреть и...

- Дело не в вас, — Ева вдруг подняла руку и прикоснулась к шраму на щеке Антона, погладила его. — Дело во мне..., во мне — Ева постаралась взять себя в руки, подвела Антона к дивану, предложила ему сесть с ней рядом, — полковник, послушайте меня, не перебивая, это важно. Я одна из тех, кого вы назвали свиньями... и мне больно ви-

деть их жизнь..., только благодаря упорству моей бабушки и моему стремлению я смогла получить необходимое образование. А работу — место в ИКБ..., вы же ничего не знаете обо мне..., я получила через постель. Правда за всё время моей последующей жизни я не знала ни одного мужчины. Даже мысль об этом вызывала во мне отвращение. Единственное утешение для меня была моя девочка, но и её отнял неизвестный мне мужчина в огромном черном джипе, разбившем такси, в котором я была с ней. Её не стало. Я живу только потому, что дала слово бабушке перед её уходом из жизни, что никогда, ни при каких обстоятельствах не прибегну к суициду. Антон, так же, как и вы обо мне, я ничего не знаю о вас, вашей жизни. Но душой я чувствую, что вы тоже не были счастливы. Я говорю не о работе и карьере, а о личной жизни. Думаю, в этом плане мы с вами друзья, по несчастью. Хотя возможно я ошибаюсь..., но я из другой среды и не достойна вашего внимания. — Ева замолчала. В комнате повисла грустная тишина. Полковник осторожно, нежно тронул руку Евы, лежащую на диване....

— Да, Ева, ты права в одном — вся моя жизнь была посвящена работе. Мне казалось, что я выполняю необходимые, важные для страны дела. А оказалось, я, как робот, делал лишь всё то, что мне внушали свыше, что было необходимо высшим эшелонам власти страны. А это разные вещи. Работа сделала из меня изгой — исчадие ада и страшилку для всех. А сколько я перенёс моральных и физических травм при этом, сколько нажил врагов. И ради чего? У меня не было времени на личную жизнь. Да я и не встретил ни одной женщины, которая тронула бы моё сердце. Но в отличие от тебя мне повезло с мамой: у меня была любящая, добрая и внимательная мама. Это была моя тихая пристань, где я мог спрятаться в самые трудные минуты жизни, найти покой и утешение. Я думаю, именно благодаря маме, во мне сохранилась возможность полюбить. И это произошло: я люблю тебя, Ева и не представляю себе больше жизни без тебя. Я хочу, чтобы ты вошла в мою жизнь, в мой дом любимой и любящей женой. Молчи, ничего сейчас не говори, не давай мне ответ сразу. Подумай, разберись в своих чувствах, созрей и, если не сможешь дать мне положительный ответ, я не обижусь, не рассержусь — пойму. Я стану твоим другом, буду продолжать оберегать тебя от ударов жизни, защищать. Если же ответ будет положительный, я буду счастлив и сделаю всё, чтобы ты была счастлива со мной.

— Антон, я...

— Нет, нет Ева, не будем сейчас больше говорить об этом, тебе нужно время.... Так будет лучше. А сейчас я отвезу тебя домой.

* * *

— Дело не в тебе ... дело во мне... — думала Ева, сидя на диване, обняв колени. Она думала об Антоне, о том, что сделало его «Чёрным Полковником». Она не знала, как ей поступить, какое принять решение. За всю жизнь это был первый человек, первый мужчина, который с таким вниманием, с такой вежливостью заботился о ней, ничего не требуя взамен. Да, она не из его среды, не его уровня, но он ни разу не намекнул ей об этом. Их общение по интернету, а впоследствии в личном общении было всегда дружелюбно — доверительно на равных правах. И сейчас он не давил на неё, не торопил с ответом. Он дал ей право выбора. Внешне тоже он imponировал ей: такой крупный, почти стройный мужчина средних лет, настоящий «мужчинский» мужчина, за таким говорят, как за каменной стеной. И, в то же время, видя его внутреннюю боль, страдание души его, так и хочется его погладить, приласкать, утешить. Прикосновения его рук были для неё так неожиданно приятны, она так испугалась тех ощущений, которые они вызвали в ней, что Ева растерялась и запаниковала. И вот теперь, анализируя свои чувства, Ева поняла, что ей не только нравится Антон, он стал ей дорог.... Да и сколько можно жить в полном одиночестве: дом — работа — дом, причём пустой дом! А почему бы не начать новую жизнь, жизнь с человеком, который, судя по всему, в своей жизни тоже никогда не имел личного счастья? Надо попробовать, возможно, они действительно смогут построить свой уютный маленький семейный Рай в этом жестоком Мире.... Мире, сделавшем её Антона «Монстром», для устрашения населения страны. Ева решила, что сначала она должна помочь Антону освободиться от давления на его разум системы власть имущих лиц страны. Дать ему возможность самостоятельно принимать решения в разных ситуациях его сферы деятельности. Ведь он умный и может многое сделать для облегчения жизни народа. Тем более, она почувствовала, Антон сам хочет этого.

Ева давно знала о своих необычных способностях, но никогда не пыталась применить их, и по совету бабушки старательно скрывала их от всех, особенно при прохождении разных уровней тестов. Но она не упускала случая, познакомиться с разными сведениями на эту тему, поставляемыми в интернет. Она старательно закрывалась и при прохождении тестов в институте Парапсихологии. Но им, всё-же, удалось определить в её лице эмпата — человека очень полезного для ИКБ.

Полковник Могила тоже обратил внимание на этот факт и воспользовался им, чтобы добиться у своего руководства перевода Евы к нему на службу. А теперь и Ева решила воспользоваться своими способностями, чтобы очистить Антона от порчи — подчинения его разума стороннему влиянию. Она давно это изучила по данным изложенным в интернете.

* * *

Полковник Могила — Антон сидел в кресле в своей любимой библиотеке и размышлял о своём прошлом и будущем. Он хотел понять, как и когда случилось, что он стал марионеткой в руках власть имущих и стал работать на них, а не на страну? Что сбило его с пути истинного? И вспомнил: смерть матери, потеря самого дорого человека потрясла его настолько, что перестал думать, стал автоматически выполнять свои обязанности, как робот. Надо объяснить это Еве. Ну, а в будущем: во-первых, — если Ева откажет ему, его жизнь не изменится, всё будет идти по прежнему сценарию..., а во-вторых, если ответ Евы будет положительным, ему надо будет принять целый ряд мер по обеспечению безопасности Евы и их маленького семейного Рая, который он мечтал создать для Евы. В любом случае Еву необходимо срочно перевести в мою контору, благо этот вопрос уже решен с начальником разведки генералом Боровицким.

Брак должен быть зарегистрирован в строжайшей тайне, без каких-либо свидетелей. Документы о заключении брака должны храниться у Евы. Открыть на Еву через подставное лицо счёта в банке в стране и за бугром и положить на них энную сумму денег, которая обеспечит ей, в случае чего, достойную, безбедную жизнь. Никто из сотрудников отдела не должен знать, что девушка из интернета Ева Калинина (фамилию она не изменила) теперь его жена. В рабочие дни полковник и Ева будут продолжать жить каждый в своей городской квартире, выходные и праздники — в загородном доме. Полковник Могила никогда не переживал о своей безопасности, но для безопасности Евы он должен сделать всё возможное и невозможное!

Рука Антона потянулась к ноутбуку:

* Ева, привет! Я думаю, прошло достаточно времени, ответь только — «Да» или «Нет»
* — прочла Ева на дисплее.

* Привет, Антон, привет! Я согласна, я говорю тебе — «Да»!

* Я счастлив, родная! Приступаю к воплощению в жизнь наших планов! Твой Антон. *
— Ева улыбнулась и выключила ноутбук. Теперь, подумала Ева, надо выбрать благоприятный день и назначить Антону встречу для выполнения моего плана по освобождению его от постороннего влияния, сделать его прозрачным, недоступным чужому разуму.

Глава 7

Прошло полгода.... Полгода счастливой жизни Антона и Евы. Эмпат Ева работает аналитиком в отделе полковника Могила. Она поменяла квартиру, в которой живёт теперь в рабочие дни. Адрес её известен только сотрудникам отдела. Ева изолирована от всех своих родственников и сотрудников ИКБ и её это устраивает. Коллектив полковника Могила принял Еву дружелюбно, как, в своё время, Васю. О том, что Ева жена полковника знали только два человека, самые доверенные лица, с которыми он проводил все необходимые финансовые операции. Дело в том, что полковник Могила был действительно очень богат, но об этом практически никто, кроме этих двух человек, не знал. Его отдел выполнял разного рода операции, зачастую, связанные с конфискацией имущества. При этом полковник «конфисковывал» у госпреступников не только книги, но и часть финансовых средств из разного рода финансовых источников, которые через подставных лиц выводились в офшоры и, в конце концов, оседали на определённые счета полковника в нейтральной стране. Без помощи доверенных лиц одному всё это проверить было бы невозможно. Этими лицами и были сотрудники его отдела Федя по кличке «Два Уха» и Денис, любитель читать газеты. Простые парни, на которых никто, никогда не подумал бы, что они способны выполнять такие задания. Они выполняли свои дополнительные обязанности аккуратно, чётко «комар носа не подточит». Полковник Могила вёл скромный образ жизни в соответствии с государственной зарплатой. Всем было известно, что он имеет квартиру в столице и дом где-то в лесу, и всё. Отдел Антона был для него фактически его семьёй. Он тщательно подбирал людей в свой отдел (у него было чутьё на это) и заботился о своих ребятах. Для подготовки и выполнения сложных операций и обеспечения их безопасности Антон брал средства со своих счетов в дополнение к выделенным государством. С этих же счетов полковник Могила выдавал премии за успешное выполнение сложных заданий и материальные помощи отдельным сотрудникам в трудную для них минуту. Всё это знали Федя и Денис и поэтому так добросовестно выполняли свою работу.

Сразу после оформления брака, на имя Евы Калининой в нейтральной стране был открыт счет, на который поступила со счетов полковника сумма средств, способная обеспечить ей безбедное существование до конца жизни. Об этом тоже знали только Федя и Денис.

* * *

— Ева, наконец-то мы дома, мы выходные, нас никто не видит можно расслабиться, быть самими собой, а не играть роли просто сотрудников...

— Да..., но ты не волнуйся, для меня это не сложно. Я привыкла, я всю жизнь так жила и никого не посвящала в свой внутренний мир.

— А мне трудновато скрывать наши отношения, я боюсь, что мои глаза могут выдать меня, когда я смотрю на тебя. Ева, я раньше даже не представлял себе какое это счастье любить и быть любимым.

— Я это чувствую... я не знаю, чем это грозит, что может быть плохого, если ребятам станет известно о нас, но я буду стараться своим поведением на людях сдерживать тебя. Ты уж не обижайся в случае чего...

Антон и Ева на его любимом диване в кабинете в лесной усадьбе. Ева помолчала:

— Знаешь, у меня есть для тебя новость — сюрприз, но я боюсь тебе сказать, опасаясь твоей реакции...

— Ты о чём, Ева, что случилось: плохое или хорошее? Не молчи, говори... ну говори...

— Антон, у нас будет ребёнок..., наш ребёнок...

— Боже! Я буду, папа...Ева... я даже не надеялся на такое счастье! Ева — это точно?

— Ну, я у врача ещё не была, но тесты и самочувствие говорят об этом.

— Ева, я люблю тебя, я счастлив, что ты у меня есть, что у нас будет дитя.

— Но ты забываешь — мы держим всё в секрете, а ведь со временем всем станет видно моё интересное положение, его не скроешь, и наши ребята станут интересоваться...

— Ты права, всё будет так..., но у нас есть ещё время, мы подумаем, как всё представить и объяснить им..., мы с тобой подумаем, как поступить. Но очевидно, ребятам надо будет открыть наш секрет и усилить твою охрану. Да, они и сами станут оберегать тебя от возможных моих врагов. Я в этом не сомневаюсь.

* * *

Комната пустая, но в ней звучит голос:

— «Сынок» полностью вышел из-под контроля и в дальнейшем для использования в наших делах и целях не пригоден.

За круглым тяжелым деревянным столом сидит женщина. Её почти не видно, настолько велика разница в размерах стола и женщины. Это она говорит по спецсвязи низким прокурорным голосом.

— Что, по вашему мнению, послужило причиной такого поведения?

— Судя по всему виновато неизвестное ему доселе чувство — любовь к женщине. Ранее он не был замечен в амурных похождениях. А после личной встречи с этой Евой он стал резко меняться: не реагировать на наше воздействие, не подчиняться нашим установкам, а потом и вовсе закрылся на приём, стал недоступен.

— С этим надо разобраться, всё проанализировать поэтапно, чтобы в будущем вовремя реагировать, не допуская таких фокусов с другими адептами.

— Будет сделано.

— А сейчас надо срочно найти подходящую на это место замену, а его убрать.

— Как убрать!?

— На ваше усмотрение, но эффектно, чтобы другим не было повадно играть с нами в такие игры — уходить из-под нашего контроля.

— А как быть с этой Евой? «Сынок» считает, что мы не знаем о его женитьбе на ней, о счетах, открытых на её имя и так далее...

— А она? Как она считает и, что она знает о нас?

— Мы не можем понять, она «прозрачна», то-есть постоянно «закрыта». Мы не можем проникнуть в её разум, ей помогает Бог!

— Ну, ничего... посмотрим, какой она станет, когда её Чёрного Полковника не станет. Тогда и решим, что делать с ней. Конец связи.

— Конец..., конец...- женщина вышла из-за стола, разговаривая сама с собой — с «умным человеком», как говорят люди: ну вот, Тоша — Полковник Могила — тебе и могила. Настал твой час, как я и говорила ребятам.... Ну и намучилась я с тобой: сначала пока выносила и родила тебя для этой Эли твоей любимой мамочки (таково было моё задание), потом, когда вырос и приступил к работе, она всё время мешала мне, пока я не нашла повод и метод убрать её, освободить тебя от её влияния на тебя. Потом всё пошло о*Кей, всё, как поётся «пучком». Так нет-же, возникла эта Ева.... Вот она и приблизил твой час... надо продумать операцию и выдать задание исполнителям. Получается, как сказал знаменитый Тарас Бульба: «я тебя породил, я тебя и убью». Вот так... ты стал знаменитой фигурой в этом мире: страшным, ужасным Чёрным Полковником. Я добилась своего: отомстила твоему отцу и его Элочке.

* * *

Да, всего полгода счастья подарила им Судьба...

Ева на работе. В отделе в наличии все, кроме полковника и оперативной группы. Они на выезде по вызову из ИКБ. Там опять какая-то заваруха. Толком пока ничего не известно. Но уезжая, полковник сказал Еве, что ничего серьёзного, возможно просто ложный вызов. Да вызов был ложный, но там была тщательно спланированная и подготовленная засада для внезапного нападения на полковника Могила, именно на него.

Первое сообщение прозвучало по телевизору, прервав программу передач:

— Внимание!!! Срочное сообщение!!! Среди бела дня у главного здания ИКБ было совершено дерзкое нападение на полковника Могила и сопровождавшую его группу Отдела Службы Безопасности страны! — треск, шум мелькание кадров, с экрана исчезло изображение диктора. Лицо в маске — люди, радуйтесь, нет больше страшного, ужасного Чёрного Полковника! Мы отомстили ему. Такая же участь ждёт всех наших врагов. Кто не с нами — тот наш враг! — опять треск, мелькания и экран погас...

В комнате все замерли, первым очнулся Федя. По внутренней связи вызвал вторую оперативную группу с машиной и умчался на место событий. Оставшиеся включили внутреннюю связь и стали ждать сообщений...

А Ева... Ева замерла, она боялась поверить в то, что это не сон, что это действительно происходит с ней... с её Антоном, ... Все молчали. Вдруг ожил экран телевизора:

— Это был репортаж канала RT, журналист Свиридов Евгений «случайно» оказался на месте событий. Это был его последний репортаж — он погиб, так же, как и Полковник Могила — зарезан .... Это был явно спланированный теракт. — Снова тёмный экран, треск, мелькания... шум машины, экран засветился:

— Канал RT продолжает свой репортаж: вторая оперативная группа работников ОСБ, прибывшая на место событий, сумела отследить отступление отдельных террористов, рассыпанных в толпе народа, сбежавшегося на место теракта, содействующих отступлению главных действующих лиц. Сотрудники ОСБ сели на хвост отдельных террористов, проследили их к месту базирования. Это оказалось одно из правительственных зданий в центре города, недалеко от здания ИКБ, где и был совершён теракт. Сейчас идёт бой в подвальном помещении здания.... Мы на улице на месте событий... прибыло подкрепление, скорые помощи.... Всё, операция завершилась, группа террористов уничтожена. Как, оказалось, возглавляла группу женщина. Она, видя поражение, сама застрелилась. — Экран погас. В комнате осталось мрачное молчание. Все ждали возвращения Феде... «Два Уха» и ребят, ... Кто остался в живых...?

* * *

Ева не помнила, как она оказалась в своей городской квартире, кто ей помог добраться домой.... Она пришла в себя и задумалась над своей судьбой: почему моя жизнь сплошное горе, за что мне это, как я могу жить дальше??? Нет Антона, нет больше смысла жизни. Да, я обещала бабушке — без суицида, но я больше не могу, ... не могу терпеть всё это... пора и мне за Антоном уходить из этой жизни.... Да простит мне Господь этот смертный грех: я больше не в силах терпеть боль души моей. Ева поднялась и пошла к своей домашней аптечке. Она давно знала, какие лекарства ей надо принять, чтобы быстро уйти из жизни. Но, вдруг перед ней возник образ Антона, он заговорил с ней:

— Ева, родная, не надо. Ты должна жить, иначе враги победили меня полностью. Я пришёл в Земной Мир в не то время и, не то место. Но так было predetermined Судьбой. Я это понял, когда встретил тебя. В тебе сейчас растёт мой, наш сын. Подумай о нём. Разве можешь ты убить нашего сына? Он должен жить. У него великое будущее: он станет знаменитым полководцем. Только не в этой стране и не с моей, а с твоей фамилией. Ева, ты сильная, возьми себя в руки, ничего и никому не говори: срочно уезжай в Россию, пока о тебе не вспомнили в свете событий. Деньги у тебя есть. Затеряйся в просторах Великой России. Когда всё уляжется, Федя найдёт тебя и поможет вырастить нашего сына. И только тогда наступит время нашей встречи в мире, в который я сейчас ухожу. Я люблю тебя, буду навещать тебя и ждать...- Видение растаяло....

Ева выполнила все задания Антона, но это уже другая история....

Примечания:

Кривушкин — глава совета директоров ИКБ.

Боровицкий — глава контрразведки.

Наталья Ребалко безвременно ушла из жизни 2 сентября 2012 года.

Родилась 27 декабря 1986 года в Харькове. В 2009 году закончила Харьковскую Национальную академию им. Я. Мудрого (магистр, диплом с отличием). Продолжила обучение в аспирантуре Харьковского Национального Университета Внутренних Дел. Но не дожила полтора-два месяца до окончательной защиты диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук по специальности криминальное право и криминология; криминально-исполнительное право.

Сумы

Андрей ПОЛЯКОВ

**Ан-24,
или До 18.00 читать строго запрещается**

(Роман-метафора)

О к о н ч а н и е

Глава 47

В комнате царил хаос!

Первое, что бросилось в глаза — постные и какие-то пожёванные лица вокруг, на которых лежала серая тень усталости. Казалось, что студенты сразу после подъёма решили искупаться в придорожной пыли и это у них отлично получилось. «Колхозники педагогической науки» бродили по комнате как слепые или сильно стукнутые «мухойкой» судьбы, иногда налетая друг на друга не хуже классических зомби.

И только Болт и Рабик выглядели не просто иначе, а всем своим видом демонстрировали: здоровые — раз; молодецкий задор — два; прекрасное настроение — три. Развалившись на постелях, они, то давили лыбу, то по очереди бросали друг другу лифчик внушительного размера. Заметив, что Ан выглядывает из-под кровати, засмеялись так живо, будто увидели Чарли Чаплина, показавшего им средний палец.

На часах маленькая стрелка примёрзла к цифре «2», и эта деталь почему-то больше всего заинтересовала Ана, не понимавшего, как ему удалось избежать почётного звания дежурного по комнате. Осознавая, что проснулся последним, он пришёл к единственно правильному выводу — Земля начала вращаться вокруг Солнца в обратном направлении. «Из окна сегодня не выпрыгивал, на завтрак и обед не ходил. Значит, не всё так гладко в Датском королевстве», — вспомнилось ему, а Внутренний голос тут же добавил в копилку памяти ещё одну цитату наследника трона (с почти кулинарным именем Гамлет): «Что человек, когда он занят только сном и едой? Животное, не больше».

Ан тут же отогнал мысли о сне и еде.

Первым подошёл Болт и подал руку.

— Ну? — вызывающим тоном спросил он.

— Встаю! Мысли о сне и еде отогнал! — отозвалось «не животное».

— Молодца! Поднимайся! Вкусненькое чуть не проспал!

— Что, холодец с толчёнкой на обед подавали?

— Не было никакого обеда. У нас тут всемирный понос!

— Потоп? — переспросил Ан.

— Можно и так сказать! — съехидничал Болт. — Пока ты спал...

— Я не спал!

— Не понял? А что тогда делал под кроватью?

— Ходил на базар!

Болт засмеялся, но как-то сдержанно:

— И что покупал?

— Не покупал, а продавал!

— Хорошо, больной, поставим вопрос иначе! Что продавал?

— Душу!

Болт жестом позвал Рабика.

— Быстро: смирительную рубашку! — приказал ему.

Рабик мгновенно схватил простынку и мастерски набросил её на голову Ана.

— Козлы! — заорал тот.

И снова оказался под кроватью, только уже в объятиях друзей.

— Молчи, идиот! Ты, воистину, не один! — властно прошептал Болт. — Сейчас врачи как раз таких ищут: бесноватых, торгующих душой и другими духовными ценностями!

— Не понял? — сказал Ан, успокаиваясь понемногу и сдирая простынь с головы.

— Что тут понимать! Выйди во двор! Только не падай в обморок — понос это весело! А душу продал?

— Надеюсь, что нет!

— Хорошо!

Друзья уселись на кровать.

Рабик объяснил, в чём дело:

— Пока ты со своими девицами прохлаждался в душе, а мы с Болтом развлекали местных дурачков, наш подрастающий педколлектив доедал в столовке утренний молочный суп. Вот и доел на свою голову.

— Бери нониже! — перебил Болт.

— Или так! — засмеялся Рабик. — Ночью было ещё ничего, а вот с утра пораньше — началось! Теперь по всему селу не найти свободного туалета. Начальство приехало, санстанция приехала, «скорые» приехали! Так что смотри, не похвастайся при них, что ночью торговал своей душой. Такие, как ты — находка для шприца! Говори, что суп не ел, что вообще ужинать не ходил — все подтвердят! Избегай нездорового интереса к твоей заднице волосатого маньяка в белом халате? Иди, да смотри, не признавайся никому, что Чапаев, Петька, Анка-пулемётчица, Леонид Ильич Брежнев и чукча твои лучшие друзья!

Выйдя во двор, Ан подумал, что начался новый ледниковый период — такого скопления людей в «снежных» халатах он прежде никогда не видел. Проректор и несколько деканов прохладжались в тени на лавочке недалеко от центрального входа спортивной базы, в стороне от «бледных поганок», выросших за одну ночь на благоприятной почве примитивного обжорства. Особенно много студенток, снятых с креста нечеловеческих мучений, «проросло» возле общественного туалета, спрятавшегося в густых зарослях неухоженного фруктового сада. Очередь опоясала ничем не приметное здание несколькими пока ещё живыми кольцами. Врачи на крыльях своих халатов летали по двору, как надоедливые мухи, время от времени подлетая к «мавзолею вчерашнего ужина» и принудительно выдёргивали из очереди новую жертву для неотложного спасительного укола.

— Всего один... Всего один! — без устали кололи словами медицинские сёстры прямо в подсознание своих пациентов.

Ан поморщился. «Наверное, так выглядело поражение под Ватерлоо», — подумал он и решил не привлекать к себе внимания.

Но тут к нему подошла староста.

— Твоих рук дело? — спросил Ан, и кивком головы показал на «доходяг», страдающих хроническим перееданием.

— Дурак, разве так шутят? Нашёл время! — искренне возмутилась Ленка. — Где ты был всё утро? Тебя медичка искала!

— Из кала? — засмеялся Ан.

— Не смешно! — староста надула щёки и стала похожа на старосту, проглотившую Колобка.

— Тебя, что мутит? Тогда иди мутить в сторонке!

— Меня тошнит от таких, как ты! Разве можно смеяться над поносом?

— Ты как всегда всё перепутала! Это понос смеётся над нами, а точнее нами! Весёлый он парень и выдумщик большой. Куда мне! Помнится, правда, ещё в школе, в колхозе тоже дело было, одной училке пургенчика в суп подмешал, но больше не грешил, вроде.

— Молчи, балда, пока о твоём пургенчике никто не услышал! Не отмоешься потом!

Ан так посмотрел на Ленку, что та поняла: последней фразой пошутила в тему.

Фыркнув, прекратила бессмысленный разговор.

— Пока! — крикнул Ан вдогонку. — И, как говорит один мой знакомый писатель, до новых увлекательных встреч!

Ленка не обернулась.

Зато повернула голову женщина в белом...

Она стояла почти рядом, но почему-то раньше её совсем не было видно. Огромная. Здоровенная! Настоящий железобетонный довод — не шевелиться и даже не думать рыпаться с места!

— Фамилия? — изрыгнула женщина в белом, и Ан почему-то сразу вспомнил роман Уилки Коллинза.

— Сталин! — ответил он. — Но меня мучает не понос, а совесть!

Медичка сделала шаг вперёд, и Ану стало не по себе. Гигантская белая туча неотвратимо нависла над ним — жалким остряком-самоучкой.

— Фамилия? — блеснула туча молнией.

Ан решил с отечественной медициной больше не шутить — ответил.

— Так бы и раньше! — как ни в чём ни бывало, сказала медичка, и сделала отметку в зелёном, изрядно потрёпанном нелёгкой жизнью, журнале. — Будь готов!

— Всегда, готов! — браво отчеканил Ан, корча из себя пионера-переростка.

Женщина в белом не обратила на это никакого внимания и продолжила:

— Будь готов, тебя позовут!

— На свидание?

— Ага, романтическое! — разродилась очередной молнией туча и ехидно улыбнулась.

От блеска её клыков Ану поплохело. Он сделал вид, что готов ради её спокойствия согласиться даже на два укола сразу.

— Можно уточнить? — начал подъезжать он на «гнилой козе» к представительнице Минздрава. — Я надеюсь, позовут не трубы ссудного дня?

Медичка оставалась невозмутимой.

— Готовь задницу! — последнее, что услышал из её уст Ан и понял, что не готов к такому повороту событий.

Надо было что-то делать, чтобы волосатые руки судьбы, крепко сжимающие шприц с сомнительной жидкостью, не дотянулись до его ягодич.

И решение нашлось!

Минут через сорок Ана вызвали к врачу.

Сухой старичок, похожий на скрюченную временем ветку, делал очередную запись в медицинской карточке очередного больного.

Прочитав свою фамилию, выведенную жирным размашистым почерком, студент выпалил как из ружья, что совершенно здоров.

Выстрел оказался холостым — «скрюченная временем ветка» даже не посмотрела в его сторону.

Блеснул интерес в глазах старичка только после того, как Ан подошёл к нему вплотную и во второй раз уверенно произнёс свою версию диагноза.

— Вы что, пили? — спросил врач, раздувая ноздри.

— Как что? Водку! От поноса — первое средство!

— Но вы же будущий педагог! — возмутился специалист по расстройствам желудка.

— А поносу всё равно! Да и водка согласилась сразу — была не против!

— Как же мне теперь вас лечить? Алкоголь и лекарство две вещи несовместны!

— Как гений и злодейство?

— Во-во! — оживился старичок.

— Что касается злодейства! — начал Ан, так я на ужине не был и суп не ел. А что касается человеческого гения, так разве они бывают гении-трезвенники?

— Ладно, больной...

— Здоровый! — перебил врача Ан. — Здо-ро-вый!

— Ладно, но я обязан сообщить о вашем поведении руководству ВУЗа.

— Я буянил?

— Нет!

— Хамил вам?

— Нет!

— Вырвал у вас из рук шприц?

— Нет!

— Лез к вам целоваться?

— Этого ещё не хватало!

— Предлагал взятку?

— Нет!

— Вы меня домогались, а я отказал вам?

— Этого ещё не хватало!

— Что не отказал?

— Отказал!

— Так значит, вы меня таки домогались?

— Прекратите сейчас же пороть чушь!

— На что вы намекаете? Что за сексуальные команды такие?

— Ладно, выздоравливающий, я вас понял! А водочки у вас не осталось, а то с самого утра от этого поноса мне только одни эти мерещатся, — врач развёл руки в разные стороны как заправский рыбак, хвастающийся, какого именно размера ему пришлось сегодня ловить рыбу.

— Грамм триста...

— Тащи, почти выздоровевший! У меня тут, с собой: помидорчики, огурчики, яйца... в крутую! Сделай минутную паузу! Только смотри, никому! — медик резко поднял палец вверх, будто пытался проткнуть черепичную крышу базы, а заодно и небо.

Через полчаса минутной паузы врач-коллега-друг предложил Ану прочистить желудок неразбавленным спиртом, без особых умственных усилий доказав тому преимущество такой профилактики перед остальными способами медицинского вмешательства в организм человека.

Чтобы не разочаровать чужую, добрую, открытую, беспоконную и заботливую душу, Ан согласился сразу — выпил умело, будто с пелёнок работал врачом. Это произвело большое впечатление на старичка, решившего ни за что не отставать от студента, окрестив его народным целителем и мастером на все руки.

Ещё через двадцать минут авторитет молодого человека вырос настолько, что «скрюченная временем ветка» распрямилась по-весеннему, вцепилась в подбородок Ана и подтащив его к себе поближе, прошептала: «Так вот ты какой, цветочек Аленькай! Рыба-пила не понятно с кем! Палка двух концов! Что ты помидорами по тарелке елозишь? Яйца свои чистить будешь?»

После этих, подозрительных, слов, Ан понял, что дедушке пора завязывать с «минутной паузой», длившейся уже около часа, к тому же спирт почти «выветрился» и могла подойти очередь наркоза. Заметив в углу комнаты кресло — обрадовался находке. Уселся поудобней. Закинул ногу на ногу. Решил перекурить.

И тут с креслом что-то произошло — без каких-либо видимых физических воздействий, оно начало медленно таять, плавиться как воск или пластилин. Понимая, что ещё чуть-чуть, и он свалится на пол, Ан стал хвататься руками за воздух, но тот предательски превращался в ничто. Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату вошёл мальчик с клеткой в руках. Вошёл стремительно как раз в тот момент, когда кресло под Аном внезапно исчезло, и тот упал к ногам продавца души.

— Всё торгуешь? — спросил он мальчишку, поднимаясь с колен. — До сих пор так никому не продал?

— Пока нет, но сейчас продам!

И студент услышал голос собутыльника:

— Молодой человек, давайте ещё по одной! Хватит разговаривать с дверью! Как показывает практика, из таких бесед ничего хорошего не получается!

Ану стало не по себе, и впервые в своей жизни он сказал выпивке:

— Нет!

Сказал уверенно, сказал по-взрослому, сказал, как отрезал кусок сала, хотя ему показалось, что ответил невнятно и вяло, причём голосом ребёнка.

Глава 48

Понос победили на следующий день. Полностью! А ещё через сутки от него остались одни воспоминания. Начальство разъехалось. Медики умчались с мигалками. Повара на кухне от стыда готовились провалиться сквозь землю, но не рухнули даже в подвал столовой. Жизнь брала своё, а молодость старалась от неё не отставать. От работы никого не освободили. План есть план и его никто не отменял, а наоборот, этот ненасытный Никто незаметно норму выработки на человека-день регулярно увеличивал. Студенты сначала ныли, а когда поняли, что их недовольство ни к чему не приводит, решили отомстить — стали в столовке жрать больше.

Рабик и Болт превратились в заядлых танцоров и по вечерам с удовольствием спивались с местными нимфами в Доме культуры. Один раз, в самом начале танцевальной лихорадки, Ан тоже пошёл с ними, да по дороге встретил мальчонку с клеткой в руках — другого, реального, настоящего мальчонку с другой, заводского изготовления, клеткой... Но встретил! И сколько его потом ни уговаривали друзья «пропустить по одной», стоял на своём и спокойным, как штиль, голосом объяснял, что пить бросил, что пил раньше потому, что хотелось пить, а теперь не пьёт потому, что напился. Через неделю приятели усвоили эту, как им казалось, примитивную «отмазку» и перестали не только крутить пальцами у виска, но и приставать к нему с подобными предложениями. Ан понимал — друзья уверенно шагают по дороге, ведущей к воротам неотвратимого бухгалтерского цеха. Но как помочь им — не знал. Единственное, в чём был уверен полностью — его прошлая жизнь, хоть и была его жизнью, но теперь казалась ненастоящей, придуманной что ли. «Моя ненастоящая жизнь!» — говорил он себе в такие минуты, и пугался этих слов. «Жизнь-подделка!» — продолжал раскалывать своё сознание на сотни маленьких «осознанчиков» своей никчёмности. «Ничтожество!» — кричал самому себе, запершись в туалете, чтобы никто не увидел его слёз. «Жалкая тварь» — утешал себя, как мог, засмаркивая носовой платок до состояния тряпки для мытья полов. «Сволочь!» — подводил черту в нелёгком разговоре с самим собой. «Писателишка задрипанный!» — ставил жирную исповедальную точку, выходя из параши.

Лана сразу заметила злую перемену в жизни Ана. Он стал нервным, а его шутки всё больше напоминали выдержки из приговора, отправлявшего подсудимого на смертную казнь.

Надежда поведение Ана объясняла творческой ломкой, поэтому с расспросами в его душу не лезла — разговаривала, когда тот сам начинал беседу, и хранила тишину в ответ на его молчание.

На тринадцатый день трезвой жизни «писателишке задрипанному» стало совсем плохо. Ему резко захотелось пойти на танцы, чтобы потом вместе со своими корешами заснуть где-нибудь по дороге между созвездиями Пегаса и Хамелеона, или, веселья ради, оборвать все яблоки в колхозном саду, оставив сторожу на долгую память лишь деревянный забор, исписанный стихами.

Но от пьяного сна наяву и необузданных желаний его спасла поэзия — сначала стихотворение нерешительно постучало в его сердце, а потом ворвалось в него, как порыв ветра врывается в комнату, распахивая настежь окна своей дикой и неукротимой энергией:

Безлошадные крестьяне,
Дружно шли на водопой.
Только солнце утром глянет,
У меня опять запой.
Ни коровы, ни уздечки,
Ни Конёчка-Горбунка,
Лишь сверчок один за печкой
От заката до заката...
Невесёлая картина,
Непутёвая строка.
Ветер дунет — паутина
По углам слегка-слегка.
В чашке горькое лекарство,
Всех сбивающее с ног —
Вот и всё дурное царство,
Что построить в жизни смог.
И на троне восседая,
На крестьян своих смотрю:
— Да, сушняк вещь не простая,
Не простая, говорю...

Стихотворение Надежде понравилось.

Радовался и сам поэт, с удовольствием обсуждая с ней не только свои стихи, но и других авторов. Оказалось, что она не просто ориентировалась в современной поэзии, а знала её так, что могла дать фору любому профессору филологических наук. Цитировала любимых поэтов часами. Знала их биографии до мельчайших подробностей — кто с кем и почему, зачем, из-за чего, и на хрена это всё ему было надо! Рядом с ней Ан чувствовал себя голым молодым человеком, и у него постоянно возникало желание натянуть ещё одни трусы поверх джинсов. Ему всё чаще и чаще казалось, что он попал в другой мир — мир настоящей литературы, о которой знал... вернее сказать, что-то знал понаслышке. Сначала было стыдно, но стыд он умело прикрывал «фиговыми листьями» своего оптимизма, обещая Надежде, что непременно прочитает или обязательно познакомится... Потом, неожиданно, стыд перестал мучить его. Произошло это само собой, когда понял простую вещь: «Чукча не читатель, не учитель, не доцент, не ректор, не начитанная зад-

ница! Чукча — писатель!» Правда, Внутренний голос не упустил возможности уточнить, что его «хозяин» ещё и главный, ну, самый главный козёл на планете. А здесь, на окраинах матушки Земли — козлище тупоголовое, баран, возведённый в степень осла. Писатель не спорил, давая Голосу «оторваться» на полную катушку. Впервые ему стало спокойно и за себя, и за Болта, и за Рабика, и за свою Любу, о которой он вспоминал не так часто, как ему бы хотелось. Ощущение покоя разлилось по его оголённым нервам — он вдыхал и выдыхал покой как воздух, наслаждаясь его присутствием во всём, что окружало его. И всё-таки одно очень неприятное ощущение от прошлой жизни осталось. Оно пристало к нему, как бродячая собака, получившая из его рук мозговую косточку, украденную в кухне столовки. Заметив с какой жадностью псина набросилась на неожиданный дар небес, Ан представил себя собакой, сорвавшейся с цепи ради голодной свободы. Ему стало по-собачьи жалко не только себя, но и холодную, продуваемую всеми ветрами будку, и даже пудовую цепь, на которой просидел всю свою сторожевую жизнь. «Главное в жизни — это найти себя, найти и накормить!» — после долгих и мучительных раздумий написал он и прочитал Надежде. Заметив в уголках её глаз слёзы, остался доволен собой. «Я первая собака, научившаяся писать...» — подумал тогда, но для кого писать, а, главное, зачем, так и не смог объяснить самому себе.

Лана радовалась за Надежду и Ана — их расцветающей дружбе. За ними она пристально наблюдала со стороны — и сама не приближалась, и других отгоняла. Больше всего досталось Рабику и Болту! После часовой лекции одноклассницы о вреде алкоголизма, друзья поняли, что пить всё-таки приятней, чем расшатывать свою нервную систему разговором о психических и физических последствиях любимого занятия. Увидев Ана с Надеждой — делали вид, что не заметили их. А если, не дай Бог, их взгляды пересекались в пространстве и времени — только ответственно махали руками, и никаких: «А, может?..»

Дни летели со скоростью, сорвавшегося с тормозов гоночного автомобиля. Но даже за такой короткий «неуправляемый» отрезок времени, Ан уразумел, что уже в достаточной степени владеет информацией высшего уровня секретности, к которой ещё недавно (по воле высших сил) не имел доступа — он духовно-выздоровливающий осёл! А чтобы в глазах друзей окончательно закрепить за собой высокое звание дурня дурно-го — пообещал Надежде и Лане бросить ещё и курить. «Был человек и не стало. Ушёл навсегда в обнимку с двумя сумасшедшими бабами туда, где мозговой горошек заменяет блаженным мозги», — думал Рабик, провожая взглядом своего друга, гуляющего по вечерам со своими подругами по пыльным сельским улочкам. Думал и, не задумываясь, снова и снова летел в Дом культуры, где в ожидании начала дискотеки Болт увлечённо рассказывал двум хорошеньким малолеткам свою очередную похотливую историю, главными ключевыми словами которой были: чувственный, сладострастный, развратный, распутный, блудливый, сластолюбивый, любострастный и порочный. От этих слов ученицы старших классов были готовы в любую секунду потерять не только сознание, но и невинность. Но, как всегда, от решительного взрослого шага их спасали отвлекающие и зачаровывающие мелодии Гэри Мура — начинались танцы!

Чем яростней гоночный автомобиль времени несся на встречу бетонному столбу вечности, тем отчётливей Ан понимал: конец — это начало. «Скоро домой! Пойду в студию! Хочу писать! Хочу! Хочу!» — повторял заклинание, приближающее день отъезда.

И тот настал.

В Доме культуры прошло праздничное прощание — председатель колхоза так эмоционально благодарил гостей-помощников, что сам поверил в свою искренность.

Потом был обед. Вкусный! Вместо подарков — магнетики на холодильник.

Через час приехали автобусы. Ждали долго — сытые как никогда студенты еле-еле смогли собраться в дорогу.

Возвращаясь, Лана ехала рядом с Аном, и всё время хвалила его.

— Какой ты молодец! — не скрывая своего восхищения, говорила она. — Пить бросил, курить бросил! Всё мужу расскажу, пусть берёт пример! Приходи завтра к нам на чай! Обязательно! Я и Надежду приглашу. Мне так будет не хватать наших бесед и стихов! Какие вы молодцы, что так любите поэзию! Ты, смотри, пиши! Не ленись! Приходи, читай мне! Приходи с Любой, у меня такой вкусный чай!

И так всю дорогу: «Приходи... чай... стихи... чай... молодец... не ленись... приходи... чай... такой вкусный, чай...»

Глава 49

Ан так и сделал — нагрнул... Правда без Любы и не на следующий день, а через две недели.

Поднялся на лифте.

Позвонил.

Двери открыл Бухгалтер.

— Я пришёл на чай! — сказал извиняющимся голосом, переступая порог.

— Это какой-то пердимонкль! Ну, чай — так чай! — пожал плечами хозяин квартиры и два раза вправо повернул ручку английского замка.

Глава 50

Ан стоял на самом вершине дюны. Песчаные волны, подгоняемые раскалённым ветром, разбивались на мелкие искры у его ног. Солнце катилось по горизонту. На него можно было смотреть, слегка прищурив глаза.

— Да, — подумал Ан. — Вот тебе и «Кин-дза-дза» пришла. Пустыня...

ЛАВА 39

Как сюда попал — не знал... Не понимал.... Не помнил.
В правой руке он сжимал недопитую бутылку коньяка, а в левой — пачку сигарет.
— Этого ещё не хватало, — пронеслось в голове со скоростью мимо пролетающего поезда.
— Где я? Почему один? Какими ветрами занесло? И откуда в пустыне поезд? Надо бросить пить! А, может, и вправду — прямо здесь? Навсегда! Бросить, как выбрасываются из окна вагона — бесповоротно и глупо, не дожидаясь наступающей тьмы и пустынного леденящего душу холода. Бросить туда, за горизонт, и начать новую светлую непорочную жизнь. Начать навечно, не заду- мываясь больше трёх секунд, чтобы не передумать.

Ан поднёс к глазам пойло:

— Хороший коньяк, дорогой... И откуда у меня деньги взялись?

В глубине поллитровки что-то сверкнуло.

Быстрым движением протёр зеркальную поверхность. Увиденное взорвало созна- ние — внут- ри светилась Луна. По напитку бежала голубоватая дорожка, над которой маленькой мушкой ле- тал Джин.

— Я, наверное, сплю или пишу роман... А может?.. Да, вряд ли такое вообще может быть! Про- клятый коньяк! — пробурчал, недоумевая и, размахнувшись, что было сил, бросил бутылку в низколетящее солнце. По нему побежали круги, как по воде. А потом всё замерло. Показалось, что и время остановилось. Очень хотелось пить. Ан с трудом проглотил сухую колючку слюны и закричал от ужаса...

Глава 51

...проснулся дома.

Вечером.

Я лежал на диване посреди мира, в котором по-прежнему для меня не находилось места. Мир не хотел замечать человека, у которого не было даже своих слов.

И вдруг, откуда-то, из пустоты что ли, возникло оно — СЛОВО! За ним — второе, третье, чет- вёртое... Чтобы их не спугнуть, я осторожно встал с дивана, схватил со стола грязную помятую салфетку и случайным карандашом написал:

Настанет час — и ты придёшь,
Пройдя весь путь земной.
И скажешь мне, что дождь —
                        не дождь,
Шумящий за стеной.
Ты скажешь мне, что снег —
                        не снег,
Летающий за окном.
Что этот мир един для всех,
Но смысл вещей в другом.
Что этот смысл сокрыт от глаз,
А истина проста.
Что в эту ночь один из нас
Опять предаст Христа.

Написал и не поверил в это!

Необычное тёплое чувство разлилось по телу, оторвав от земли. Я впервые парил над суетой и мне было всё равно, что есть писатели известные, а есть очень неизвестные. Что одни издали сотни книг, а другие ни одной. Радость, подхватившая под локти, кружила меня по комнате. «Скоро в студию, — пронеслось в голове, — скоро! Надо будет обязательно прочитать стихотво- рение Вере! Обязательно!» — крикнул самому себе.

И тут услышал, как на кухне по радио отрывисто пропикало время...

...Восемнадцать часов ровно!

ЧАСТЬ 5

СТИХИ, НЕ ВЕДАЮЩИЕ СТЫДА

Глава 52

Никаких запретов не нарушу,
Если крикну прошлому: «Забудь!»
Ислестал мне дождь бессонный душу —
Ноет, ноет, ноет, ноет грудь.

В окна стукнет ветер-недотрога.
Дождь — стеной, а дальше — пустота.
Где когда-то вдаль вела дорога,
Промелькнёт дорога, да не та.

ЛАВА 39

Улыбнусь внезапному виденью,
Занавешу быстро пустоту,
В сторону отпрыгнув резкой тенью...
И присяду медленно на стул.

Никаких запретов не нарушил,
Но сомненье мучает уже.
Слушаю, как бьются в стёкла души
На моём высоком этаже.

Глава 53

Как долго длится эта ночь...
Всё жду, когда же солнце встанет.
Хотел, душа, тебе помочь —
Ни капли больше нет в стакане.

А мрак — плотнее... гуще мрак.
В нём даже свет случайный тонет.
И не найти уже никак
На ощупь номер в телефоне.

Скорей бы луч разрезал даль,
Споткнулся и упал на крышу.
Прости, душа, мне, правда, жаль,
Что я сейчас тебя не слышу.

Глава 54

Когда все стихнут рядом голоса,
и с ними все луга, и все леса,
и воцарится в мире только эхо —
бездушный отзвук радости былой,
поймёшь ли ты тогда, что счастье — это
шепнуть кому-то что-нибудь... порой...

Глава 55

Ты подарена Богом.
Не ускользай из рук.
Спишь у меня под боком...
Вскрикнешь спросонья вдруг:
— Где ты?
Отвечу:
— Рядом!..
Голос чуть дрогнет мой.
Не исчезай и взглядом,
Светом и даже тьмой.
Словно награда будней —
Бьётся твой пульс в ночи.
— Долго ль ещё так будет? —
Господи, не молчи!

Глава 56

ЛЮБОВЬ

Сегодня был холодный день,
холодный ужин...
Метельных сто никчемных дел —
я так простужен!
Купаюсь... Греюсь... А вода,
дрожит, играя
цветами бледными, когда
ты спишь нагая.
Хочу согреться, да, хочу...
Хочу согреться!
Тень полотенца по плечу,
скользнёт... и — в сердце!
Сегодня был холодный день.
Холодный ужин...
Тень полотенца — просто тень!

ЛАВА 39

Ты спишь не с мужем...
Сегодня нашим встречам год —
густой, как полночь.
Твой муж дежурит у ворот.
Позвать на помощь?
Прервёт пускай твой подлый сон,
мне даст по роже.
И вдруг пойму: как любит он...
Как любит, Боже!

Глава 57

Маргарите

Сто лет не виделся с тобою —
Четыре дня... Четыре дня!
И стал я тенью, стал толпою...
А ты, чем стала без меня?
Я убежал в конец квартала
И возвращался не спеша.
Сто лет разлуки, разве мало? —
Ответь бессмертная душа.
Каким запомнится в итоге,
Мне этот мир — его возня?
...Твой силуэт в конце дороги,
Длиной в четыре долгих дня.

Глава 58

Всё это боль. Но суть не в ней самой.
Всё это — ночью, ночью, до рассвета,
Сближение с нездешней темнотой,
Сближение до крика... Силуэта.
До самого последнего листа,
Исписанного почерком несмелым.
Не спится телу — сосчитай до ста.
Душа, не спишь? Ты этого хотела!?
Всё это бред. Игра наполовину.
Со тьмой слились за окнами дома.
Лицом к стеклу — чтоб не смотрели в спину.
Лицом к любви — чтоб не сойти с ума.

Глава 59

Ты сейчас — полночное виденье.
Тень, как плащ, упала на порог.
Наказанье ты иль преступленье?
Как посмел тебя впустить, как смог?

Подошла — знакомая такая!
Сразу закружилась голова.
Страсти позабытой потакая,
Вырвала из сердца все слова.

Но душа молчит, не понимая,
Для чего явилась в поздний час
И зачем ты шепчешь, обнимая:
— Отче, защити, помилуй нас...

Глава 60

*Первое слово дорожке второго...
Детская мудрость*

А нашего в нас ничего не осталось.
Дороги размыви дожди до печали.
Сердца нам сдавила ночная усталость.
И всё-таки тени нас как-то узнали —
Скользнув под ногами, встревожили души:
Те словно проснулись от страха живого...
Надежда, любовь, да и вера — всё глуше,
Всё глуше и дальше от первого слова.

Л А В А 39

Глава 61

Я тот, без кого мне уже не прожить,
Кто нить оборвал,
        чтоб связать ту же нить.

Кто волен уйти и вернуться назад,
И вырастить сад, чтобы вырубить сад.

Кто спрятаться может легко за словами,
Ведь слово, как дело, всегда под руками.

Кто Авелю Авель — единственный брат,
Кто в смерти своей будет сам виноват.

Глава 62

СНЕГ ЗАБРОШЕННОГО САДА

1.
И падал, падал, падал снег —
То вкось летел, то прямо...
Он был тогда один на всех —
Глубокий, словно память.

Он был тогда как волшебство
Заброшенного сада,
Когда и нету никого,
И никого не надо.

Он был тогда как благодать,
Даруемая снами.
И страшно было наступать
И мерить боль шагами.

2.
Когда же это было?
Почудится — вчера.
Метель с ума сводила
От ночи до утра.
А утром — что за сила
Бросала в круговерть?
«Приди!» — любовь просила.
«Вернись!» — просила смерть.
И раннее начало
Тоски на целый свет
Имён не называло,
Не нарекало бед.
И снова моросило.
Снегам не быть уже.
Однажды это было —
Всю ночь мело в душе.

Глава 63

Из дома, стенами томим,
Шагнул во тьму легко.
И сто дорог легло пред ним,
И сто за ним легло.

Побрёл... Сначала наугад,
Потом — на дальний свет.
В дорогу взял то дождь, то град.
Как пёс, взял чей-то след.

А сто дорог сплелись в клубок.
Прошло немало лет...
И он ступил на свой порог,
Придя на дальний свет.

ЛАВА 39

Глава 64

НЕГАСИМАЯ ЗВЕЗДА

*Только ты стоишь перед глазами,
Как звезда стоит перед землёй...
Ю. Кузнецов*

Я стоял среди мёртвого неба
В окружении лунных теней.
Ни воды не осталось, ни хлеба,
Только память осталась о ней.
Я губами ловил нервно губы,
Я руками по далям скользил,
Но молчали небесные трубы,
И в земные никто не трубил.
И покой разливался...

Покоя

Не хотел чуткий разум принять.
Он страдал...

Под мою рукою

Начал дальний огонь полыхать.
Заметались безгласные тени,
Заметались во мне и вокруг —
И приблизились отчие стены,
И окно обозначилось вдруг.
Сквозь стекло (почернело от пыли)
Я увидел: сидишь за столом.
Ты сказала:

— Когда-то мы жили,
Для чего ты покинул свой дом?
Ты ушёл — только свет не гасила
И ждала: возвратишься опять.
Что за сила по свету носила,
Ведь себя никому не понять?
Заходи — и мне двери открыла,
Заходи, если сможешь зайти.
Как когда-то тебя отпустила,
Умоляю — меня отпусти.
Я шагнул — и рассыпались стены.
Я шагнул за порог в никуда...
И холодное небо измены,
Как орех, расколола звезда.

Глава 65

*Молчи, скрывайся и тай...
Ф. Тютчев*

Я сам в себе, как возраст мой.
Я — дом, засыпанный листвою.
Горит огонь, и печь гудит,
Но на дверях замок висит.
Прохожий, мимо проходя,
Не нарушай мой тёплый сон.
Там, за окном, в сетях дождя
Есть я — другой. Но я — не он.
А он открыт со всех сторон,
Ещё он дум высоких полн,
Во всём волшебник он и маг,
Себе — не друг,

другим — не враг.

Он возвращается домой,
Но дом его лишь дом родной.
И долго... Долго по ночам
Он смотрит в окна темноты
И быстро пьёт остывший чай,
Шепнув кому-то:

— Где же ты?

А я... я рядом, за стеной.
Я по соседству дом забытый,
Крест-накрест накрепко забытый
И потому ещё живой.

ЛАВА 39

Глава 66

МИР

1.
А этот мир... Он всё-таки единый...
Моей дороги посох журавлиный.

2.
Я пришёл к вам с миром,
Но вы заметили только меня.

Глава 67

СЛОВО

... Это Слово над миром сияет
И — покуда душа не пуста —
Снова силой незримой смыкает
Говорливые наши уста.

Глава 68

Прижать к лицу осеннюю траву,
Вдохнуть её неистребимый запах
И вдруг услышать, как на мягких лапах
Крадётся шёпот:

— Господи, живу!
Всему на свете можно удивиться.
Чей это шёпот — мой или травы?
А может, это выдохнула птица,
А может где-то выдохнули Вы?
Дышать, дышать, душистое подспорье
Сомненьем не разрушив до конца,
В травинке каждой скрытое раздолье
Увидев каждой клеточкой лица.

Глава 69

Уже не хочется разлуки,
Я с миром целое одно.
Созрел мой дождь, и стихли звуки.
И камнем в ночь летит окно.
На дне высотного колодца
земные тени вьют гнездо.
Поётся так, как будто пьётся:
СИ, ЛЯ, СОЛЬ, ФА,
МИ, РЕ,
но ДО
начала дней моих вчерашних
ещё прожить мне надо век,
где тяжесть дней пустых
и зряшных,
как шар воздушный, тянет вверх.
Стою, непризнанный богами,
познавший власть иных огней.
А мир кругами,
мир кругами —
и ниже, ниже ДО корней.

Глава 70

ПРО ТО

Про то, что так, а не иначе,
Но всё-таки меняло суть.
Про то, что ехало на кляче,
А после оседлало путь.

Про то, далёкое в начале,
Но близкое в концов конце.

ЛАВА 39

Про то, что силой отлучали
Не от луча ли на лице?

Про то, что легче вспышек снега,
Когда он падает на грудь.
Про то, что сердцу человека
Ещё без слов сказало: «Будь!»

Глава 71

Прах моих воспоминаний к праху
Одиноких дней твоих — скажу.
На твои колени, как на плаху,
Голову повинно положу.

И замечу, как сжимая губы,
Бросишь взгляд увянувший и злой...
Вспомнишь что-то.
Вскрикнешь.
И отрубишь —
Навсегда закроешь дверь за мной.

Глава 72

ДОРОГА

Играла волною у края причала,
И в спальню по ней приходила луна,
И каждое сердце, конец и начало,
Скворец перелётный — всё это она —
Дорога, дорога...

Ни хаты, ни тына.
Тоска да куда-то зовущая даль.
Во имя Отца воскресили нам Сына,
И мы прибежали голодные:
«Дай!»

А небо! А небо...
Ты было при Ное,
О чём и напомнило снова душе.
И катятся волны...
Иное, иное,
Иное ночами нам снится уже.
Дорога, дорога...
Бывает так плохо —
Никто не поможет, не вправе помочь.
На три разделилась безропотных слога
И так бесконечна, как долгая ночь.

Глава 73

Всё было просто, без обмана.
Обмана не было и нет.
Она возникла из тумана,
Из незначительных примет.

Она прошла сквозь штору ночи,
Она прошла сквозь стёкла дня.
Она возникла между строчек,
Чтоб мучить тайною меня.

Она со мной стояла рядом
Уже не сгустком пустоты.
Она меня касалась взглядом,
А я ещё не верил — ты...

Всё было просто, без обмана.
Обмана не было и нет.
Она возникла из тумана,
Из незначительных примет.

Глава 74

ДУРАК

А всё уже давным-давно,
Давным-давно и так,
И так похоже на кино,
Где суть вещей — бардак.
Где я из сотни кинолент
Всегда смотрю одну:
Меня ведут на постамент,
Но прежде — на войну,
Где я сражаюсь, как дурак,
За чей-то идеал,
Где я живу в кругу атак,
В кругу — чтоб не удрал.
Но день настал, и в полный рост
Я встал — ведь я дурак —
И тем нарушил чей-то ГОСТ,
Но прежде — чей-то мрак.
И я сказал чуть слышно: «Нет!»
Но громче батарей.
Я так сказал: «Добудем свет —
Да будет свет скорей!»
И вышел я, оставив зал,
Свой самый лучший ряд...
И это всё, что я сказал, —
Так в фильме говорят.

Глава 75

БРАТ

— Где твой брат? — меня спросил сосед.
— Он ушёл, не выключая свет.

— Где твой брат? — звонят с его работы.
— Мне бы ваши тщетные заботы!

Я друзей на улице встречаю.
— Где твой брат?
Друзьям не отвечаю.

— Где твой брат? — ко мне вина пристала...
— Где твой брат? — в глаза не смотрит мать...
— Где твой брат? — искать душа устала....
— Где твой брат? В каких веках искать?..

— Где твой брат?
Слова, как нож вонзаю:
— Свет горит... ищите... там... в дому.

— Где твой брат?
— Отстаньте, я не знаю,
Я не сторож брату моему.

Глава 76

Видно, впрямь заведено навеки —
Жизнь свою выбрасывать на ветер.
Видишь, как она летит по кругу —
Мы опять должны с тобой друг другу.

Оглянись на самом повороте...
Оглянись на самой высшей ноте...
Оглянись на самом невозможном...
Оглянись на самом-самом прошлом...

Видишь: там, где буря мглою кроет,
В снежном поле пень по-волчьи воет.

ЛАВА 39

И за раем вьются, мчатся бесы —
Как и мы, такие же повесы.

Глава 77

То не ветер дует в спину,
То печаль сбивает с ног.
За Двину закат задвину —
Раньше этого не мог.

Млечный путь бродил по свету,
Где-то свет свой забродил.
По ту сторону, по эту —
Лишь поэту и светил.

За окном шаги почуяв,
Стану сердцем у ворот.
Пусть всё то, чего хочу я,
Мне в лицо безбожно врёт.

Глава 78

Добраться сам пытаюсь до всего...
И вот стою — запутался в трёх соснах.
Грязища. Мрак. Нагрнуть бы в село,
Где чай, уют — запутаться в трёх сёстрах.
А утром взять отточенный топор,
Вишнёвый сад весь вырубить под корень.
Уйти бродить, как бродит в мыслях вор,
Укрававший для чего-то слово «шкворень».

Глава 79

ВЛУЖАС

Какие лужи во дворе, какие лужи!
Не переплыть... Не перейти до новой стужи.

Брожу по кругу, как дурак, причём последний,
Не выходя за горизонт своей передней.

Я думал раньше: как бы так прожить, не тужась.
Но в лужу стал, и сразу — бах, какой-то влужас!

Глава 80

Умер снег. Земля ему пухом
Пусть будет отныне до лучших дней.
Первый.
Чуть влажный.
Он был мне другом.
Был высотой на ладони моей.
Умер внезапно. Упал на дороге.
Мягко скончался, почти светло.
Знаю, воскреснешь ты в зимнем боге.
Холодно сердцу — аж душу свело.

Глава 81

Я заблудился, сидя в кресле,
Во всём, что выдернул наружу:
Стихи, дороги, чувства...

Если

Копнуть ещё — зацепишь душу.
Я заблудился, между прочим,
Не между севером и югом,
А между нынешним и прошлым,
Своей возлюбленной и другом.
Теперь я сам — как день вчерашний.
И кто меня найдёт такого?
Сижу в какой-то дикой чаще,
Где рыщет в дебрях только слово.

ЛАВА 39

Глава 82

НОЯБРЬ

Это как-то неправильно — плакать,
Это просто совсем никуда...
Облетают деревья и память —
Ни листочка уже, ни следа.

Это как-то неправильно — полнить,
Говорят, что точней — наполнять.
Это как-то неправильно — помнить
Только то, что уже не понять.

Это как-то неправильно — в холод,
До распутия добратся сюда,
Повернуть не туда, где ты молод,
А где дождь ледяной навсегда.

Глава 83

*Как и жить мне с этой обузой,
А ещё называют Музой...*

А. Ахматова

Может, когда-нибудь станет обузой,
Ну а пока называется Музой,
Ночью бессонною, ветра глотком —
Требует жизнь отложить на потом.
Это «пока» — не даёт мне покоя,
Будто за стенкою кто-то ревёт.
Ждёшь: вот нагрянет и будет такое —
Только лишь правду одну и соврёт.
Кто мне ответит зачем эта мука?
Воздух глотаю, а в нём пустота.
Слышишь, срывается капелька звука
В бездну листа...

Глава 84

Словно вырубил я небесный сад...
Никого вокруг — и врагу я рад...
Ничего уже за моей душой...
Просто мир людей, просто мир большой...
Просто ночь в огнях или свет в ночи...
Приподнялся я, как пирог в печи...
Заглянул за даль — за её предел...
Вижу — день в лучах до золы сгорел...
Вижу — пыль несёт ветер вдоль дорог...
Чтобы вспомнить я наконец-то смог...
Как я брёл сюда, как рубил я сад...
Как теперь уже и врагу я рад...
Как смотрел на мир, просто мир людей...
И как понял вдруг, что не мир злодей...
Опустил топор — отпустил в полёт...
Он упал у ног и лежит — цветёт...

Глава 85

Читаю старые стихи,
Как будто прежние грехи...
Теперь всё видится иначе
За плотной дымкой прошлых лет.
Здесь — улыбнулась мне удача.
Здесь — ты в ответ шепнула: «Нет!»
А вот у самого порога
Стою с цветами, видит Бог,
Тогда такого было много,
Ну, в смысле: ночь, любовь, порог...
Смешное время...
Благосклонно
Тогда ко мне отнёсся мир!

ЛАВА 39

Вот, здесь, кричу дружку с балкона —
Зову дружку к себе на пир.
Вот я бреду дорогой лунной.
Портвейн в руках... Куда бреду?
К подружке, может, юной-юной —
Ах, не сгореть бы с ней в аду.
Плевать...

Но каркнула ворона —
Взгляд оторвал свой от листа,
Не дочитав про шум перрона,
Про то, что жизни суть проста.
Про то, что, в общем-то, крылато,
Меня касалось в жизни той...
Про то, что Каин предал брата,
Про то, что Авель брат был мой.

Глава 86

Посреди сияющего мира,
Стало как-то холодно и сыро.
То ли туча тенью свет накрыла.
То ли вспомнил то, что прежде было.
А теперь лишь в памяти кружится,
Как над миром раненная птица.
Холодно и сыро стало сразу,
Счастлив словно не был я ни разу.
Будто вьюга в сердце след заносит.
А зачем? — никто её не спросит.
Для чего тот след вмиг стал незримым,
Чтоб никто не смог назвать любимым
Или чтоб не понял то, что снова
Из меня вдруг вылепило Слово...

Глава 87

Из варяг согласен и во греки,
Только б Вию не подняли веки,
Только б сны не стали погремушкой,
Навсегда забытой под подушкой.

Сколько в слове каждом скрыто неги,
Не иду'т, а и'дут снова снега.
Где-то колокольчик выпускного
Вечера звонит зачем-то снова.

Глава 88

Никого — только мутные дали.
Ничего — только куст в стороне.
Что за силы дорогу распяли,
Шевельнув чьи-то тени во мне.

Но душа не от них встрепенётся
И погонит мороз по спине —
Над распятым вечернее солнце,
Догорает в закатном огне.

Что ж душа, тут бывать не бывали,
Станем угли с тобой ворошить,
Ведь не зря же здесь дни отпылали,
Надо ж как-то по-новому жить.

Глава 89

Это было недавно...

Позабыв про испуг,
Ты меня целовала в окруженье подруг.
Ты со мною была, как созвездья в ночи!
А теперь всё молчишь.

Ангел мой, не молчи!
А теперь ты живёшь, и со мной-не со мной,
И, тебе лишь понятной, с какой-то виной.

ЛАВА 39

Я смотрю на тебя: ты, как прежде, ведь ты,
Да глядишь на меня из немой пустоты.
Я не знаю, когда разделила черта
Жизнь на ту, что цвела, и на ту, что черна.
Я не знаю, когда налетели снега,
Ты надёжней разлуки теперь и врага.
На виду не целуешь уже у подруг.
Иногда лишь ночами, ты вскрикнешь не вдруг,
Просыпаясь как будто во сне ото сна,
Шепчешь словно в бреду: «Возвратится весна...»

Глава 90

Страшнее нет писателя с гитарой —
Уж лучше бы с коробкой «Ассорти»,
Со свежеею в авоське стеклотарой,
С раскаяньем: о, Господи, прости!

Уж лучше бы с какой-нибудь шпиргалкой,
С каким-нибудь пожёванным листом,

Под ручку с чёртом, Музой, гадалкой —
Мечтающих о прошлом и простом.

Страшнее нет писателя с гитарой,
Когда он ею рубит как мечом.
А по его походочке усталой
Легко понять — писатель огорчён.

Ему вредны холодные закуски,
Ему нельзя с друзьями по сто грамм...
Остались только рамки те, что узки,
Узки, ну те, где он отныне — сам.

Глава 91

Не знаю... Не знаю откуда такие мотивы —
Ведь умерли те, про которых шепнули, что живы...
Но мне показалось, что вновь поманила удача.
И в мире — ни стоны уже, ни протяжного плача.
А только весеннее солнце играет на блюде,
Подпрыгнет как мячик — и счастливы, счастливы люди.
И мир бесконечен... А птиц возвратившихся стаи —
Как будто невидимый кто-то страницы листает...
И так хорошо, и свежо, и воистину — классно!
И кажется: жизнь, что напрасно прошла — не напрасна.
И кажется, те, что сегодня как боги воскресли —
Пьют чай, улыбаются, дремлют, раскинувшись в кресле...
И кажется: счастье — простая дорога без боли,
Ведёт и ведёт, и ведёт, и ведёт...

Где-то в поле

Она исчезает, становится чем-то далёким —
Прозрачной мечтою, а может, цветком синеоким.
А может... Не знаю... Гадать не хочу и не стану —
Я лучше рукою махну, птиц приветствуя стаю.

Глава 92

И вздрогнет вдруг душа, как будто где-то
Ещё июль... Ещё в разгаре лето...
Ещё с тобой мы влюблены друг в друга,
И в памяти не замела нас вьюга.

Ещё восторгом полнятся рассветы
И нарушать приятно так запреты...
Дымок от сигареты — тонкий-тонкий...
И жаркий день от жарких встреч не долгий...

Ещё вино живое мягко пьётся...
Подрагивает на ресницах солнце —
Глаза слезятся от порыва ветра...
И вздрогнет вдруг душа, как будто где-то...

ЛАВА 39

Глава 93

Так легко мы в детстве засыпали,
Как песком букашку засыпали...

Так легко мы в юности мечтали —
Бригантины мимо проплывали...

Так легко врагов своих прощали,
Будто те навеки уезжали...

Так легко любили, да страдали —
О себе ни капельки не знали...

К старости — далёкое всё ближе.
Обернёшься — след мой кто-то выжег...

Дунет ветер — пепел разлетится!
Господи, не вскрикнет даже птица...

Тишина такая, что ночами
Всё трудней уснуть, блеснув очами...

За окном пытаюсь мир увидеть —
Выйдет он из мрака, иль не выйдет...

Так легко нам было, видит Боже,
А теперь мороз один по коже...

Глава 94

ОДИНОЧЕСТВО

*Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.*

Иван Бунин

Вот уж две недели
Дождь, но еле-еле...
Грустная картина:
Неба половина.
Тучи низко-низко.
Стол. Салфетка. Миска.
Ландыши. Завяли...
Вспомнишь ли? Едва ли!
Да и я забуду,
Как народ Неруду.
Пошутил, конечно —
Он в сердцах навечно,
Да сердец тех мало...
Тошно как-то стало.
Хряпнуть что ли водки,
Заглушить чтоб нотки...
Есть на то причина.
Муж ведь я, мужчина...
Поднимусь с дивана.
Пять ноль семь — так рано,
Рано так, что поздно...
...Ты ушла по звёздам
В лужах на аллее.
Обернулась резко...
Нет, я не жалею —
Просто выпить не с кем.

Глава 95

Упала осень на порог
Листком последним.
Хотел тебя вернуть — не смог —
Недавним, летним...

ЛАВА 39

Движенье сонное реки.
Шаги ночные,
Такие ж тихие шаги,
Как сны речные.

Пошла вдоль берега... Сама.
Теперь — одни мы.
Ещё чуть-чуть — придёт зима,
Скорее — зимы.

И как согреться, как уснуть
В чужой постели?
Подушку сжав, шепчу:
— Забудь,
Мы так хотели...

Глава 96

Прости меня, мой милый друг,
что не писал давно.
За год случились десять вьюг —
стиха ни одного...

За год случились сотни дел
(от сердца отлегло),
и триста шестьдесят пять дней —
стиха ни одного...

В мечтах прожил я этот год!
Что в мире моего —
лишь времени неслышный ход,
стиха ни одного...

Глава 97

Вновь не даёт покоя мне
Свет мутный в призрачном окне...

Стою...
Курю в тени холодной,
Пытаясь вспомнить отчий дом.
Мир детства птицею свободной
Лишь промелькнул, задев крылом.

Казалось бы, какое дело
До жизни прошлой мне теперь,
Она за стаей улетела —
Не звякнет цепь, не скрипнет дверь.

И только свет в окне — повсюду,
Куда бы я ни бросил взор.
Но не увидеть дом отсюда,
Хоть выше этих нету гор!

В душе не тает сумрак ночи...
Дым всё острее — и лезет в очи...

Глава 98

ЭЛЕГИЯ

1
В детстве ловили с тобой пескарей,
В юности пили под сенью аллея,
В зрелые годы мечтали о разном,
Как оказалось — пустом и напрасном...

2
Старость заметили вдруг в переулке —
К нашему дому искала дорогу.
Помнишь, когда-то нам нравились жмурки?

ЛАВА 39

С нею сыграем, хоть разик, ей Богу...

Глава 99

Спрятался кто навсегда за спиною,
Шепчет:
— Ану, отгадай...
Кто так воздушно играет со мною,
Не грозовая ли даль?
Может быть, годы? Случайные птицы?
Может, видения сна?
Как бы хотел я назад возвратиться,
Где лишь рассвет и весна...
— Молодость, ты? — как дурак, вопрошаю,
Или чужая мечта?
Я тебя, знаешь, за шутку прощаю...
Вдруг, это женщина... та?
Нет... Не могу... Быстро память листаю...
Лучше в ответ промолчу.
Душу напрасно догадкой терзаю —
Знать ничего не хочу.

От автора:

Годы написания романа — 2012-2020

Стихотворения — разных лет